

А.К. Погасий

**ЛЕКЦИИ ПО ЮРИДИЧЕСКОМУ
РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ**

Учебное пособие

Казань, 2021

УДК 37.01
ББК 74.04
П75

Печатается по решению Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Рецензенты:

Пчелинцев А.В. – доктор юридических наук, почетный адвокат,
гл. редактор журнала «Религия и право».

Поцелуев Е.Л. – кандидат исторических наук, зав. кафедрой теории и
истории государства и права Ивановского
государственного университета.

Погасий А.К.

П75 Лекции по юридическому религиоведению: учебное пособие /
А.К. Погасий. – Казань: ИД «МеДДоК», 2021. – 264 с.

Учебное пособие подготовлено на кафедре религиоведения
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ
и предназначено для студентов, обучающихся по профилю «Юридическое
религиоведение» направления подготовки 47.04.03 Религиоведение.
Представлено в форме лекций по темам профиля и снабжено списком
рекомендуемой литературы. Может представлять интерес также для
учащихся духовных образовательных учреждений (независимо от
конфессиональной принадлежности) и всех, интересующихся религиозно-
правовой тематикой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
Введение	4
Лекция № 1. Религия в государстве и обществе	7
Лекция № 2. Краткий исторический обзор государственно-конфессиональных отношений	15
Лекция № 3. Религиозная политика России в конце 80-х годов XX – начале XXI вв.....	26
Лекция № 4. Модели государственно-конфессиональных отношений, существующие в современном мире	37
Лекция № 5. Конституция РФ о свободе совести и вероисповедания	51
Лекция № 6. Религиозная свобода в международном праве	70
Лекция № 7. Гражданско-правовые аспекты хозяйственной деятельности религиозных организаций	96
Лекция № 8. Уголовное право и религия.....	109
Лекция № 9. Административно-правовые аспекты деятельности религиозных объединений	136
Лекция № 10. Религия и образование	146
Лекция № 11. Трудовая деятельность работников религиозных организаций	159
Лекция № 12. Правовые вопросы землепользования религиозных организаций	163
Лекция № 13. Регулирование семейно-брачных отношений в российском праве и правовых системах некоторых религий.....	166
Лекция № 14. Религиозная диффамация: свобода совести и средства массовой информации.....	184
Лекция № 15. Культура и религия: понятие, соотношение, правовые вопросы	195
Лекция № 16. Реализация права на свободу совести в Вооруженных Силах и местах лишения свободы	205
Лекция № 17. Религиоведческая экспертиза: проблемы и пути решения.....	225
Лекция № 18. Практические вопросы защиты свободы совести	242

ВВЕДЕНИЕ

Если религиоведение как самостоятельная отрасль гуманитарного знания возникла в Европе во второй половине XIX в., а остальные его направления – история, философия, психология, социология религий и др. – сформировались в конце XIX – XX веках, то такой прикладной раздел религиоведения как *юридическое религиоведение* (или *религиозное правоведение* – даже название еще точно не определилось), начал осмысливаться лишь в конце 80-х годов XX в., а более или менее оформляться как некая *подотрасль* на стыке религиоведения и правоведения – уже в XXI столетии.

В качестве причин этого можно назвать;

– быстрый рост числа религиозных объединений, как зарегистрированных, так и не пожелавших получить статус юридического лица, т.н. *религиозных групп*;

– увеличение числа государственно-конфессиональных и межконфессиональных конфликтов, обусловленных, во-первых, недостаточной законодательной урегулированностью социально-религиозных отношений и, во-вторых, отсутствием специалистов соответствующего профиля;

– вовлеченность религиозных объединений в общественную жизнь, также требующую правового регулирования (благотворительная, культурно воспитательная, образовательная деятельность и т.п.);

– специфику религиозной деятельности, выражающуюся в отношении к некоторым государственным обязанностям (участие в политической деятельности, военная служба) и т.д.

Возникшие на постсоветском пространстве новые реалии поставили перед государством и обществом и новые задачи, в числе которых – выработка религиоведческо-правового инструментария для решения специфических проблем религиозной сферы. Для этого необходимо провести целый комплекс научных, организационных и юридических мероприятий; одним из них становится подготовка профильных специалистов. В стране много хороших юристов и не менее хороших религиоведов. Однако в данном случае необходимы специалисты, сочетающие в себе и те, и другие знания и умения – *юристы-религиоведы* или, по-другому, *религиозные правоведы*.

Долгое время таких вообще не готовили и только в конце 90-х годов была попытка ввести предмет «Религия и право» на кафедре государственно-конфессиональных отношений Института государственной службы и управления РАНХиГС, Центре изучения религий РГГУ, Теологическом институте Церкви Ингрии, одном из московских духовно-образовательных учреждений, а в 2005-2010 гг. – в Казанском экономико-юридическом колледже. За время этого эксперимента программа «Религия и право» была окончательно доработана и апробирована.

Но все равно – это был лишь ознакомительный курс, призванный обратить внимание на проблему и предложить пути ее решения. Социальный заказ уже начал формироваться, однако на тот момент еще не внедрился в умы тех, кто должен был разрешить его реализацию.

И только в 2014 году на кафедре религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета открыли магистерский профиль «Юридическое религиоведение». Конечно, в идеале это направление должно преподаваться на юридических факультетах, как минимум в качестве спецкурса, или более расширенно – специализации на старших курсах. Но даже внедрение его на специальности «Религиоведение», особенно если у магистрантов имеется базовое юридическое образование, дает весьма ощутимые положительные результаты: сегодня ряд выпускников уже работают юристами в религиозных организациях, консультируют государственные органы, ответственные за проведение в жизнь религиозной политики, участвуют в судебных процессах по делам о защите свободы совести и деятельности религиозных объединений и т.д.

Совсем недавно в Высшей школе экономики начала работать магистерская программа «Церковь, общество и государство. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений», призванная готовить юристов, специализирующихся в правовом обеспечении деятельности религиозных объединений и защите свободы совести и вероисповедания.

Таким образом, зревшая в течение последних 25 лет идея обучения профильных специалистов в сфере религиозных

отношений, наконец начала осуществляться. За прошедшее время было подготовлено все необходимое для ее реализации: учебные программы, учебники и пособия, сборники законодательных актов о религии, лекционные курсы.

В качестве базовых учебников и учебно-методических материалов ко всему курсу предлагаются следующие:

1. Погасий А.К. Религиозное правоведение. Юридические аспекты религиоведения: учебник. – Казань, ИД «МедДок», 2015. – 308 с.

2. Погасий А.К. Юридическое религиоведение: учебно-методическое пособие. – Казань: ИД «МедДок», 2016. – 200 с.

3. Погасий А.К. Религия и право. Учебное пособие. – 2-е изд. – Казань: Изд.дом «Меддок», 2008. – 196 с.

4. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.

Настоящее учебное пособие, оформленное в форме лекционного курса, дополняет представленные выше учебные материалы.

ЛЕКЦИЯ № 1.

Религия в государстве и обществе

Дать определение понятию «религия» и просто, и одновременно непросто.

Просто – потому что можно сказать: религия – это вера в Бога или богов. Но если это так, то почему мы видим великое множество ее определений? Например, российский религиовед Е.И. Аринин насчитал их порядка 750¹. Значит, все-таки непросто и, скорее всего, потому, что религия – неоднозначное явление, выходящее за рамки материального мира с его причинно-следственными связями, т.е. не укладывающееся в формально-логические умопостроения.

Тем не менее, чтобы как-то определиться, религию можно свести к некоторым основным компонентам, таким как **вера** в сверхъестественное (Бога или богов, духовный мир), сопровождаемая определенными **отношениями** людей, объединенных в некие **общности** (группы, организации), по поводу специфической (в данном случае – культовой) **деятельности**, на основе конкретного **вероучения**.

Сам термин «религия» возможно происходит от латинского *religio* – набожность, святыня. Первоначально это слово означало, вероятно, страх или благоговение перед божеством, а позднее – предмет культа и связанные с ним ритуалы.

Некоторые исследователи истоком этого термина считают глагол *relegere* – собирать воедино, передавать повторно; другие – и это самое распространенное мнение – полагают, что слово религия происходит от другого глагола *religare* – «вновь связывать вместе», подразумевая под этим утраченную при грехопадении связь с Богом.

Вера в Бога не ограничивается рациональной убежденностью в его существовании. Вера – это религиозное **чувство**, эмоциональное отношение. Душевное состояние, сопровождающее непосредственное общение с Богом, определяется как **религиозный опыт**.

¹ Аринин Е.И. и др. 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: монография Владимир: ВлГУ, 2014. 459с.

Принимая во внимание, что религия отвечает на многие насущные вопросы человека, касающиеся осознания им самого себя и своего места в мире, природе, обществе, она является еще и **мировоззрением**.

Таким образом, религию в самом общем виде можно определить как **мировоззрение, мироощущение и миропонимание, основанное на вере в сверхъестественное**. Все остальные элементы можно отнести, на наш взгляд, к внешнему оформлению данной дефиниции, хотя, к сожалению, для многих людей именно они становятся определяющими в их понимании религии.

Место и роль религии в обществе наглядно проявляется в ее **функциях**, т.е. в характере и способах воздействия религии на индивида и общество в целом.

К функциям, реализующимся на **общесоциальном** уровне, можно отнести:

– **компенсаторную**, т.е. восполнение, компенсация немощи индивида перед лицом природных и общественных сил: человеческое бессилие компенсируется осознанием всемогущества Бога, социальное неравенство – равенством в греховности, разобщенность и одиночество – братством в религиозной общине и т.п. В психологическом отношении религия является сильным антистрессовым фактором.

– **регулятивную**, когда религия становится регулятором поведения людей путем воздействия на них религиозных идей, ценностных установок, культовой деятельности, догматики.

С регулятивной тесно связана **легитимизирующая** (узаконивающая) функция. Общественные системы не могут нормально функционировать, если не обеспечит определенные ограничения для ее членов, другими словами, свобода личности должна быть ограничена свободой другой личности или общества в целом. Причем, речь идет не только о формировании морально-правовой системы, но о ее обосновании и узаконении. Религия исходит из того, что указанные нормы базируются не на человеческих, относительных установках, а на чем-то непреходящем, вечном, абсолютном, т.е. на Боге, который является законодателем всего морально-нравственного порядка.

– **интегрирующую**, способствующую сплочению людей по конфессиональному признаку. Например, в трудные времена россияне объединялись вокруг Православной Церкви, племена американских индейцев складывались по тотемному принципу.

К функциям **личностного** уровня относятся:

– **мировоззренческая** функция. Как уже говорилось, религия дает определенное миропонимание, объясняя природу Вселенной и человека, смысла его жизни и нравственные критерии. Верующие смотрят на мир сквозь призму абсолютов своей религии и неважно, совпадает ли это видение со взглядами других религий или науки – *они так видят*.

– **коммуникативная** функция. Религия выполняет функцию межличностного общения через единство с Богом («Да будут все едино; как Ты, Отче, во мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21)). Само понятие религиозной *общины*, культовая деятельность, совместная молитва и участие в таинствах показывает, как реализуется функция общения.

– **культурно-воспитательная** функция. Религия лежит в основе культуры этносов, наций, цивилизаций. Она хранит и передает в поколениях традиции, культурные ценности и позволяет людям приобщаться к ним.

– **нравственно-воспитательная**. Данная функция преподносит моральные нормы как Божье установление, которое нужно выполнять не из страха общественно-правовых санкций, а из любви к Богу.

Разделение функций на личностные и социальные весьма условно, поскольку все они глубоко взаимосвязаны и составляют целостную систему.

Таким образом, религия действительно пронизывает все сферы общественной жизни и оказывает на них влияние через распространение своих учений, духовно-практическую деятельность индивидов и религиозных сообществ.

Человечество в целом и индивид в частности всегда стремились и стремятся глубже познать Вселенную, общество, самого себя, наконец. При этом они ищут какие-то ориентиры, на которых можно наиболее оптимально построить свою жизнь, обеспечить безопасность, удовлетворить насущные нужды. Человек получает определенные знания в своей области с целью использования их для указанных нужд. Например, будущие

юристы изучают большое количество специальных предметов, знание которых затем реализуют в правовой деятельности.

Но есть знания, которые нужны каждому для становления себя не только как узкого специалиста, но для формирования цельной, духовной личности. К ним можно отнести философию, этику культурологию и, в том числе **религиоведение** – науку, изучающую закономерности возникновения и развития религии, ее влияния на общество и человека. Речь идет не о конфессиональном исследовании какого-либо религиозного течения, предполагающего идеологические оценки, а о религии как культурном феномене в истории общества.

Знания о религии накапливались столетиями. В той или иной степени, она изучалась в рамках многих научных дисциплин, направлений, школ – теологии, философии, истории, филологии, этики, эстетики, психологии, этнологии, археологии и др. Во второй половине XIX в. на стыке этих наук складывается собственно религиоведение как самостоятельная отрасль знания. Во многом религиоведение возникло как попытка, в противовес теологии, рационально объяснить религиозный феномен естественными факторами. Это, в свою очередь, породило двойственность в самом предмете религиоведения, поскольку сюда входит собственно религия, т.е. то, что изучает присущими ей методами та же теология, и научные данные, полученные различными отраслями знания. Религия базируется на вере, а наука – на знании, поэтому оценки и выводы теологии и науки зачастую могут существенно отличаться.

Религиоведение состоит из ряда разделов: истории религии, философии религии, социологии, психологии, феноменологии религии, религиозной антропологии, религиозной этики и т.д.

Отсюда вытекают задачи религиоведения: сбор и систематизация информации о религии с целью объяснения ее происхождения и сущности; описание, классификация и сопоставление различных религий; исследование их влияния на общественную жизнь.

Немаловажными являются исследования, относящиеся к сфере таких общественных институтов как государство – право – религия, их соотношение и взаимовлияние.

Следует помнить, что религия появилась раньше государства и именно религиозные установки (табу) регулировали общинную

жизнь; вероучительные доктрины формировали критерии принятой и сегодня общественной и личной морали.

Из сказанного вытекает, что религия действительно является краеугольным камнем, генетическим основанием **права** и как науки, поскольку позволяет осмыслить эволюцию общественных законов, и правоприменения, поскольку показывает взаимосвязь истоков и последствий человеческих поступков. «Грех» и «преступление» в свое время были синонимами, да и сейчас эти понятия во многом совпадают. Результатом такого взаимодействия стало то, что правомерное поведение людей в обществе достигается как предписаниями и санкциями светского прав, так и религиозными нормами.

Религиозные суды в древние времена вершили правосудие не только по преступлениям против веры, но по гражданским делам. В исламских странах и в настоящее время действует мусульманское право – фикх¹.

В Российской Федерации сегодня действует более 30000 зарегистрированных религиозных организаций и, вероятно, столько же религиозных групп (объединений, существующих без регистрации), которые объединяют более половины населения страны. Эти цифры показывают, что такой внушительный пласт общества и связанных с ним отношений не может остаться без внимания государства и права.

Изучение отношений государства и религиозных конфессий показывает, что оба эти общественных института являются отражением человеческой природы и каждому из них отведена своя роль, четко определенная в и священных книгах религий, и в законах государства.

Что же такое государственно-конфессиональные² отношения? На наш взгляд, достаточно емкую и основательную формулировку дал бывший заведующий кафедрой религиоведения РАГС Николай Антонович Трофимчук (к

¹ Фикх – (араб. *فقه* – понимание, знание) – мусульманская доктрина о правилах поведения (юриспруденция). Некоторые исследователи используют в этом случае термин «шариат», как синоним фикха. Другие понимают «шариат» в качестве определения мусульманского права в широком смысле, как источник фикха.

² Ранее эти отношения в литературе назывались государственно-церковные. Однако, во-первых, поскольку речь идет не только о христианской церкви, но и о других конфессиях (ислам, буддизм и т.п.), которые также соотносятся с государством, и, во-вторых, государство в лице своих органов имеет дело не с религиями как таковыми, а с религиозными институциональными структурами, правомерно формулировать их как государственно-конфессиональные отношения.

сожалению, рано ушедший из жизни): **государственно-конфессиональные отношения – это совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными объединениями, религиозными партиями, религиозными движениями, международными конфессиональными центрами), одна из составных частей внутренней и внешней политики государства.**

Государство законодательно закрепляет свои представления о месте религии и церкви в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений.

С другой стороны, государство ощущает на себе влияние религиозных идей и представлений, взглядов верующих граждан и духовную деятельность религиозных образований.

Если государство демократическое, оно согласовывает свои отношения с субъектами вероисповедной политики и при ее формировании стремится учитывать интересы верующих различных конфессий, не ущемляя при этом права неверующих граждан.

Свобода совести и свобода вероисповеданий как относящиеся к основным правам и свободам, гарантируются государством и, следовательно, попадают в сферу правовой защиты. Верующие пользуются защитой закона наравне со всеми гражданами, а жизнь религиозных объединений регулируется теми же законами, что и любое другое юридическое лицо. Однако в силу специфики деятельности они нуждаются в регулировании еще и специальными нормами. Таковыми являются Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», аналогичные региональные законы, а также более ста нормативных правовых актов в отраслевых законах, затрагивающие вопросы защиты свободы совести и деятельности религиозных объединений (УК, ГК, ТК, Административный кодекс, законы о средствах массовой информации, о погребении и похоронном деле, о статусе военнослужащих, об образовании и др.).

Мудрецы говорят, что там, где собираются вместе три человека, рождается конфликт. А если он есть – должен быть и тот, кто этот конфликт разрешит. Чаще всего это юрист. Нет ни одной сферы общественной жизни, в которой не работали бы

правоведы соответствующей специализации. И только сфера свободы совести и деятельности религиозных объединений не охвачена в должной мере правовым регулированием. И если законодательная база по данной проблеме более или менее разработана, то со специалистами – большой пробел. В стране не наберется и двух- от силы трех десятков юристов, специализирующихся на религиозно-правовой проблематике, которая во внутривластном отношении не менее острая и важная, чем проблематика национальная.

Этот пробел, на наш взгляд, должен быть восполнен введением настоящей дисциплины в программу юридических факультетов ВУЗов либо как обязательный предмет, либо в качестве специализации по выбору студентов.

Литература

1. Алексеев С.С., Архипов С.И., Корельский В.М. и др.: Теория государства и права. Учебник /под ред. С.С. Алексеева. 1998 г.

2. Залужный А.Г. Правовые и религиозные нормы в системе государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. - № 4 (28) – М.: Изд-во РАГС, 2001. Конституция Российской Федерации. – М.,1994.

3. Красников А.Н. Тенденции современного религиоведения // Религиоведение. – 2001. - № 1.

4. Кристенсен У.Б. Значение религии // Религиоведения. – 2005. - №2.

5. Кудрявцев А.И. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в современной России // Десять лет по пути свободы совести: проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений: Материалы научно-практического семинара / Под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М. 6 Институт религии и права, 2002.

6. Михеев Р.И., Владимиров Д.А. Роль религии в предупреждении антисоциальных явлений // Религия и право. – 1999. - № 2.

7. Писманик М.Г. Лекции по религиоведению. Учебное пособие. – Пермь: Пермский государственный технический университет, 2006.

8. Придворнов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповеданий в праве современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

9. Пчелинцев А.В. Право должно быть выше политики и религии. Образ России на совещании ОБСЕ по человеческому измерению в Варшаве // Религия и право. – 2007. - № 1.

10. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

11. Радугин А.А. Введение в религиоведение. Курс лекций. – 2-е изд. – М.: Центр, 1999.

12. Религиоведение. Учебное пособие. – 5-е изд. / Под ред. А.В.Солдатова. – СПб.: Лань, 2004.

13. Религия в истории и культуре. Учебник / Под ред. М.Г. Писманика. – Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М.: Юнити, 2000.

14. Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России / Отв. Ред. и сост. С.Б. Филатов. – М.: СПб.: Летний сад, 2002.

15. Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1966.

16. Симонов И. Государство и церковь: какими должны быть отношения // Религия и право. – 2001. - № 3.

17. Трофимчук Н.А. Государственно-церковные отношения: сущность понятия // Религиозные организации и государство: перспективы взаимодействия. Материалы конференции (Москва, 22-23.02.1999 г.). – М.: Изд-во «Рудомино», 1999. – С. 6.

18. Форвард М. Религия / Пер. с англ. Н. Григорьевой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

19. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.

ЛЕКЦИЯ № 2.

Краткий исторический обзор государственно-конфессиональных отношений

Всякий исследователь, изучая религию, государство и общество, неизбежно приходит к заключению, что они, во-первых, взаимосвязаны, ибо всегда существовали и существуют рядом, во-вторых, не могут существовать друг без друга, и, в-третьих, взаимно влияют друг на друга. Об этом писал еще в 426 г. один из отцов церкви Аврелий Августин в своем сочинении «О граде Божьем»¹. Из этого следует вывод: чтобы совместно жить им приходится **выстраивать отношения.**

В процессе этого исторического сосуществования в древности и средневековье сложились несколько моделей взаимоотношений церкви и государства:

- примат Града Небесного (церкви) над законами человеческими (т.н. «папоцезаризм»);
- примат государства («цезарепапизм»);
- симфония (согласие) церковной и светской власти.

В разные периоды истории какая-то из них преобладала. В Византии V века идея *царственного священства и священного царства* была оформлена в Шестой новелле императора Юстиниана. Примат государства наиболее явно преобладал в России во времена царствования Петра I. Примат церкви – средневековое папство, отдельные периоды российской истории.

Однако, как известно, идеальных систем не существует. Ни одна из перечисленных моделей не решила проблему отношений, а только, зачастую, доводила их до абсурда. В XII-XIII веках, например, Католическая церковь разработала целую систему искоренения ересей (инквизицию), что привело к массовой «охоте на ведьм». Церковный трибунал выявлял еретиков, часто с помощью пыток. Поскольку же церковь не имеет право проливать кровь, осужденные, в рамках сотрудничества с государством, передавались светской власти, которая их казнила. Причем, чтобы и здесь не было обвинения в пролитии крови, казнь осуществлялась путем сожжения на костре

¹ Августин, Аврелий. О граде Божьем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения 10.03.2021).

(«очистительный огонь сжигает тело, но спасает душу»). Имущество казненных переходило либо к государству, либо к церкви.

Соединение церкви и государства в Средние века, борьба за духовную и светскую власть, вызвавшие обман, подкупы, убийства, привело к духовному разложению и того, и другого. Империя пала под натиском варваров, а церковь пережила кризис в виде Реформации XVI века.

Реформационные процессы XVI века выдвинули новые концепции государственно-церковных отношений. В соответствии с одной из них, государство рассматривалось как аппарат насилия и принуждения, поэтому участие церкви в государственных делах исключалось.

Вторая концепция заключалась в том, что вероисповедание правящего монарха определяло вероисповедание его подданных («чья власть, того и вера»). По этому пути пошли некоторые западноевропейские страны (Швеция, Дания, Голландия).

Третья концепция гласила: божественные законы правят человеком и его царствами.

Четвертая предлагала полностью отделить церковь от государства. Этот принцип и сейчас господствует на Европейском и Американском континентах.

XVII век стал веком враждебности между государством и церковью. Вольтер страстно призывал искоренить религию, называя ее «постыдным суеверием». Он утверждал, что через сто лет от религии ничего не останется. По иронии судьбы, после смерти Вольтера в его доме оказалась типография, в которой печатались Библии...

Великая Французская революция сознательно пыталась подменить Царство Божие царством человеческим. Отчасти это получилось, поскольку на смену французской безрелигиозности пришла новая вера, именуемая «гуманизмом» – обожествление человеком самого себя (не путать с гуманностью – человеколюбием).

В Новом Свете в это время отцами-основателями США была открыта совершенно новая идея отношений государства и церкви. Конституция США разделила эти два института,

установив, что Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих или запрещающих религию.

Современная фаза истории взаимоотношений государства и церкви сочетает в себе черты, характерные для предыдущих эпох: возникновение тоталитарных политических режимов привело к гонениям на церковь, подобных и даже более сильных, чем в Древнем Риме. И тогда, и сейчас правители не терпят иных царей, даже если этот царь сам Бог.

На Западе секуляризованное общество усиленно навязывает безрелигиозность, используя для этого демократические принципы. Америка стала полем духовной битвы, в ходе которой традиционная вера сдает свои позиции. Демократия проявила свою вторую природу: она дала возможность беспрепятственно распространять религию, она же открыла законные способы борьбы с ней.

А как же проходили эти процессы в России?

Как известно, Россия восприняла христианство у Византии, что имело огромные последствия для всего хода исторического развития.

Для восточного варианта христианства характерно тесное сотрудничество, почти отождествление церкви и государства, то, что называют «симфонией» – полным согласием. В Византии главой церкви был император, а сама церковь являлась частью государственной организации. Патриарх Константинопольский писал в 1393 году великому князю Московскому Василию I: «Царство и Церковь имеют между собой тесное единение и общение и невозможно отделить одно от другого».

В противоположность этому, западная модель государственно-церковных отношений строилась на приоритете церкви. Уже папа Григорий Великий (590-604) провозгласил главенство церкви над государством.

Приняв крещение, Русь приняла и византийскую модель «симфонии царства и священства», что было закреплено в 42-й главе славянской Кормчей Книги. Это согласие проявлялось в том, что государство использовало церковь для поддержания своей политической линии в данный исторический момент. Например, в 1469 году церковь дала соответствующее идеологическое обоснование походу Ивана III на Новгород «яко

иноязычник и на отступник православия». Митрополит Филипп благословил великого князя и направил новгородцам грамоту, в которой обвинил их в отступлении от православия к «латинству» (католичеству).

Взамен церковь получала государственную поддержку как в подкреплении религиозной ортодоксии, так и в материальном плане. По Уставу князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных (X век) церкви передавалась десятая часть всех княжеских доходов, а также вводилось церковное судопроизводство по семейно-брачным отношениям, колдовству, ведовству и т.п. Кроме того, духовенство, монашество и ряд других лиц полностью подпадали под юрисдикцию церкви и князь не вмешивался в деятельность церковных судов.

В XV веке начали критически осмысливаться религиозные вопросы. Иосиф Волоцкий писал в то время: «Ныне и в домах и на путях и на торжищах иноки и мирские и все сомнятся, вси в вере пытаются». Появляются ереси (жидовствующие, стригольники, ересь Матвея Башкина), которые рационалистически рассматривают некоторые догматы христианского учения.

В конце XV века, когда образовалось единое государство, влияние церкви начало ограничиваться. Иван Грозный писал князю Курбскому: «Нигде же обрящещи – не разорится царству, еже от попов владому». На церковном соборе 1580 г. Ивану VI удалось провести решение о запрещении вкладов в монастыри.

Борьба государства с вмешательством церкви проявилась в деле митрополита Филиппа Колычева, боровшегося с опричниной. Он был огульно обвинен в «порочном поведении», лишен сана и в 1568 г. сослан в Тверской монастырь, где и был задушен тем, против кого боролся – Малютой Скуратовым.

Однако в те времена власть еще весьма нуждалась в церкви. Теория божественного происхождения царской власти и «Москва – третий Рим» требовала освящения царской власти патриархом. После борьбы с константинопольским патриархом, отказавшимся учредить русскую патриархию, Московский собор 1589 года сам избрал патриарха – митрополита Иова, который, будучи хорошим политиком, сумел найти общий язык мирской властью, активно помогая Борису Годунову занять царский престол.

В Соборном уложении предписывалось избирать русских патриархов собором русского духовенства, а избранный подлежал окончательному утверждению царем. Таким образом, русская церковь стала самостоятельной, но отчетливо просматривалась зависимость ее от государственной власти.

С другой стороны, первый патриарх Иов совершил торжественный обряд венчания на царство Бориса Годунова в Успенском соборе Кремля.

Первое время и государство, и церковь не оспаривали сложившийся статус-кво. Однако с усилением абсолютной монархии и зарождением «третьего сословия» – буржуазии, началось наступление на привилегии церкви. Соборное уложение 1649 г. ограничивало землевладение церкви, запрещая ей покупать и брать в заклад вотчины. Некоторые земли конфисковывались в пользу государства. Светская власть также лишила церковь некоторых судебных привилегий – был создан Монастырский приказ (1650 г.), в ведение которого поступали церковные земли и суд над духовенством.

В 1652 г. патриархом был избран Никон, который предпринял попытку поставить патриаршую власть выше царской, но его поражение в борьбе с царем Алексеем Михайловичем положило этому конец.

Упразднение патриаршества в 1703 г. Петром I ознаменовало окончание господства модели «симфонии царства и священства», хотя на деле она и до этого постоянно нарушалась. Произошло полное огосударствление церкви, которая стала составной частью правительственно-административной системы.

В 1721 г. был издан основной закон по делам церкви – «Духовные регламент», которым патриарх заменялся *Духовной Коллегией* (впоследствии «Святейший Правительствующий Синод»). Секретарь Синода – обер-прокурор (мирянин) – фактически стал главой церкви. Церковные иерархи назначались императором по представлению обер-прокурора Синода. Духовные лица приравнивались к светским чинам, предусмотренным петровской «Табелью о рангах». Епархии Православной церкви управлялись духовными консисториями, возглавляемыми епархиальными архиереями. Консистории подчинялись Синоду, который утверждал их членов.

Бюрократизация распространилась и на церковные приходы, в которых постепенно было уничтожено самоуправление.

В конце XIX – начале XX вв. в России существовала система государственно-церковных отношений, опиравшаяся на законы Российской Империи. Переплетение юридических норм с каноническими, обеспечение исполнения церковных предписаний мерами государственного принуждения, а положения закона также и религиозной карой – характерная черта права времен самодержавия.

Несмотря на то, что православие получило статус господствующей религии, оно оставалась частью государственного аппарата, т.е. оказалась юридически бесправной и подчиненной светской власти.

Императрица Александра Федоровна так отзывалась о членах Синода: «Я многих знаю, но все они какие-то странные, очень малообразованные, с большим честолюбием... Это какие-то духовные сановники... Народ идет не за сановниками, а за праведниками». К такому положению закономерно привело многовековое подчинение церкви государству.

Конфессиональные организации других исповеданий также были в полной зависимости от государства. Регламентировал жизнь католиков, протестантов, иудеев, буддистов, язычников Устав духовных дел иностранных исповеданий, а руководили их деятельностью Министерство внутренних дел и местные государственные органы.

Существенным признаком имперской системы государственно-конфессиональных отношений было правовое неравенство конфессий. Свод законов Российской империи все исповедания делил на четыре иерархических уровня, на первом из которых находилась Православная Российская церковь, имевшая статус «первенствующей и господствующей». Насчитывалось более тысячи статей закона, охранявших ее права.

На втором уровне были так называемые «признанные терпимые» исповедания: католики, протестанты, армяно-григорианская и армяно-католическая церкви, христианские секты (меннониты, баптисты, адвентисты), а также нехристианские религии – иудаисты, мусульмане, буддисты и язычники.

Третью ступень правовой иерархии занимали «терпимые непризнанные» религиозные сообщества – раскольники (старообрядцы) и сектанты, когда-то отделившиеся от Православной церкви (хлысты, духоборы, молокане). В правовом отношении их существование не признавалось (не пользовались правом юридического лица, их духовные лица, хотя и особо не подвергались преследованиям, но не пользовались, как духовенство признанных церквей, никаким особым юридическим положением), однако, как факт их «терпели». Эта «терпимость» на самом деле ограничивалась целым рядом законодательных положений, на практике не дававших им возможность исполнять свои религиозные нужды: запрещалось издание религиозной литературы, крестные ходы, ношение священнических одежд, общая молитва в частных домах и т.п.

К категории «непризнанных нетерпимых» вероисповеданий относились т.н. изуверские секты (скопцы) и те исповедания, которые само государство в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств квалифицировало как враждебные (например, в 60-70 гг. XIX века так квалифицировали русский штундо-баптизм). Исходя из этого, законом преследовалась сама принадлежность к таким исповеданиям.

Существование системы распределения исповеданий по иерархическим уровням обуславливалось, в первую очередь, идеологическими соображениями, поскольку православие являлось официальной идеологией Российского государства. Немаловажную роль играл также и национально-политических фактор. Территориальная экспансия XVIII-XIX вв. (лютеранская Прибалтика и Финляндия, католическая Польша, мусульманское Закавказье, буддистская и языческая Сибирь) к концу XIX века привела к тому, что православие уже не составляло в Российской империи подавляющего большинства и необходимо было политико-правовыми методами сохранить господствующее положение как титульной нации, так и Православной церкви.

Но история развивается по своим собственным законам, не зависящим ни от каких имперских амбиций, и государству приходится эти законы учитывать.

Под воздействием первой русской революции власть предприняла попытку несколько изменить церковную политику.

17 апреля 1905 г. был издан императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости», который расширил пределы свободы совести, но не уточнил правовой основы отношений государства и религии, поэтому по факту все осталось прежним.

Православная церковь указам осталась недовольна, т.к. считала, что он усиливает позиции иноверия и ограничивает православие.

В 1906 г. правительство Столыпина внесло в Думу ряд вероисповедных законов: об инославных и иноверных обществах, об отношении государства к отдельным исповеданиям. Однако все эти законопроекты были заблокированы либо Думой, либо Государственным Советом.

Результатом таких отношений стало то, что в критический момент (переворот 1917 г.) церковь и государство оказались не в состоянии проводить совместную политику. Полное их отождествление в народном сознании привело к тому, что крах самодержавия стал и крахом православия.

В конечном итоге политика РПЦ не только дискредитировала церковь в глазах всех, кто дорожил идеалами справедливости, но и произвела духовный вакуум, заполненный советскими идеологами, обещавшими создать в этом мире рай, который христианство предлагало на небесах.

Вмешательство государства в дела церкви, произвол в отношении священства, которые все годы своего господства практиковали большевики, не было придумано ими. Советская власть только лишь использовала в своих целях традиционную российскую модель государственно-церковных отношений.

Постановлением ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. отменялись все права церкви как юридического лица. Религиозные организации и их члены подлежали обязательной регистрации, причем местные органы власти могли отказывать в ней без каких-либо объяснений, что ставило их деятельность вне закона. Церковная жизнь ограничивалась только богослужениями в стенах храмов, причем их становилось все меньше: по стране прокатилась волна закрытий и разрушений культовых зданий (в 1930-34 гг. их численность сократилась на 30%). Духовенство было лишено избирательных прав и облагалось повышенными налогами (с 1930 г. они обязаны были отдавать в казну 75% своих «нетрудовых доходов»). Священники

выселялись из квартир как «лишенцы», а если их и оставляли, то устанавливали непомерно высокую квартплату.

В 1925 г. был организован т.н. «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), руководимый М.И. Губельманом (более известным нам как Е.М. Ярославский). К 30-м годам на местах насчитывалось 96000 первичных ячеек Союза, просуществовавшего до 1947 г. СВБ совместно с НКВД-ОГПУ целенаправленно занимался борьбой с религией во всех ее проявлениях и, надо отдать ему должное, достиг больших результатов.

Если перед большевистским переворотом РПЦ, например, имела 117 млн. прихожан, 48 тыс. храмов, 1025 монастырей, более 50 тыс. священников и диаконов, 130 архиереев, то к 1938 г. были закрыты все монастыри (лишь с присоединением Западной Украины и Белоруссии, а затем Бессарабии и государств Балтии в стране оказались 64 монашеских обители). К 1941 г. осталось 3021 храм, причем около 3 тыс. приходились на те же присоединенные территории. Из 130 епископов на свободе осталось лишь 4 человека.

Нравственные и материальные потери того периода неисчислимы. Сотни тысяч верующих подверглись репрессиям, вплоть до физического уничтожения. Исчезали чудесные образцы церковного искусства, секреты колокольного литья, иконописи. Стремительно снижался нравственный уровень населения.

Гонения на церковь вызывали протесты в Европе и Америке. 2 февраля 1930 г. папа Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении русской церкви.

После короткого потепления государственно-церковных отношений второй половины 40-х – начала 50-х годов, снова начались гонения. Яростно заработала репрессивно-пропагандистская машина, перемалывавшая начавшую было пробуждаться веру людей. Кто-то шел в места лишения свободы, кто-то – в психиатрические больницы, которые в 60-х – 80-х годах исправно работали как действенное средство борьбы с «психическими отклонениями на религиозной почве».

В той или иной степени, репрессии продолжались вплоть до второй половины 80-х годов XX в., когда перестроечные процессы всколыхнули все российское общество, в том числе и религиозные отношения.

Литература

1. Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи к XIX – началу XX вв. (к вопросу о взаимовлиянии цивилизационных логик в российской истории) // Религиоведения. – 2002. - №2.
2. Андреева Л.А. Российские традиции государственно-церковных отношений // Религия и право. – 1998. - № 3.
3. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. – СПб.,1994.
4. Барменков А.И. Свобода совести в СССР. – М.,1986.
5. Блаженный Августин. Об обучении оглашаемых // Богословские труды. Вып. 15. М., 1976.
6. Гидулянов П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. – М., 1923.
7. Дегтярев Ю.М. История «религиозного вопроса» // Религия и право. – 1999. - № 2.
8. Избранные новеллы Юстиниана / Пер. и введ. ст. В.А. Сметанина. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2005.
9. Из истории борьбы с религиозным инакомыслием. Российские публицисты начала века о веротерпимости // Религия и право. – 1998. - № 4-5.
10. Капранова Е.А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской православной церкви на Дальнем Востоке России (1840-1918гг.) // Религиоведения. – 2006. - № 4.
11. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – Т. 2. – Париж: YMCA-PRESS, 1959.
12. Кожаев М.М. Концепция «симфонии» церкви и государства в древнерусском учении о власти // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. - № 1.
13. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. – М., 1997.
14. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права в России. – Л., 1980.
15. Минникес И. Избрание Новгородского владыки в XII-XV вв. // Религия и право. – 2003. - № 4.

16. Медведев П.Н. Взгляды А.С. Хомякова и создание «нравственного» государства в России // Религия и право. – 2006. - № 1-2.

17. Одинцов М.И. XX век в российской истории (Государство. Церковь. Народ) // Религиоведения. – 2001. - №1,2.

18. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX в.). – М., 1996.

19. Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Изд. «Лань», 2002.

20. Пинкевич В.К. Конституционная реформа С.Ю. Витте и проблема веротерпимости в начале XX в. // Религия и право. – 2003. - № 2.

21. Пинкевич В.К. Вероисповедная система Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 4. – М.: Изд. РАГС, 2001.

22. Салыгин Е. Россия и теократия // Религия и право. – 1998. - № 3.

23. Соколов Г.Е. Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей (на примере Москвы) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Изд. РАГС, 2001.

24. Черемных Г.Г. Свобода совести в Российской Федерации. – М., 1996.

25. Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941-1961 гг. // Религиоведения. – 2002. - №1.

26. Шапов Я.Н. Государство и Церковь в Древней Руси X-XIII вв. – М., 1976.

27. Элбакян Е.С. Государственно-церковные отношения в дискуссиях либеральной и церковной интеллигенции в России в начале XX века // Религиоведения. – 2005. - №3.

ЛЕКЦИЯ № 3.

Религиозная политика России в конце 80-х годов XX – начале XXI вв.

Коммунистическая партия, как идеолог социалистического государства, рассматривала религию в качестве пережитка, «опиума для народа»¹, который неизбежно исчерпает себя в ходе строительства коммунизма. Поэтому до конца 80-х годов XX в. основные принципы вероисповедной политики разрабатывались в идеологическом отделе ЦК КПСС, а затем директивно направлялись в аналогичные органы союзных республик для их практической реализации. В основе этих принципов лежали идеи научного коммунизма, базирующиеся, в свою очередь, на диалектико-материалистическом мировоззрении.

Однако дальнейший ход истории показал несостоятельность таких воззрений. Крах тоталитарного режима, пробуждение демократических принципов в обществе, провозглашение идеологического и политического плюрализма вызвали необходимость пересмотра советской модели государственной религиозной политики, которая явно не отвечала реалиям сегодняшнего дня.

Для нормального функционирования государственной системы, все складывающиеся в обществе отношения должны быть закреплены соответствующими нормативными правовыми актами. Законодательная база в области свободы совести и деятельности религиозных объединений начала складываться с момента выхода в октябре 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», а также принятия в 1993 г. новой Конституции Российской Федерации. Эти акты закрепили общепризнанные принципы и нормы международного права в области свободы совести и свободы вероисповеданий и создали условия для их реализации.

¹ Кстати, К. Маркс применил это словосочетание совсем в ином смысле, чем его интерпретировал В.И. Ленин. В оригинале оно звучит следующим образом: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков, она – опиум народа», т.е. в положительном смысле - как болеутоляющее средство.

Однако коренные изменения в данной сфере общественных отношений начались раньше, чем были приняты эти законы – во второй половине 80-х годов и явились результатом политических процессов, развивавшихся в России в этот период.

Ход строительства собственно российской государственной религиозной политики можно разделить на несколько условных этапов:

Начальный этап приходится на 1986-1990 годы. Изначально обновление предполагалось лишь как создание специального органа, ведавшего бы религиозными проблемами. Этим органом стал Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР. Заметим, что в масштабах Советского Союза аналогичная структура давно существовала – Совет по делам религий СССР – и российскому Совету в 1987-1988 гг. пришлось отстаивать свое право проводить самостоятельную религиозную политику на своей территории.

Каково было положение с религиозными объединениями на тот период?

На 1985 год в РСФСР официально числилось 3003 религиозных организаций, а на 1 января 1990 – 3983. В 1985 г. было зарегистрировано 23, в 1986 – 28, в 1987 – 44, в 1988 (год празднования тысячелетия крещения Руси) – 231, 1989 – 686 религиозных организаций. Несмотря на несравнимый с прежними годами рост, это можно назвать скорее некоторым «потеплением», чем четкой государственной политикой, поскольку в стране все еще действовало законодательство о религиозных культах 1929 года.

Но в этот период явно отмечалась тенденция роста доверия масс к религиозным обществам (67 % в 1990 г.). Политики и государственные деятели не могли не отметить этот фактор. В марте 1990 г. был избран новый состав Верховного Совета РСФСР, который создал Комитет по вопросам свободы совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности во главе с В.С. Полосиным. Одним из результатов деятельности Комитета стало упразднение в системе КГБ Управления «3» (идеологические диверсии), в составе которого находился 4-й («церковный») отдел, а также Совета по делам религий при СМ РСФСР и аппаратов уполномоченных в регионах.

В августе 1990 г. был подготовлен проект Закона о религиозных организациях. Параллельно готовился союзный законопроект «О свободе совести и религиозных организациях», который 1.10.1990 г. был принят Верховным Советом СССР, а уже 25.10.1990 г. ВС РСФСР утвердил свой закон «О свободе вероисповеданий», показав, что Россия может сама решать свои религиозные вопросы. Этот закон убрал все ограничения из старого законодательства и фактически отстранил государство от осуществления контроля за соблюдением законов, касающихся религиозных организаций. Законодатель, вероятно, исходил из следующего.

В основу государственной вероисповедной политики может быть положен либо разрешительный, либо регистрационный, т.е. уведомительный подход. В Российской империи и в СССР существовал разрешительный порядок деятельности религиозных объединений: верующие граждане должны были испросить разрешение на создание такого объединения, на аренду или строительство помещения для отправления своих религиозных потребностей. И не факт, что разрешение могло быть получено. Без государственного «благословения» проведение богослужений запрещалось.

Перестройка вызвала фактически «революционную ситуацию», когда любые ограничения рассматриваются как покушение на «святое» – свободу во всех ее проявлениях. А поскольку свобода совести всегда являлась показателем демократии, законодатель просто не мог заложить в правовую норму какие-либо положения, ее ограничивающие. Правовой маятник резко качнулся в другую сторону...

Сложившаяся ситуация вызвала неразбериху в самом понятии «государственно-конфессиональные отношения». Не были определены порядок и условия формирования местных религиозных обществ, их права и обязанности. На первых порах неясно было даже то, кто должен регистрировать религиозные организации: в одних регионах этим занимались районные администрации, в других (как, например, в Татарстане) – государственные органы по делам религий.

Все эти недочеты проявлялись постепенно, в процессе реализации норм Закона в жизни.

Следующий, **второй этап** становления государственно-конфессиональных отношений можно условно ограничить периодом с октября 1990 до декабря 1993 г. (принятие Конституции РФ). Его основное содержание связано с реализацией Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в центре и на местах.

Ситуация в данной сфере складывалась весьма неоднозначная. С точки зрения демократизации общественной жизни налицо явный прогресс: верующим передаются тысячи культовых зданий, восстановлены десятки монастырей, открыто множество духовных учебных заведений, религиозных журналов, газет и книжных издательств. Безоговорочно регистрировались практически все религиозные общества: если на 1.01.1991 г. было зарегистрировано 5502 религиозных объединения, то на начало 1994 г. эта цифра увеличилась до 11088, т.е. в два раза.

На этом этапе уточняется и основная статья Конституции, касающаяся права свободы совести.

Однако целостная модель церковной политики государства так и не была разработана. Дело ограничивалось лишь общими заявлениями. Указы Президента и распоряжения Правительства, касающиеся этой сферы, зачастую противоречили друг другу. Отсутствие государственного органа, ведающего религиозными вопросами, делало невозможным планомерное введение в жизнь положений Закона (пусть несовершенного, но в значительной мере отвечающего общепризнанным международным нормам) и обеспечение взаимодействия властных структур и религиозных организаций. Эта задача попеременно возлагалась на различные государственные структуры, то вновь создаваемые, то упраздняемые: Экспертно-консультативный совет при Комитете по свободе совести; Координационную комиссию при Правительстве РФ по вопросам вероисповеданий; Государственного советника РФ по политическим вопросам и т.п. Однако полностью восстановить управление этими процессами так и не удалось.

К началу 1993 г. деструктивные тенденции в государственно-конфессиональных отношениях и религиозной ситуации в целом стали очевидными. Они проявились в политизации религии и клерикализации государства, межконфессиональных и

межнациональных конфликтах на религиозной почве, обострении внутрицерковной борьбы, падении авторитета некоторых российских религиозных организаций на мировой арене. К этому добавился разгул оккультизма и суеверий, а также бесконтрольная регистрация любых организаций, назвавшихся религиозными, среди которых скрывались и коммерческие, поскольку законодательство предусматривало для религиозных организаций серьезные налоговые льготы.

Летом 1993 г. Верховный Совет на своей сессии признал ошибочность упразднения государственных структур, ведавших вопросами обеспечения свободы совести, и высказался за корректировку Закона «О свободе вероисповеданий». Однако Президент отверг законопроект с изменениями и дополнениями.

Обострившаяся внутриполитическая обстановка и силовое противостояние в стране в октябре 1993 г. на время отодвинули решение религиозного вопроса. Вернулись к нему в декабре того же года в связи с принятием всенародным голосованием Конституции Российской Федерации. Это событие ознаменовало собой начало нового, **третьего этапа** развития государственной вероисповедной политики.

Новая Конституция подтвердила принцип светскости государства и равенство религиозных объединений (ст.14), равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии (ст.19), сформулировала понятие свободы совести в полном соответствии с международными правовыми нормами (ст.28).

На этом этапе государственно-конфессиональные отношения стали возвращаться в русло правового регулирования. Вновь встал вопрос о необходимости создания при правительстве России федерального органа для координации усилий ведомств в вопросах, относящихся к деятельности религиозных организаций (в регионах такие органы стали появляться еще раньше, а в некоторых, например, в Татарстане, Совет по делам религий вообще не упразднялся).

Летом 1994 г. при Правительстве РФ была создана Комиссия по вопросам религиозных объединений. Администрация Президента, Совет Федерации и Государственная Дума также образовали специальные отделы, подкомитеты и специалистов по государственно-конфессиональным отношениям.

С 1995 года разрабатывался проект нового закона о свободе совести и деятельности религиозных объединений, который неоднократно вносился в Госдуму, но постоянно возвращался на доработку. Наконец, 26 сентября 1997 года он был принят и 1 октября вступил в силу под названием Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». С принятием этого закона начался **четвертый этап** развития государственной политики в вероисповедной сфере.

В отличие от закона 1990 он закрепил ряд принципиально новых положений. Изменен порядок создания религиозных организаций, сокращен круг лиц, способных быть учредителями и участниками религиозных организаций, введено понятие «религиозная группа», имеющая право действовать без государственной регистрации и т.д.

Все последующее время государственно-конфессиональные отношения проходили и проходят сейчас под эгидой этого закона. Помимо него на федеральном уровне действуют свыше 100 нормативных актов, в которых в том или ином аспекте затрагиваются вопросы реализации права свободы совести.

Более чем в 30 субъектах Российской Федерации были приняты собственные законы и иные нормативные акты по этим вопросам. Однако многие из них сужали свободу совести и тем самым нарушали положение Конституции РФ в части разграничения полномочий Федерации и ее субъектов: согласно п. «в» ст. 71 регулирование прав и свобод человека и гражданина находится в ведении Российской Федерации и субъекты не имеют права их ограничивать. На этом основании Генеральная прокуратура опротестовала большинство таких местных нормативных актов.

Этот период характерен тенденциями к клерикализации многих важных областей жизни государства и общества (некоторые крупные конфессии пытаются напрямую влиять на органы власти, внедриться в школу, армию и т.п.). Отдельные политики стараются внедрить понятие «государственной религии» в умы людей и требуют ввести это на законодательном уровне. Например, 7.09.2000 г. генеральный директор информационного аналитического агентства при Управлении делами Президента РФ А. Игнатьев опубликовал статью «Стратегия «Глобализационного лидерства для России»: «Россия

может и должна стать первым государством, где будет реализована политика интеграции мировых религий. Следует как можно скорее ввести понятие «государственная религия», к которой должны быть отнесены православие и ислам. Все остальные должны получить статус «поддерживаемых государством».

Из этой фразы видно, что автор опирается не на Конституцию РФ, а на Свод законов Российской империи: «Первенствующая господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» (Т.1, ч.1, разд.VI, ст. 40).

Что же касается других конфессий, то их существование должно быть, вероятно, определяемо Уставами духовных дел иностранных исповеданий: «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным» (Т.XI, ч. 1, ст. 4).

Такие взгляды крайне опасны тем, что могут привести страну в тупик, породить межрелигиозные конфликты и уронить авторитет власти. Хорошим противоядием здесь будет служить неукоснительное соблюдение государством принципа равноудаленности от всех конфессий и равенства их перед законом.

Еще одна тенденция, характерная для периода после 1997 г. – попытки вовлечения ряда религиозных организаций в политическую борьбу. Те или иные кандидаты обращаются к религиозным организациям за поддержкой, что крайне опасно, поскольку является соблазном для их руководителей и прихожан. Известный русский юрист А.Ф. Кони писал по этому поводу: «Соединение политики и веры всегда приводило к дурным результатам».

По словам того же Блаженного Августина, и Град Небесный, и град земной влияют на общество. Другое дело, что способы этого влияния различны, зачастую противоположны. Политическое» влияние церкви должно ограничиваться лишь

молитвой за власть предержавших и вынесением духовного суждения по всем возникающим вопросам, касающимся жизни общества. Всякая попытка использовать мирские (недуховные) методы превращает религиозное объединение в политическую организацию со всеми вытекающими последствиями.

Сам Иисус Христос говорил Понтию Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36). Отсюда вытекает, что и законы этого Царства духовные, а не мирские. Поэтому совершенно логично и правильно законодатель запретил религиозным организациям участвовать в политической деятельности (п. 5 ст.4 Закона).

Несмотря на то, что ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не в полной мере оправдывает возлагаемые на него надежды, он в течение последних 23 лет исправно выполняет свое предназначение правового регулятора такого важного аспекта нашей жизни, как право свободы совести и практическая его реализация.

С другой стороны, мы должны признать, что процесс формирования вероисповедной политики государства на современном этапе не завершен. Осмысление явлений, происходящих во внутриконфессиональных, межконфессиональных и международных отношениях, приводит к пониманию того, что сформировавшаяся в 90-е годы государственную религиозную политику и ее законодательную базу необходимо совершенствовать. Но для этого должна быть сформулирована четкая **концепция государственно-конфессиональных отношений**, вокруг идеи которой с конца 90-х продолжается широкая дискуссия. На самых разных уровнях выдвигался ряд таких концепций, отражающих различные позиции их авторов. Все они, так или иначе, сводятся к необходимости решения следующих задач:

- обеспечение равенства прав и свобод человека, независимо от его отношения к религии, в т.ч. гарантий свободы совести;
- обеспечения гарантий равенства религиозных конфессий и свободной деятельности их институциональных структур;
- поддержание процессов формирования толерантного отношения между верующими разных вероисповеданий, конфессиональных образований между собой, а также между верующими и неверующими людьми;

– противодействие проявлениям нетерпимости, вражды и экстремизма на религиозной почве;

– контроль за поддержанием равновесия в этноконфессиональных, национальных и религиозно-культурных процессах.

К сожалению, центральная власть с 90-х годов и до настоящего времени игнорирует идею разработки такой концепции на государственном уровне. По словам ответственного секретаря Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации А.И. Кудрявцева, «разработка и принятие такого документа на федеральном уровне не планируется. Что касается концептуальных основ отношений государства и религиозных объединений, то они заложены в Конституции РФ и никто не собирается от них отказываться»¹.

Отдельные законодательные акты, даже если это Конституция, не могут сформулировать государственную позицию по какому-либо вопросу, они могут лишь отражать ее. Отказ государства заявить такую позицию в виде развернутой и завершенной концепции, порождает соблазн навязать обществу взгляды какой-либо одной конфессии. Например, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится, что Церковь «... вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию»². Следует отметить, что вышеуказанная концепция с подачи некоторых политиков 6 июля 2001 г. рассматривалась на парламентских слушаниях «Проблема законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской Православной Церкви», где было предложено взять ее за основу при

¹Кудрявцев А.И. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в современной России / А.И. Кудрявцев // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений: материалы научно-практического семинара / под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002. – С.11.

²Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Даниловский благовестник, 2000. – С. 56.

формировании государственной религиозной политики. Нетрудно понять, что за этим стоит желание обосновать необходимость введения «титульной религии» с неким особым статусом.

Именно отсутствие государственной концепции в области отношений с религиозными объединениями породило противоречие в преамбуле Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части признания «особой роли православия» со ст. 14 Конституции РФ – никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной и религиозные объединения равны перед законом. Все ссылки на то, что православие не является государственной религией, а лишь культуuroобразующей, несостоятельны, поскольку в сознании людей указание в законе на «особую роль» однозначно порождает соответствующее отношение к другим религиям, как чуждым нашей культуре, а, значит, неприемлемым для россиян. Плоды подобной правовой неопределенности таковы, что заинтересованными кругами властям на местах рекомендуется устанавливать приоритетные отношения с религиозными объединениями титульных этносов, а это чревато межконфессиональными конфликтами.

Таким образом, пока государство не выработает четкую позицию по вопросам свободы совести и вероисповеданий, отношению к конфессиям, деятельности религиозных объединений и не сформулирует это в виде развернутой концепции, не допускающей множественного толкования, остается опасность дестабилизации общественно-политической ситуации в стране.

Литература

1. Воробьева М.В. Религия и религиозность в современной России // Религиоведение. – 2006. - № 2.
2. Гараджа В.И. Религиоведение. – М., 1994.
3. Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М., 1994.
4. «Круглый стол» «Религиозная политика российских властей до и после инцидента в синагоге на Большой Бронной».

Портал-Credo.Ru, 10 февраля 2006 г. (стенограмма) // Религиоведение. – 2006. - №4.

5. Кудрявцев А.И. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в современной России / А.И. Кудрявцев // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений: материалы научно-практического семинара / под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой . – М.: Институт религии и права, 2002. – С.11.

6. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в России (1985-1997) // Религия и право. – 1999. - №№ 2,3,4-5.

7. Погасий А.К. Закон новый – порядки старые // Религия и право. –1999. - № 6.

8. Погасий А.К. К вопросу о принятии закона о свободе совести в Татарстане // Религия и право. –1998. - № 4-5.

9. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.

10. Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

11. Рагозина Л. К вопросу о взаимодействии органов государственной власти с религиозными организациями // Религия и право. – 1998. - № 3.

12. Религия и демократия: На пути к свободе совести. – Т.2. – М., 1993.

13. Религия и политика в современной России. – М., 1998.

14. Религия и права человека. – М., 1996.

15. Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 1997-2007 гг.

16. Фолиева Т.А. Государственно-конфессиональные отношения в социальных доктринах Русской православной церкви и исламских организаций России // Религиоведения. – 2006. - №2.

17. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Даниловский благовестник, 2000. – С. 56.

ЛЕКЦИЯ № 4.

Модели государственно-конфессиональных отношений, существующие в современном мире

Выше мы говорили об исторически сформировавшихся принципах религиозной политики в мире. На основе этих принципов на сегодняшний день сложились определенные модели отношений между государством и религиозными институциональными образованиями в различных странах. Будучи приверженной общепринятым международным принципам свободы совести и вероисповедания, Россия сейчас выстраивает свою модель таких отношений. Но чтобы снова не «изобретать велосипед», лучше проанализировать существующий опыт зарубежных стран и взять из него то, что соответствует интересам нашей страны.

В соответствии с ч.1 ст. 17 Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Часть 4 ст.15 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы и, более того, в случае конкуренции норм национального и международного законодательства, приоритет имеют последние. Таким образом, международное право имеет статус закона прямого действия, т.е. заинтересованные лица могут прямо ссылаться непосредственно на нормы международного права.

Разъясняя это конституционное положение Верховный Суд РФ в своем постановлении «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» от 31.10.1995 г. указал на то, что суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующие возникшие правоотношения, если вступившим в силу для РФ международным договором, решением, о согласии с которым для РФ было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях

применяются правила международного договора Российской Федерации.

Этим постановлением внимание судов было обращено на то, что в силу п. 3 ст. 5 ФЗ РФ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют непосредственно. В иных случаях наряду с международными договорами РФ следует применять и соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений указанного международного договора.

Следует также помнить, что согласно ноты МИД РФ главам дипломатических представительств от 13.01.1992 г. «Российская Федерация продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных СССР», как его правопреемник.

Вышеприведенные положения в большой степени касаются права свободы совести и вероисповедания.

Большой вклад в защиту прав и свобод человека внесла Организация Объединенных Наций. В соответствии с Уставом ООН (ст.55), принятого в 1945 г., одним из приоритетных направлений является содействие всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

10 декабря 1948 г. ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, ст. 18 которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».

Принятые Генеральной Ассамблеей ООН 18.03.1966 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах провозглашают свободу иметь или принимать и исповедовать любую религию или убеждения по своему выбору, а также право родителей обеспечивать

религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.

Все дальнейшие международные документы в той или иной форме повторяют или конкретизируют эти основополагающие принципы ООН.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, провозглашенная резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 25.11.1981 г. вся посвящена проблеме свободы совести. Она призывает помнить, что игнорирование и нарушение права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества; что религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни; указывает на то, что свобода религии может и должна содействовать достижению целей всеобщего мира, социальной справедливости и дружбы между народами и призывает все государства принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений.

Аналогичные нормы содержатся и в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятой ООН 18.12.1992 г. Государства-участники декларации, понимая, что поощрение и защита прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, способствуют политической и социальной стабильности в тех странах, где они проживают, призывают государства принимать меры для создания благоприятных условий, позволяющих лицам, принадлежащим к меньшинствам, выражать свои особенности и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи.

Вопросы свободы совести и религии отражены также в следующих международных документах:

- Заключительный Акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975);
- Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Мадрид, 1983);

- Итоговый документ Венской встречи 1989 года представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Вена, 1989);
- Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Копенгаген, 1990);
- Парижская хартия для новой Европы (итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) (Париж, 1990).

Однако наиболее важный международный документ для России – это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанная 4.11.1950 г. представителями государств – первоначальных членов Совета Европы, ратифицированная Российской Федерацией 30.03.1998 г. и вступившая в силу для России 5.05.1998 г.

Ратификацией этого документа Россия, после многих лет тоталитаризма, подтвердила свое стремление встать на путь признания и выполнения демократических принципов и **реального** обеспечения общепризнанных прав и свобод, включая право на свободу совести и религии. Реального потому, что с 1998 года российские граждане могут обращаться за защитой своих прав непосредственно в Европейский суд по правам человека, основной юридической базой для которого и является Европейская конвенция.

Правда, при исполнении решений ЕСПЧ, необходимо учитывать Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах РФ», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», касающееся **применения в России решений Европейского Суда по правам человека**. Согласно этому постановлению,

«Президент РФ, Правительство РФ, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей РФ к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в КС РФ с запросом о толковании соответствующих положений Конституции РФ в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Другими словами, оставляя за собой право не исполнять решений ЕСПЧ, если это противоречит Конституции РФ, Конституционный Суд **фактически признал верховенство Конституции РФ над международными нормами.**

После распада СССР и создания Содружества Независимых Государств (СНГ), последние 26.05.1995 г. подписали Конвенцию о правах и основных свободах человека, где были воспроизведены сформулированные в приведенных выше международных документах общепринятые принципы религиозных свобод – мысли, совести и вероисповедания. Этой Конвенцией СНГ подтвердило право каждого человека на свободное осуществление этих свобод, которые могут быть ограничены только законом и в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц.

Анализируя двадцатитрехлетний период действия закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», особенно в контексте той полемики, которая разразилась еще до его принятия, после вступления в силу и сопровождает на всем протяжении реализации его положений, отмечая все недочеты и противоречия закона, приходишь к мысли о более внимательном изучении международного опыта в этой области.

В мире различаются три основных модели государственно-конфессиональных отношений:

1. Государственная церковь (идентификационная модель) (Англия, Греция, Дания, Норвегия, Финляндия, до недавнего времени – Швеция).

2. Отделительная (сепарационная) модель (Нидерланды, США, Франция).

3. Кооперационная модель (нейтралитет) (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Италия, Люксембург, Португалия).¹

Первая модель и ее эволюция хорошо просматривается на примере Швеции.

В Северной Европе Реформация получила развитие в 1520-1540 годах. Шведский король Густав Ваза принял лютеранство и убедил дворянство последовать его примеру во многом из экономических соображений, утверждая, что это позволит вернуть недвижимую (в основном землю), находящуюся во владении католической церкви. Дворяне нашли этот аргумент разумным и согласились. Однако по решению парламента в 1527 году основная часть имущества церкви перешла в собственность шведской короны. Тем не менее к 1593 году Швеция стала протестантской, а инаковерующие были изгнаны из страны.

С того времени соединение церкви и государства в Швеции (а поскольку Финляндия находилась под ее властью – то также и там) стало традиционным. Связи эти можно охарактеризовать следующим:

– традиционно граждане Швеции становились членами Лютеранской Церкви с рождения, если хотя бы один из родителей являлся ее членом. Правда, сейчас положение иное – чтобы стать членом Церкви Швеции необходимо быть или крещеным в ней (что чаще всего и получается), или самому подать прошение о вступлении;

– государство наряду с местными налогами собирало и церковный налог, из которого получали зарплату священнослужители;

– это позволяло государству вмешиваться во внутренние дела Церкви. Помимо этого, на протяжении многих веков

¹ См. Мирошниченко Е. Государственно-церковные отношения в Германии // Религия и право. – 1998. - № 1-2. – С. 45-47.

Лютеранская Церковь являлась наиболее важным каналом транслирования властных распоряжений народу.

В 1873 г. был принят закон, разрешающий покинуть Лютеранскую Церковь Швеции и стать членом другой религиозной общины. Но лишь в 1951-1952 гг. шведский гражданин получил возможность выйти из государственной церкви и не состоять ни в какой религиозной общине. Тем не менее, получив такое право, шведы не стали покидать свою Церковь, главным образом потому, что большинство граждан, включая неверующих, считают ее национальным символом.

Однако последние десятилетия ситуация коренным образом изменилось. Современное шведское общество характеризуется религиозным и идеологическим плюрализмом.

После второй мировой войны Швеция стала многонациональной. В 60-70-е годы вследствие недостатка рабочей силы в страну стали прибывать иммигранты из южной Европы и Ближнего Востока, а в 80-90-е годы хлынул поток беженцев из Южной Америки и Среднего Востока, бывшей Югославии и Африки. Все они принесли и свои религиозные убеждения, что бросило вызов традиционной близости шведского государства с Лютеранской церковью.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, государство и Церковь пришли к выводу о необходимости реформирования их взаимоотношений. Было предложено несколько альтернативных моделей таких отношений. В 1995 г. государство представило ежегодному собранию Церкви Швеции и шведскому парламенту (риксдагу) некоторые принципы создания новых отношений государства и Церкви. Эти принципы стали основой дальнейшего анализа, завершившегося принятием в 1997 г. соответствующего положения, регламентирующего правовой статус Церкви.

1 января 2000 г. это положение вступило в силу. Согласно ему, Лютеранская Церковь Швеции перестала быть государственной и уравнилась в юридических правах с другими религиозными конфессиями. Тем не менее, государство определенным образом выделяет Лютеранскую Церковь, мотивируя это ее исторической ролью для Швеции.

Она наделена более широкой автономией в принятии решений по своим внутренним вопросам. Каждое решение,

однако, должно соответствовать нормам положения, наиболее важными из которых следующие:

– Церковь Швеции является евангелическо-лютеранской общиной;

– она является открытой народной церковью;

– она должна иметь демократическую структуру;

– деятельность Церкви Швеции должна осуществляться на территории всего государства.

Изменился также порядок налогообложения. Бюджет Церкви Швеции на $\frac{3}{4}$ пополняется за счет взносов членов церкви, которые, подобно бывшему церковному налогу, подлежат уплате вместе с налогом на прибыль. Кроме того, каждый гражданин, независимо от членства в Церкви Швеции обязан платить ей взнос на похороны, поскольку за ней оставлен надзор за кладбищами, имеющий многовековую традицию.

Другие конфессии лишены этих привилегий, но могут о некоторых из них ходатайствовать перед государством.

Как видно из изложенного, церковь перестала быть государственной, но эти отношения, скорее, ослабели, но не исчезли совсем. Это больше похоже на компромисс между желанием построить независимую Церковь и сохранить контроль над ней. Возможно, следствием такого компромисса стало недавнее заявление Церкви Швеции о возможности церковного благословения гомосексуальных браков и согласие на это со стороны государства.

Финская Евангелическо-лютеранская Церковь остается государственной (хотя именуется народной); также уплачивается церковный налог, а священнослужители получают зарплату от государства. Однако историческая связь со Швецией (шведский язык там действует наряду с финским) и некая преемственность политических и религиозных процессов предвещают в скором будущем аналогичные перемены.

Отделительную (сепарационную модель) кратко рассмотрим на примере США.

В истории Америки право на свободу совести и вероисповедания были в зоне особого внимания отцов-основателей США. Не случайно первая поправка к Конституции провозглашает, что «Конгресс не должен издавать законов,

устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание».

Дело происходило во времена основания Соединенных Штатов, граждане которых состояли из переселенцев, убогавших от религиозных преследований в Европе. В многонациональном обществе с множеством различных верований, терпимость к другим религиозным традициям была необходимым условием для сохранения целостности федеральной структуры Америки. Поэтому без гарантии на свободу совести отдельные штаты не согласились бы передать часть полномочий федеральной власти. Доверие к ней пришло именно после предоставления каждому такой гарантии.

Сегодняшнее общество в США воспитано на более чем двухсотлетней традиции уважения к принципам свободы совести как неотъемлемой части американской государственности.

Американская модель государственно-конфессиональных отношений характеризуется тем, что там не существует федерального регулирования религиозной сферы. Вышеприведенная первая поправка – единственная федеральная законодательная норма, в сравнении, например, с российским двадцатисемистатьейным законом, который принимался в условиях острой критики, продолжающейся до сего дня, и сразу после вступления в силу уже нуждался в серьезных изменениях и дополнениях, поскольку формулировался в отсутствие четкой государственной позиции по религиозному вопросу.

Первая поправка к Конституции США за двести лет также толковалась по-разному, но чаще в сторону расширения концепции свободы совести. В 1993 г. Конгресс США принял «Акт восстановления свободы религии». Этот акт не регламентировал осуществление права на свободу совести, но лишь констатировал, что она является основным элементом в защите конституционных прав граждан. На основании ранее вынесенных Верховным судом решений Конгресс вывел единое толкование первой поправки, окончательно признав, таким образом, высший авторитет права на свободу совести именно в том простом виде, как оно закреплено в этой поправке.

Создание религиозного объединения решается в США гораздо проще, чем во многих других странах, особенно в России. Точнее сказать, понятие регистрации там отсутствует

вообще. Чтобы создать религиозную организацию, обладающую правами юридического лица, достаточно нескольким верующим составить устав и действовать согласно ему. Здесь, скорее, нужно говорить не о регистрации, а о получении религиозными организациями официального статуса, который происходит заявительным порядком.

Однако религиозной организации желательно получить другой статус – некоммерческий. Такое официальное признание выдается службой налогов и сборов Министерства финансов США. Чтобы определить, отвечает ли организация требованиям службы налогов и сборов, применяются два простых принципа:

- религиозные убеждения организации искренни и чистосердечны;
- религиозная практика и ритуалы, связанные с религиозными убеждениями или верой организации, не противозаконны и не находятся в противоречии с четко выраженной национальной политикой.

Некоммерческий («церковный») статус необходим только для того, чтобы получить льготы по налогообложению, но для существования в качестве юридического лица со всеми правами – необязателен.

Подобная практика характерна не только для США, но и для ряда других стран с отделительной моделью государственно-конфессиональных отношений. Конечно, злоупотребление статусом религиозной организации для ухода от налогов или прикрытия преступной деятельности представляет определенную угрозу во всех странах, но повсеместно борется с такими проблемами система уголовной юстиции, а не регистрирующие органы. Любые меры, применяемые в дополнение к уголовно-правовой системе защиты общества от злоупотреблений свободой вероисповеданий, приводят лишь к ущемлению прав человека.

В конечном итоге, США в своей религиозной политике исходит из того, что нет необходимости загромождать национальное законодательство тем, что уже имеется в международных документах (Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека и т.п.). Нужно просто исполнять общепринятые принципы свободы совести и деятельности религиозных сообществ.

Кооперационная модель (модель нейтралитета) наиболее наглядно выражена в Германии.

Право на самоопределение за церковь в Германии было признано в XIX веке. С этого времени началось разделение сфер деятельности между государством и церковью.

После 1919 г., со времени принятия Веймарской Конституции, закрепившей буржуазно-демократические республиканские принципы, государство и церковь начали дистанцироваться (не отделяться, как в США, а именно дистанцироваться, сохраняя взаимный нейтралитет). В правовом отношении это положение выражается в появлении особой отрасли права, регулирующей государственно-конфессиональные отношения в рамках публичного права, т.е. юридическое обеспечение вопросов свободы совести и религиозной деятельности государственно-правовыми нормами.

Конституция Германии провозглашает религиозную свободу, т.е. запрет на притеснения или оказание предпочтения по признаку религиозной принадлежности.

Наиболее важным является положение Конституции о том, что государственной церкви не существует.

Религиозная свобода в немецком государственно-церковном праве понимается как свобода убеждений и выражения религиозности, свобода вероисповеданий, создания и деятельности религиозных объединений. Другими словами, все религиозные действия могут совершаться без разрешения органов власти.

С другой стороны, государство поощряет религиозное воспитание, содействует осуществлению духовной заботы в медицинских учреждениях, местах лишения свободы и армейских подразделениях.

Эти показатели выражают два основных принципа государственно-конфессиональных отношений в Германии:

- государственная гарантия реализации права свободы совести каждого;
- нейтралитет государства в мировоззренческих вопросах¹.

Вместе с тем, нейтралитет не означает индифферентность. С одной стороны, государство не только гарантирует, но и

¹ См. Мирошникова Е. Государственно-церковные отношения в Германии // Религия и право. – 1998. - № 1-2. - С. 46.

защищает свободу совести и другие религиозные свободы; с другой – ограничивает их, если это необходимо для защиты прав и свобод других граждан, общественного порядка и государственной безопасности. Например, лица, оскорбляющие религиозные чувства верующих, совершающие иные действия, посягающие на религиозные права граждан, привлекаются к административной и уголовной ответственности.

Сущность кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений в большой степени выражается в церковных договорах. Смысл таких договоров в том, что они определяют общий для исполнения религиозными объединениями и государством порядок при осуществлении тех или иных прав и обязанностей, а в целом – являются показателем авторитетности для государства религиозного фактора, признания полноправного участия религиозных объединений в решении общественно-значимых проблем.

Церковные договоры могут касаться таких сторон жизни общества, как религиозное воспитание, религиозное образование, духовное попечение в армии и учреждениях исполнения наказания, социальная работа, похоронное дело, церковный налог, дотации, оплата труда священнослужителей и т.п.

Подобно тому, как в США религиозные объединения стремятся получить «церковный» статус, в Германии для них важен статус «субъекта публичного права», который отличается от американского тем, что они получают не только налоговые льготы, но и существенно увеличивают свои права в других областях жизни: взимание церковного налога, назначение своих чиновников и заключение трудовых соглашений, возможность проведения в школах религиозных занятий, выступать субъектом молодежной политики, иметь своих представителей на радио и телевидении. Сегодня субъектами публичного права в Германии являются евангелическая, католическая, новоапостольская церкви, иудейские общины.

Что касается церковного налога, то он взимается с физических лиц государственными финансовыми органами в размере 8-9%, затем передается религиозным объединениям, имеющим на это право. Любой гражданин, заявивший о своем выходе из религиозной организации, может не платить

религиозный налог, что также является проявлением его права на свободу совести и вероисповедания.

Модель религиозного нейтралитета государства не означает в Германии отделения религиозных конфессий от общества. Из этого вытекает, что государство не отвергает, а наоборот, как уже говорилось, содействует их участию в решении социально-политических проблем (средства массовой информации, образование, армия), но более всего – в сфере социальной защиты населения. Совместная деятельность церкви и немецкого государства в этой области имеет давние традиции. Несмотря на то, что в настоящее время социальная помощь отнесена к категории **непосредственных** задач государства, социальная деятельность религиозных объединений с их специфическими особенностями четко признана и принимается на официальном уровне.

Вышесказанное может привести к мысли, что немецкая модель является наиболее оптимальным методом решения государственно-конфессиональных задач. Однако разделение религиозных объединений по «статусам» и связанные с этим упреки в нарушении принципа равенства, вызывают недовольство в обществе, особенно с появлением в XX веке множества новых религиозных течений. Раздаются голоса об упразднении статуса «субъекта публичного права» и даже полного отделения религиозных объединений от государства. В любом случае, вопрос о будущем государственно-конфессиональных отношений в Германии и сегодня продолжает быть предметом оживленной общественной дискуссии.

Литература

1. Воробьева М.В. Религия и религиозность в современной России // Религиоведение. – 2006. - № 2.
2. Гараджа В.И. Религиоведение. – М., 1994.
3. Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М., 1994.
4. «Круглый стол» «Религиозная политика российских властей до и после инцидента в синагоге на Большой Бронной». Портал-Credo.Ru, 10 февраля 2006 г. (стенограмма) // Религиоведение. – 2006. - №4.

5. Кудрявцев А.И. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в современной России / А.И. Кудрявцев // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений: материалы научно-практического семинара / под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой . – М.: Институт религии и права, 2002. – С.11.

6. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в России (1985-1997) // Религия и право. – 1999. - №№ 2,3,4-5.

7. Погасий А.К. Закон новый – порядки старые // Религия и право. –1999. - № 6.

8. Погасий А.К. К вопросу о принятии закона о свободе совести в Татарстане // Религия и право. –1998. - № 4-5.

9. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.

10. Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

11. Рагозина Л. К вопросу о взаимодействии органов государственной власти с религиозными организациями // Религия и право. – 1998. - № 3.

12. Религия и демократия: На пути к свободе совести. – Т.2. – М., 1993.

13. Религия и политика в современной России. – М., 1998.

14. Религия и права человека. – М., 1996.

15. Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 1997-2007 гг.

16. Фолиева Т.А. Государственно-конфессиональные отношения в социальных доктринах Русской православной церкви и исламских организаций России // Религиоведения. – 2006. - №2.

17. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Даниловский благовестник, 2000.

ЛЕКЦИЯ № 5.

Конституция РФ о свободе совести и вероисповедания

Конституция (лат. *constitutio* – устройство, установление) – особый политико-правовой документ, предопределяющий формирование и развитие государства, права и гражданского общества. От этого термина происходит название одной из отраслей права – **конституционное право**, представляющее собой *систему правовых норм, регламентирующих и охраняющих основные права и свободы человека, регулирующих публичные отношения, определяющие общественный и государственный строй, положение личности в обществе и государстве, а также принципы взаимоотношений граждан и организаций с государством.*

Содержание термина «конституционное право» многогранно и употребляется в трех значениях: для обозначения *отрасли права, отрасли науки права и учебной дисциплины*

Конституционное право, как одна из **отраслей права**, представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют определенную область общественных отношений. Нормы права, образующие эту отрасль, характеризуются внутренним единством, определенными общими признаками и, вместе с тем, отличаются от норм других отраслей права. Они содержатся, прежде всего, в конституции и других важнейших государствообразующих нормативных правовых актах.

Конституционное право как **наука** – это совокупность научных знаний, теорий, обобщающих данную область общественных отношений и

представляющих собой самостоятельную отрасль правовой науки. По многим своим положениям наука конституционного права является фундаментальной основой для других наук, изучающих различные отрасли права, государственные и политические институты и т.п.

Учебную дисциплину конституционного права можно охарактеризовать как систему знаний о конституционном праве как *отрасли права* и как *науки права*, формируемую в образовательных целях. Предметом конституционного права как учебной дисциплины являются раскрытые наукой и

регулируемые отраслью права общественные отношения, а также систематизация имеющихся данных.

Конституционное право как наука и отрасль права имеют свою **систему** – внутреннее строение области правового регулирования, ее структура, которая определяется дифференциацией и взаимосвязями государственно-правовых норм¹. Таким образом, первичным звеном этой системы являются **правовые нормы** – *общеобязательные правила поведения, определяющие границы возможного и дозволенного у субъектов конституционных правоотношений и регулирующие общественные отношения, составляющие предмет данной отрасли*².

Критерием для образования системы конституционного права являются его **институты**, т.е. группы правовых норм, регулирующие относительно самостоятельные сферы конституционно-правовых отношений. Основные такие институты определены Конституцией РФ и сформулированы в виде ее глав:

- основы конституционного строя;
- права и свободы человека и гражданина;
- федеративное устройство;
- президентская власть;
- законодательная власть;
- исполнительная власть;
- судебная власть;
- местное самоуправление;
- конституционные поправки и пересмотр Конституции.

Конституционное право регулирует целый комплекс отношений, в которых, бесспорно, главную роль играет **человек**, его права и свободы. Именно человек выступает в качестве субъекта регулируемых правом отношений – и как *личность*, и как *гражданин*. Поэтому для ясного понимания особенностей его правового положения, важно уяснить и правильно соотносить между собой категории «человек», «личность» и «гражданин».

¹ Краснов Ю.К. Государственное право России. История и современность: учебное пособие. – М.: Юристъ, 2002. – С. 57.

² Умнова И.А., Алешкова И.А. Конституционное право РФ: учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С. 69.

Человек в биологическом смысле – представитель млекопитающих рода *Номо* отряда приматов; индивид с определенными физиологическими свойствами, выделяющийся среди других живых существ особенностями разума, чувственностью, постановкой и способами реализации жизненных целей.

Понятие «духовность» в человеке трактуется в зависимости от мировоззрения. Гуманистический подход выражается в понимании духовности как богатстве мыслей, силе чувств, убеждений. Духовный человек обладает широким кругозором и высокой культурой чувств.

Современная философия рассматривает духовность как свойство психики человека, состоящее в преобладании нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. Духовно богатый человек, по ее представлению, характеризуется высокой культурой, готовностью к самоотдаче и саморазвитию. Его духовные потребности побуждают размышлять о вечных ценностях бытия, смысле жизни. Духовность – это ответственность человека за себя, свои поступки, судьбу Родины¹.

В социологии, культурологии, а более всего – в публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства.

В марксизме духовность ассоциируется с идеологией.

Религиозный взгляд определяет понятие «духовный» как «бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; все относящееся к Богу, церкви, вере; все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля»².

В социальном смысле человек является членом определенного сообщества и рассматривается им как **личность**. Понятие «личность» характеризует человека, осознающего свое

¹ Современная философия: Духовная жизнь и потребности человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/duhovnyepotrebnosti.html> (дата обращения: 06.01.2014).

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 томах. Т. 3. – М.: Мир книги, 2003. – С. 221. Смещение «духа» и «души» в этом определении отражает давние богословские споры о соотношении духа, души и тела.

место и роль в обществе и ответственность перед ним, т.е. субъекта социально-культурной жизни.

Гражданин – это человек, который имеет устойчивую политико-правовую связь с определенным государством, что позволяет ему иметь все права, предоставляемые законами этой страны и исполнять все установленные законами обязанности. Индивид, находящийся на территории государства, гражданином которого он не является, имеет иной правовой статус и именуется либо *иностранным гражданином*, либо *лицом без гражданства* (апатридом).

В соответствии с этим конституционное право различает конституционный статус **человека** и конституционный статус **гражданина**. Что касается понятия «личность», то право исходит из разделения основ ее правового положения на следующие элементы:

- конституционный статус личности т.е. ее правовое положение, определяемое Конституцией;

- отраслевой статус – правовое положение личности, определяемое конкретной отраслью права при определенных обстоятельствах (административным, уголовным, гражданским, уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным, административно-процессуальным и т.д.);

- специальный правовой статус – статус лица, принадлежащего к определенной категории или занимающего определенное положение в какой-либо сфере (дети, инвалиды, депутаты, судьи, военнослужащие, госслужащие, лица, принадлежащие к национальным или религиозным меньшинствам и т.п.). Специальный статус (или *специальное правовое положение*) личности складывается в области избирательного права, гражданства, образования и т.д. Если конституционный и отраслевой статусы имеют общее и равное положение для всех, то специальный статус подразумевает особые права и обязанности или особые функции, преимущества и ограничения в зависимости от принадлежности лица к определенной категории¹.

Верующий человек, как и все остальные граждане, обладает общим конституционным статусом. Если же он является

¹ Умнова И.А., Алешкова И.А. Конституционное право РФ: учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С. 180-181.

представителем религиозного меньшинства, то может получить специальный статус, определяемый, например, *Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам*, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года. Данная декларация призывает государства-участников принимать меры для создания благоприятных условий, позволяющих этим лицам выразить свои особенности и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи, т.е. специальный статус в этом случае предполагает определенные преимущества и льготы для лиц, принадлежащих к указанным меньшинствам.

Стержень правового статуса личности составляют **права, свободы и обязанности**.

Главный смысл принятия всех без исключения конституций заключается в обеспечении свободы и безопасности человека, и прежде всего – от произвола государственной власти. Пусть это не всегда происходит на деле, но идея Основного закона именно такова.

Тезис о том, что люди от рождения свободны и равноправны и им принадлежит ряд неотчуждаемых (естественных) прав, лежит в основе первых конституционных актов, принимавшихся в ходе Английской (40-60-х гг. XVII в.), Американской (70-80-х гг. XVIII в.) и Французских (80-90-х гг. XVII в. и 1848 г.) революций. В последующем все демократические преобразования в государствах заканчивались внесением в конституции некоторого набора прав человека, получавших таким путем юридическое оформление и становясь важнейшим институтом конституционного, а затем и международного права.

Права. Как уже говорилось, различаются права человека и права гражданина.

Права **человека** (моральная или юридическая мера возможного поведения) вытекают из *естественного права*¹. Они являются исходными, присущими всем людям от рождения, в то время как права **гражданина** (охраняемая законом мера

¹ Естественное право — понятие, отображающее совокупность принципов, правил и ценностей, данных Богом или обусловленных природой человека (в зависимости от признания одного из направлений в естественно-правовой доктрине) и вследствие этого не связанные признанием их конкретным государством.

юридически возможного поведения), вытекающие из *позитивного права*¹, включают в себя те права, которые закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству. Исходя из сказанного, каждый гражданин того или иного государства обладает всеми права *человека* плюс всеми правами *гражданина*, признаваемыми в конкретном государстве. Обычно в политике и юриспруденции употребляется термин «гражданские права и свободы», что можно признать правомерным, поскольку он синтезирует обе группы прав и свобод.

Свободы. Это понятие настолько многозначно, насколько широко могут распространяться желания человека делать то, что он захочет. Насчитывают более сотни определений свободы.

Общее значение термина – возможность или право субъекта действовать без ограничений. Философское понимание свободы – естественное состояние человека и высшая ценность после самой жизни. Религиозный взгляд – способность волевого действия человека, дарованная Богом. Бог является высочайше свободной Сущностью; Он действует независимо от необходимости или принуждения. Созданный по образу Божьему человек также обладает даром свободной воли. По словам Иоанна Дамаскина, «если человек произошел по образу блаженного и пресущественного Божества, а божественное естество по природе независимо и обладает способностью желания, – то, следовательно, и человек, как образ Его, по природе свободен и обладает способностью желания»².

Впервые правовое закрепление естественного понимания свободы произошло в Декларации независимости США 1776 г.: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых». Это последнее предложение показывает, что в обществе, а, тем более, в

¹ Позитивное (положительное) право – официально признанное право, действующее в пределах границ государства и получившее закрепление в законодательстве.

² Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Репринт издания 1894 г. – М.: Братство святителя Алексия – Ростов-на-Дону: Изд-во «Приазовский край» 1992. – С. 228.

государстве абсолютной свободы быть не может. В обществе – потому что свобода одной личности ограничена свободой другой личности; в государстве – из-за необходимости регулировать и защищать эту свободу, и в первую очередь – друг от друга.

Обязанности. В самом общем виде – это безусловные для выполнения действия по общественным требованиям или внутренним побуждениям¹. Правовое определение этого термина можно сформулировать как *закрепленную в законе и охраняемую правовой ответственностью необходимость участия человека и гражданина в обеспечении интересов общества, государства и других граждан.*

Конституции многих государств различают обязанности человека (соблюдение законов страны пребывания) и обязанности гражданина (уплата налогов, обязательная воинская служба).

Термин «**свобода совести и вероисповедания**» определяет одну из важнейших *личных* и одновременно *духовных* свобод. Часто используя словосочетание, немногие понимают всю сложность и многогранность данного понятия. Философы, теологи, историки, юристы на протяжении столетий вкладывали в него различный смысл, рассматривая, при этом, составляющие его слова – «свобода», «совесть» и «вероисповедание» в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Свободу, о которой мы говорили выше, можно рассматривать в качестве категорий материальной (физической) и идеальной (свобода мысли, слова). Первая выражается в свободе *действия* и ограничена физическими возможностями человека и воздействием на него законов природы; вторая обуславливается свободной *волей* человека и зависит от его нравственной позиции². Религиозный философ Н.А. Бердяев в этой связи писал: «Свобода вкоренена в царство духа, а не в царство кесаря. Кесарь никому не хочет давать свободы. Она получается лишь через ограничение царства кесаря»³. Поэтому *фактическая* свобода

¹ Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения 15.02.2014).

² См.: Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – С. 14.

³ Бердяев Н. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М., 1999. – С. 14.

человека реализуется на тонкой грани между этими двумя царствами.

Нравственная позиция, нравственное сознание, выраженное в термине «**совесть**» есть главное понятие, раскрывающее содержание института свободы совести и вероисповедания. С философской и морально-этической точек зрения совесть – это возможность сознания человека давать нравственную оценку содержанию и последствиям собственным и чужим поступкам, осуществляемая им на основании его собственных или под влиянием коллективных убеждений¹.

С богословской позиции совесть рассматривается как своеобразный «представитель» Бога в человеке, сохранившийся в человеческой сущности после грехопадения, когда Дух Божий оставил его. Именно Бог через совесть и Свое Слово формирует систему нравственных ценностей, поэтому истинная нравственность проистекает из религиозной веры.

Гуманистический² (материалистический) подход исходит из того, что нравственные принципы изначально присущи человеческой природе и их развитие всецело зависит от среды обитания и воспитания.

Совесть, выступая в качестве критерия оценки мыслей и действий, является неким «ограничителем» свободы, причем ограничение, точнее, *самоограничение*, определяется наличием или отсутствием у человека той совокупности нравственных ценностей, которая позволяет ему сделать эту оценку максимально осознанной.

Объединив два независимых понятия – «свобода» и «совесть» – и получив термин «**свобода совести**», мы наблюдаем, что он обладает самостоятельным мировоззренческим и юридическим значением.

В мировоззренческом плане свобода совести является одной из свобод, принадлежащих человеку от рождения и, в известном смысле, не зависящая от какого-то внешнего дозволения. Однако реализация этой свободы вовне уже связана с правовым

¹ Там же. – С. 13.

² Здесь важно разграничить понятия «Гуманизм» как религиозно-философское учение XV-XVI вв., выдвинувшего принцип «человек – мера всех вещей», и «гуманность» - человеколюбие.

регулируемым, в частности – с системой юридических норм, очерчивающих пределы индивидуальной свободы личности.

Свободу совести нередко рассматривают в рамках логической связки: свобода вероисповедания – атеизм – выбор между ними. Свободная совесть действительно является стержнем религиозной нравственности, однако по своему содержанию это понятие гораздо шире проблемы отношения к Богу. Как уже говорилось, совесть есть присущее каждому человеку свойство его сознания (души) к различению добра и зла вне зависимости от того, признает ли он его источником Бога или то, что называют «общечеловеческой моралью». Во всяком случае, российское законодательство фиксирует, а государство признает наличие в обществе многообразия мировоззренческих позиций и убеждений, определяющих отношение человека к религии, нравственности, идеологии, культуре, политике и т.д. и все это охватывается понятием «свобода совести».

Свобода вероисповедания – один из элементов свободы совести. В конституционно-правовой интерпретации свобода совести и свобода вероисповедания соотносятся как целое и часть, «как субъективное конституционное право человека и гражданина и как одно из правомочий этого права»¹.

К свободе вероисповедания относится свобода выбора религии, отправления религиозных обрядов и свобода исповедовать свою веру, что значит открыто признавать ее, следовать ей и жить в соответствии со своим религиозным мировоззрением.

Международное право в своих нормативных документах вместо свободы вероисповедания употребляет равнозначный термин «свобода религии»².

Таким образом, свобода вероисповедания (религии) предполагает не только индивидуальное право каждого свободно выбирать любую религию, иметь, менять и распространять любые религиозные взгляды, участвовать в богослужениях и обрядах, не исповедовать никакой религии, но и свободную деятельность религиозных объединений, принадлежащих к

¹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., доп. И перераб. – М.: Спарк, 2004. – С. 146.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. проф. Н.Ю. Шведовой, 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. – С. 64.

любым конфессиям при условии, что они действуют в рамках существующего законодательства.

Свобода вероисповедания также означает, что никто не может быть принуждаем в выборе религии, изменении вероисповедания и, тем более, в выражении своих мнений и убеждений или отказу от них. Исторически сложившееся в России религиозное многообразие подводит нас к пониманию, что только реальное равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии может обеспечить мир и спокойствие в обществе.

Определившись вкратце с основными понятиями, касающимися прав и свобод человека, рассмотрим собственно религиозные вопросы конституционного права.

Конституция Российской Федерации регулирует концептуальные вопросы свободы совести и деятельности религиозных объединений, к которым, в частности, относятся:

– в Российской Федерации признается идеологическое разнообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 13);

– Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст.14);

– государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии и запрещает любые формы ограничений прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ст. 19);

– каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28);

– не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая религиозную ненависть или вражду. Запрещается пропаганда религиозного превосходства. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ст. 29);

– каждый имеет право на объединение, свобода деятельности которого гарантируется государством. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ст. 30);

– в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод, однако не подлежат ограничению предусмотренное ст. 28 право свободы совести и вероисповедания (ст. 56);

– гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой (ст. 59).

В части осуществления гарантий права на свободу совести очень важным явилось включение в Конституцию положения, **объявляющего общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы** (ч. 4 ст. 15). Тем самым открывается возможность непосредственного применения в российском правовом пространстве актов международного права, касающихся защиты религиозных свобод.

Основным положением Конституции, декларирующим религиозные свободы, является статья 28. Формулировка этой статьи (см. выше) воспроизводит положения ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, за исключением того, что последняя соединяет свободу совести со свободой мысли: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору». Данный факт означает, что Россия впервые всерьез признала и закрепила в

своем законодательстве общепризнанные нормы и принципы международного права, касающиеся прав и свобод.

В связи с этим следует отметить эволюцию этого положения в Основных Законах разных лет.

Статья 124 Конституции СССР 1936 г. (ст. 128 Конституции РСФСР 1937 г.):

*«В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и **свобода антирелигиозной пропаганды** признается за всеми гражданами».*

Даже неискушенному человеку бросается в глаза разница между этими понятиями, особенно учитывая, что религиозный культ можно было «свободно» отправлять только в специально предоставленных помещениях и с чрезвычайными ограничениями, а за проповедь вне таких помещений существовала уголовная ответственность (ст.ст. 122, 123, 126 УК РСФСР 1926 г.), в то время как *антирелигиозная* пропаганда проводилась на государственном уровне и в массовых масштабах.

Статья 50 Конституции РСФСР 1978 г.:

*«Гражданам РСФСР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или **вести атеистическую пропаганду**. **Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается**. Церковь в РСФСР отделена от государства и школа от церкви».*

Здесь мы наблюдаем иллюзию демократических изменений, выразившуюся в декларации права «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Иллюзия заключается в том, что слово «исповедовать», означает, помимо «следовать какой-либо религии или учению», еще и «высказывать, открыто признавать, отстаивать свои воззрения» (Толковый словарь Ушакова), в каком-то смысле это слово и расшифровывается в ст. 28 Конституции РФ 1993 г. («свободно распространять...»). Однако *открытое признание и отстаивание* религиозных убеждений продолжало преследоваться на основании постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от

18.03.1966 г. «О применении статьи 142 УК РСФСР», заменившего главу IV УК 1926 г. «Нарушение правил об отделении церкви от государства».

Однако данная статья Конституции констатирует и некоторое положительное развитие взглядов на свободу совести. Во-первых, слово «антирелигиозная» заменено на «атеистическую», что несколько смягчает контекст, и, во-вторых, провозглашается запрет на возбуждение вражды в связи с религиозными верованиями.

Статья 44 Конституции 1978 г. с изменениями и дополнениями 1989, 1990, 1991 и 1992 гг.:

«Каждому гарантируется свобода совести – право свободно исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные, нерелигиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона.

Религиозные объединения в Российской Федерации отделены от государства, государственная система образования носит светский характер.

Все религии и религиозные объединения равны перед законом.

Оскорбление убеждений граждан преследуется по закону».

Эти изменения уже фактически передают смысл общепринятых международных норм по правам человека и позже были воспроизведены в Конституции 1993 г.

Таким образом, ст. 28 Конституции подразумевает целый ряд правомочий, определяющих порядок отношений между государством и человеком в связи и по поводу его отношения к религии: право свободного выбора вида религии и право свободного перехода из одной религии в другую; право свободного отправления религиозных обрядов и право не быть принуждаемым к их исполнению; право не исповедовать никакой религии и быть атеистом (к слову сказать, с содержательной точки зрения упоминание об этом праве следует признать бесполезным, поскольку возможность «не исповедовать никакой» религии заложено в содержании свободы совести); право не только выбирать и иметь религиозные и иные убеждения, но

действовать в соответствии с ними, включая право вести религиозную или атеистическую пропаганду; право быть членом религиозной организации; право осуществлять все права и свободы независимо от отношения к религии.

Следует отметить, что убеждения или вероисповедание гражданина не освобождают его от соблюдения и исполнения конституционных обязанностей; возможна, как в случае с альтернативной гражданской службой (ст. 59), только замена одной обязанности на другую.

Из данного перечня мы видим, что выявление нормативного содержания свободы совести требует учета взаимосвязи ст. 28 со ст.ст. 13, 14, 19, 30, 59 и других статей Конституции РФ, декларирующих идеологическое и политическое многообразие, светскость государства, равенство всех перед законом и судом, право на объединение и т.д.

Пункт 3 ст. 55 Конституции говорит об ограничении прав и свобод человека и гражданина, которое допустимо «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В этой связи важно подчеркнуть, что такое ограничение возможно только на основании **федерального** закона, т.е. региональные власти не вправе принимать такие нормативные акты.

Показателем признания Россией ценности религиозной свободы служит тот факт, что даже в условиях чрезвычайного положения не подлежит ограничению свобода совести и вероисповедания (п. 3 ст. 56).

Базовым правовым актом, непосредственно регулирующим отношения в области свободы совести, является **Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»**, вступивший в силу на территории России 1 октября 1997 г.

Закон конкретизировал и сформулировал для правового применения вышеперечисленные положения Конституции РФ и стал основой для введения в других отраслях права (гражданское, уголовное, административное, земельное, трудовое и т.д.) нормативных актов, регулирующих отдельные вопросы

реализации права на свободу совести и деятельности религиозных объединений.

Нормы данного закона, с учетом недостатков, выявленных в процессе семилетнего срока реализации предыдущего (Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г.), существенно изменили порядок создания религиозных организаций, сократили круг лиц, имеющих право быть их учредителями, признав таковыми только российских граждан. Иностранцы граждане и лица без гражданства по этому закону могут быть только участниками религиозной организации, причем при условии их постоянного проживания на территории России.

Введено новое понятие – религиозная группа, т.е. добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица.

Закон 1997 г., по мнению некоторых религиоведов и, в особенности, правозащитников, также, как и прежний, имеет ряд недостатков. Значительно ограничены права религиозных групп по преобразованию их в религиозные организации – пятнадцатилетний срок деятельности на соответствующей территории либо подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации (в 2013 г. имела место законодательная инициатива, предлагавшая вообще убрать понятие «религиозная группа» из Федерального закона). Наличие ряда внутренних противоречий приводит к расширительному толкованию его отдельных положений, что на практике приводит к нарушению прав граждан и религиозных объединений. Например, основанием для ликвидации религиозной организации согласно абзацу 3 п. 1 ст. 14 могут служить неоднократные или **грубые** нарушения законодательства. Что понимается под грубыми нарушениями, законодатель не уточняет, следовательно, каждый правоприменитель толкует данное слово по-своему, а это – повод к недоразумениям и конфликтам. Аналогично обстоит дело и с использованием в абзаце 8 п. 2 той же статьи термина **гипноз**. Нормативного определения этого понятия, а также каких-либо утвержденных методик, позволяющих классифицировать те или иные методы воздействия на человека как *гипнотические*, в настоящее время не существует. В

результате органы дознания, следствия и суда зачастую трактуют данное понятие весьма широко, называя гипнозом практически любые формы взаимодействия человека с себе подобными (беседа верующих между собой или со священнослужителем, прослушивание проповеди, исповедь) или с внешней средой (нахождение в храме или молитвенном доме, где на него воздействует вся богослужебная обстановка, включая картины, иконы, благовония, пение хора и т.д.)¹.

В течение последних девятнадцати лет в закон несколько раз вносились изменения и дополнения с целью увеличения его эффективности. Некоторые нововведения действительно актуальны и эффективны, другие, на наш взгляд, существенно недоработаны и лишь усложняют проблемы государственно-конфессиональных отношений. К таковым можно отнести Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» принятый Государственной Думой 24 июня 2016 года, который ввел понятие «миссионерская деятельность» и, в противоречие с Конституцией РФ, значительно осложнил ее осуществление. Тем не менее, сегодня, при всех его недостатках, мы имеем действенное средство регулирования отношений в религиозной сфере.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. – 5-е изд., изм. И доп. – М.: Норма, 2006.
2. Бердяев Н. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М., 1999.

¹ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011. – С. 316-319.

3. Беспалый И.Т. Государственное право Российской Федерации: Уч. пособие. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.

4. Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане / Под общ. ред. Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2003.

5. Григонис А.П., Григонис В.П. Конституционное право зарубежных стран: Краткий курс. – Лекция 1. – СПб, Питер, 2008.

6. Законодательство Российской Федерации о свободе совести и религиозных объединениях. Сборник нормативных актов. – М.: Исследовательский отдел российско-американской ассоциации «Духовное возрождение», 1993.

7. Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия // Материалы семинаров, ноябрь-декабрь 2000 г. / Под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2001.

8. Клочков В.В. Религия, государство, право. – М.: Мысль, 1978.

9. Краснов Ю.К. Государственное право России. История и современность: Уч. пособие. – М.: Юристъ, 2002.

10. Конституционное право зарубежных стран: конспект лекций / Сост. А.В. Петренко. – М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Сова, 2011.

11. Могилевский А.Л. Правосознание и религия. – Ашхабад: «Ылым», 1977.

12. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Спарк, 2004.

13. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011.

14. Новое законодательство России о свободе совести и религиозных объединениях. Сборник нормативных актов / Сост. А.В. Пчелинцев. – М.: Институт религии и права, 1999.

15. Основы религиоведческой экспертизы. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.В. Пчелинцева. – М.: Институт религии и права, 2002.

16. Прилуцкий А.М., Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления // Религиоведение. – 2006. - № 1. – С. 164-170.

17. Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

18. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. – М.: Юриспруденция, 2012.

19. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД. «Юриспруденция», 2006 (3-е изд. – 2009; 4-е – 2012 гг.).

20. Религиозные объединения в Российской Федерации. Справочник / Под. общ. ред. М.М. Прусака, В.В. Борщева. – М.: Республика, 1996.

21. Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 1997-2007 гг.

22. Религия и закон. Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций. Сборник правовых актов с комментариями / Сост. А.О. Протопопов. – М.: Паллада, 1996.

23. Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции // Материалы Международной научно-практической конференции 2-3 октября 1997 г. – Казань: Заман, 1998.

24. Религия и общество. Справочник / Отв. ред. Р.А. Набиев. – Казань, 1998.

25. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. Справочник / Отв. ред. Ю.П. Зуев. – М.: РАГС, 1996.

26. Религии и религиозные объединения в Республике Татарстан / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2004.

27. Умнова И.А., Алешкова И.А. Конституционное право РФ: Учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2012.

28. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

29. Федеральный закон «О некоммерческих организациях»

30. Федеральный закон «Об общественных объединениях».

31. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

32. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

33. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

34. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.

ЛЕКЦИЯ № 6.

Религиозная свобода в международном праве

В соответствии с ч.1 ст. 17 Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина **согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.**

Таким образом, Россия соглашается придерживаться норм международного права и, в первую очередь, тех, которые касаются защиты прав и свобод человека.

В принципе, основная идея международного права заключается в том, что права и свободы человека и гражданина есть его *первая и главная цель*. Все остальные цели, провозглашенные в Уставе ООН – поддерживать мир и безопасность; развивать дружеские отношения; осуществлять сотрудничество в разрешении международных проблем; создавать условия при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права – в конечном итоге сводятся именно к этому – достижению блага человека. В противном случае все усилия мирового сообщества по созданию и совершенствованию институтов международного права теряют всякий смысл.

В самом общем виде международное право представляет собой систему норм, регулирующих международные отношения. Более конкретно оно рассматривается как *«сложный комплекс юридических норм, создаваемых государствами и межгосударственными организациями путем соглашений и представляющих собой самостоятельную правовую систему, предмет регулирования которой являются межгосударственные и иные международные отношения, а также определенные внутригосударственные отношения»*¹.

Международное право, наряду с межгосударственными отношениями, регулирует также международные отношения *негосударственного характера*, включающие в себя отношения между юридическими и физическими лицами различных

¹ Международное право: Учебник для вузов. – 2-у изд., изм. и доп. / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. – М.: Изд-во НОРМА — ИНФРА • М, 2002. – С. 6.

государств, а также международными *неправительственными* организациями и международными хозяйственными объединениями.

Особую категорию составляют смешанные международные отношения государственно-негосударственного характера: государств с юридическими и физическими лицами, находящимися под юрисдикцией других государств и государств с международными неправительственными организациями и международными хозяйственными объединениями.

Таким образом, международное право призвано регулировать те общественные отношения, которые не могут регулироваться национальным правом, поскольку выходят за пределы юрисдикции какого-либо отдельного государства и становятся объектом совместной компетенции государств либо всего международного сообщества в целом.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на противоположную тенденцию, все более проявляющуюся в современную эпоху: глобализационные процессы подталкивают к проникновению международного права в национальные правовые системы, или, как осторожно заметили авторы одного из учебников по международному праву, «имеется в виду согласование, взаимодействие, в рамках которого **определенные нормы международного права участвуют в регулировании и внутригосударственных отношений**, непосредственно применяются в сфере правовой системы государства»¹. На самом деле речь идет, по крайней мере в рамках Европейского союза, не только об «определенных нормах», а о требовании полностью привести национальное законодательство к единому международному стандарту (впрочем, положительные и отрицательные стороны этого процесса – предмет иного рассмотрения).

Ядром международного права, его своеобразной «конституцией»² и одним из источников являются *основные принципы* международного права. Они представляют собой наиболее общее выражение установившейся практики международных отношений, международно-правовые обычаи,

¹ Международное право. Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – Введение. – С. 9.

² См.: Бирюков П.Н. Международное право. – С. 16.

которые с принятием Устава ООН приобрели договорно-правовую форму. Основные принципы международного права зафиксированы в Уставе ООН и носят характер императивных норм *jus cogens* (неоспоримое право), то есть являются обязательствами высшего порядка, которые не могут быть отменены ни отдельными государствами, ни их сообществами.

Это принципы:

- суверенного равенства государств;
- неприменения силы или угрозы силой;
- мирного разрешения международных споров;
- невмешательства во внутренние дела государств;
- территориальной целостности государств;
- нерушимости границ;
- уважения прав человека;
- права на самоопределения народов и наций;
- сотрудничества между государствами;
- добросовестного выполнения международных обязательств.

При толковании и применении принципов международного права важно помнить, что они взаимосвязаны и несоблюдение одного из них неизбежно влечет за собой нарушение других (например, нарушение принципа территориальной целостности государства одновременно является нарушением принципов суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы и угрозы силой и т.д).

С основными принципами тесно связано понятие **международной морали** как общечеловеческой социальной ценности. Как уже говорилось, до принятия Устава ООН эти принципы выступали в форме международно-правовых обычаев, придерживаться которых было возможно только добровольно, на основе соблюдения моральных норм. В ряде обстоятельств, особенно при отсутствии правового и политического регулирования, мораль может быть практически единственным ориентиром поведения государств. Другими словами, «мораль представляет собой средство определения, масштаб должного поведения субъекта в данной социальной системе в целях поддержания ее нормального функционирования и развития»¹. В

¹ Дмитриева Г.К. Мораль и международное право. – М.: Междунар. отношения, 1991. – С. 12.

сфере международного права мораль призвана поддерживать систему международных отношений, выражая наиболее важные интересы стран и народов, и в этом, по большей части, совпадает с *принципами* мирного сосуществования и сотрудничества.

Учитывая значение морали во всех областях общественной жизни, включая частный быт и политику, межгосударственные и межличностные, классовые и семейные отношения¹, представляется существенным обратить особое внимание на **специфику** характера, содержания и механизма ее действия в **международных отношениях**. На необходимость этого еще в начале 90-х годов – можно сказать пророчески – обращала внимание юрист-международник Г.К. Дмитриева. Она отмечала, что в науке существуют три позиции в понимании международной морали. Сторонники первой полагают, что отношения как между индивидами, так и между государствами регулирует *единая* мораль, сторонники второй – что межгосударственные отношения регулируются *особой* моралью. Третью позицию представляют ученые, утверждающие, что международной морали вообще *не существует*. Каждый из оппонентов отстаивает свою правоту, оперируя собственным набором аргументов, но для нас, учитывая сегодняшние политические и правовые реалии, представляет интерес идея «единой морали». Не останавливаясь на анализе доказательств приверженцев этой точки зрения, согласимся, что действительно существует определенная совокупность принципов, образующих *общечеловеческую мораль*, которая применяется не только в отношениях между людьми, но и государствами. Такая мораль выражает общепризнанные представления о правилах человеческого общежития, без уважения которых невозможно нормальное общение ни индивидов, ни коллективов.

Однако нельзя не учитывать и существенного отличия государств как субъектов общественных отношений от иных субъектов (личность, политические и общественные организации и т.п.). В силу этого система норм, регулирующих такой особый вид отношений, как межгосударственные, не может не обладать спецификой по сравнению с иными видами общественных отношений. Игнорирование таких отличий в международной

¹ См.: Дробницкий О.Г. Понятие морали. – М., 1974. – С. 11.

практике приводит к опасным для государств последствиям в виде посягательства на их суверенитет.

Сторонники единых моральных стандартов всерьез рассматривают концепцию глобальной («космополитической») морали, которую в конечном итоге предполагают превратить в некое «надгосударственное право», обеспечивать которое призван соответствующий *организационный механизм*. Реализация этой концепции неизбежно приведет (и уже приводит) к вмешательству во внутренние дела государств. По словам одного из представителей космополитической теории морали американского профессора Ч. Бейца, она «расходится с теорией морали государств». Далее он приходит к заключению, что «государственные границы не являются вечным фактором в морали. Эффект перехода от этатической к космополитической точке зрения заключается в том, чтобы открыть государство внешней моральной оценке (и, вероятно, политическому вмешательству) и понимать физические лица а не государства как конечных субъектов международной морали»¹.

Таким пониманием международной морали с успехом пользуются Соединенные Штаты, оправдывая ею вмешательство во внутренние дела целого ряда европейских и азиатских государств. Более того, теория космополитической морали лежит в основе внешней политики США, что нашло свое выражение в «доктрине Рейгана»². В основе этой доктрины лежит тезис о том, что «государство не имеет никакого иного морального положения, отдельного от своих граждан»³. Реализуя данный тезис, его сторонники ради защиты интересов личности оправдывают любое вмешательство во внутренние дела государств вплоть до военного вторжения (как это имело место в Гренаде в 1983 г. и продолжается сейчас в различных странах под видом «гуманитарной интервенции»).

Вышеприведенные принципы лежат в основе **норм международного права**, которые понимаются как *правила поведения, признаваемые государствами и другими субъектами*

¹ Цит. по: Дмитриева Г.К. Мораль и международное право, С. 18.

² Речь Рейгана 16-го февраля 1985 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coldwar.ru/raegan/doctrine.php> (дата обращения 07.03.2014).

³ Teson F.R. Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. – N.Y., 1988. – P. 16.

международного права в качестве юридически обязательных. Содержание норм международного права составляют права и обязанности, которыми наделяются государства и другие субъекты международного права.

Нормы международного права обладают всеми признаками правовых норм, за исключением ряда особенностей, позволяющих выделить их в отдельную правовую систему:

– предмет регулирования – межгосударственные отношения и связанные с ними отношения других субъектов;

– вследствие отсутствия надгосударственной власти в основе создания норм международного права находится *соглашение* субъектов;

– юридической формой закрепления (существования) таких норм являются обычай и договор. В некоторых случаях нормы создаются резолюциями международных организаций;

– обеспечение реализации норм международного права осуществляется, как правило, самими государствами индивидуально или коллективно, например, посредством создания ими международных организаций и органов.

Проблема реализации норм в большей степени характерна именно для международного права. Если в национальном праве его исполнение обеспечивается государственным принуждением, то в международном оно отсутствует. Английский юрист-позитивист Джон Остин (1790-1859) утверждал, что для осуществления реального «права» необходим *суверен*, а поскольку международного суверена не существует, международное право, по определению, является не «правом», а нормой морали¹. Как говорилось выше, международная мораль действительно играет определенную роль в международном праве. Вместе с тем международное право предусматривает и возможность принуждения к соблюдению правовых норм. Это составляет существо *международной ответственности*, под которой понимаются неблагоприятные юридические последствия для субъекта международного права, нарушившего возложенные на него международные обязательства, т.е. совершившего международный деликт. Международная ответственность

¹ Там же, С. 4.

состоит в применении к субъекту допустимых в том или ином случае международно-правовых санкций¹.

Международное право подразделяется на **отрасли**, регулирующие крупные блоки международных отношений определенного вида. Отрасль, в свою очередь, представляет собой совокупность международно-правовых институтов, регламентирующих качественно обособленные отношения.

В международно-правовой науке имеется множество мнений по поводу числа и названия отраслей международного права. Для создания некоторого представления об этом назовем некоторые наиболее известные отрасли:

- право внешних сношений;
- право международных договоров;
- право международной безопасности;
- право международных организаций;
- международное морское право;
- международное воздушное право;
- международное гуманитарное право и т.д.

Более мелким элементом правовой системы является **международно-правовой институт**. Он представляет собой группу международных норм, регламентирующих более или менее однородные отношения, например, институт гражданства в гуманитарном праве или институт действительности договоров в праве международных договоров и т.п.

Религия и международное право взаимодействуют на протяжении всей истории. До появления собственно международного права религия представляла собой важный нормативный фактор в международных отношениях. Действительно, в процессе своего становления оно опиралось на принципы и нормы религии, включая идею мира – «К миру призвал нас Господь» (1 Кор. 7:15) и основную концепцию международного права – «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Область международных отношений всегда привлекала внимание церкви. В теократических государствах Древнего

¹ О санкциях см., напр.: Ушаков Н.А. Международное право: Учебник. – М. – Юристъ, 2000. – С.123-150; Тункин Г. И. Теория международного права. – М.: Междунар. отношения, 1970.

Востока религия, политика и право были связаны воедино. В Европе вершины своего влияния религия достигает в период средневековья, с упрочением господства религиозного мировоззрения. Император и короли получали корону из рук главы католической церкви, за что они фактически обязывались своей силой и властью распространять христианство. Католическая церковь была вдохновительницей «крестовых походов». Папа выступал арбитром в спорах между монархами. Заключение одних договоров поощрялось, на пути других ставились препятствия; договоры скреплялись религиозной клятвой. Папы могли наложить церковное наказание (вплоть до анафемы) за нарушение такой клятвы, а могли и отпустить грех – это зависело от множества факторов, в том числе и от политической конъюнктуры.

То же, хотя и несколько в иной форме, происходило на православном востоке: церковь не оставляла своим вниманием ни внутреннюю, ни внешнюю политику государств.

Религия и религиозные организации и в наше время оказывают существенное влияние на политику и право. Более четырех десятков конституций государств мира закрепляют привилегированное положение той или иной религии. В России церковь отделена от государства, однако *не отделена от общества*. В силу этого в Основах социальной концепции РПЦ высказала свою позицию в том числе в сфере международных отношений и права: «Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных) и как существенного фактора, который должен влиять на формирование (изменение) международного права и на деятельность международных организаций»¹.

Международное сообщество в полной мере понимает важность религиозного фактора в отношениях между государствами и учитывает его в своих основополагающих документах.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: ОВЦС МП, 2001. – С. 125.

Пункт 3 ст. 1 Устава ООН провозглашает одной из главных целей сообщества государств *«международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»*.

Дальнейшее развитие этих идей привело к формированию в современном международном праве новой отрасли, отражающей результаты сотрудничества государств в гуманитарной сфере – **международного гуманитарного права**, представляющего собой комплекс норм, непосредственно связанных с правами и свободами личности.

Эта отрасль включает в себя нормы трех видов:

- нормы, действующие в мирное время;
- нормы, предназначенные для условий вооруженных конфликтов;
- нормы, применение которых обязательно в любых ситуациях.

К последнему виду, помимо других норм (например, право на признание правосубъектности, запрещение пыток или других жестоких, бесчеловечных видов обращения и наказания и т.п.) относятся нормы, защищающие право на **свободу совести и вероисповедания**. В юридической науке свобода совести и вероисповедания (в международном праве вместо «вероисповедания» применяется другой термин – «религии») рассматривается как **правовой институт**, т. е. как совокупность норм права, регулирующих общественные отношения, которые возникают в процессе осуществления этой свободы. При этом важно отметить, что свобода совести и религии – составная часть правового статуса человека и гражданина, одна из его неотъемлемых индивидуальных свобод, получающих правовое закрепление в любом демократическом обществе.

Право на свободу совести и вероисповедания относится к *первому поколению* прав человека, сформировавшихся в процессе осуществления буржуазных революций XVIII в. и реализующих так называемую «негативную свободу»¹. По своему содержанию

¹ Негативная свобода – свобода от вмешательства других людей в противоположность позитивной свободе, которая определяется как свобода индивида от ограничений социальной системы внутри общества.

это право относится к личным правам и свободам, поскольку оно во многом заключается в гарантированной возможности человека независимо думать и действовать в соответствии со своими внутренними убеждениями (включая возможность исповедовать любую религию, выражать свои мысли, идеи и суждения и распространять их любыми законными способами) при обязанности уважать права и свободы других лиц, законы государства, требования морали и общественного духовного порядка.

Вместе с тем в правоведческой литературе, особенно советской¹, часть авторов относили (а некоторые относят и сейчас²) свободу совести к числу политических конституционных прав. Это объясняется тем, что в условиях идеологического противостояния свобода совести выступала в качестве политического инструмента обоснования превосходства советской политической системы над западными, доказательства ее «подлинности» исключительно в рамках социализма.

Основа современной международно-правовой защиты прав человека была заложена 10 декабря 1948 г., когда Генеральная ассамблея ООН приняла **Всеобщую декларацию прав человека**, ст. 18 которой гласит: *«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».*

Поскольку основы права на свободу религии включают в себя право личности объединяться с другими и утверждать свою религиозную свободу «сообщая с другими, публичным или частным порядком», то нельзя забывать, что религиозные сообщества защищаются еще и свободой ассоциации:

«Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций» (ст. 20).

И, наконец, *«каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей*

¹ См., напр.: Советское государственное право: Учебник. – М., 1985.

² Григонис Э.П., Григонис В.П. Конституционное право России: Курс лекций. – СПб., 2002. – С. 72-73.

Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении ... религии» (ст.2).

Следующим шагом в этом направлении был Принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. (ратифицирован СССР 18 сентября 1973 г, вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.) **Международный пакт о гражданских и политических правах**, статья 18 которого провозглашает «1. *Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.*

2. *Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.*

3. *Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.*

4. *Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями» (ст. 18).*

Право исповедовать религию предполагает закрепление в законе права свободного выражения своего мнения. Такое право предоставлено статьей 19 Пакта:

«1. *Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.*

2. *Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу иметь, искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ (выделено мной – А.П.), устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».*

Пакт также подтверждает право на свободу объединений, в которое понятие входит и право на объединения религиозные:

1. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов (ст. 22).

Стандартом является требование ст. 20 Пакта о запрещении в национальных законодательствах любой дискриминации:

«Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом».

Рассматриваемый Пакт подкрепляет существующую защиту свободы религии, обязывая государства-участников уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под их юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, без какого бы то ни было различия. Более того, Пакт не ограничивается **изложением** желательного идеала, но требует принять необходимые меры для его **достижения**:

*«Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то: расы, цвета кожи, пола, языка, **религии**, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» (ст. 26).*

Комиссия ООН по правам человека в своих Общих замечаниях № 18 (37), трактующих положения о равенстве, изложенные в Международном пакте о гражданских и политических правах, подчеркивая важность **недискриминации**, говорит: «Недискриминация, вместе с равенством перед законом, и равной защитой закона без всякого различия, составляют основной и наиболее общий принцип защиты прав человека»¹.

Сам Пакт не дает определения дискриминации, но Комиссия по правам человека, ссылаясь на общепринятое значение этого термина в международном праве, разъясняет, что «дискриминация» в смысле, используемом в Пакте, должна пониматься как обозначение любых различий, исключений,

¹ Цит. по: Дурам К. Свобода религии и убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин // Обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь, 1999 г.- Варшава, 1999. – С. 17.

*ограничений или предпочтений, по любому признаку, как, например, раса, цвет, пол, язык, **религия**, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, собственность, рождение или иное состояние, имеющее своей целью или результатом аннулирование или ущемление признания или пользования всеми правами с свободами всеми лицами, на равных основаниях»¹.*

Немаловажное значение при решении проблем, связанных с правом на свободу совести и деятельности религиозных объединений, придается самому термину «религия». С этими проблемами близко связан ряд других терминов, часто встречающихся при рассмотрении вопросов свободы религии, например, «церковь», «религиозная община», «секта» и т.д. Сложность состоит в том, что формулировки (определения) почти неизбежно приводят к угрозе дискриминации религиозных групп, оказывающихся на границе конкретного определения. Например, в России термин «церковь» все без исключения связывают с православием или католицизмом. Обывателями, а, зачастую, журналистами и даже некоторыми религиоведами, с подачи той же самой православной церкви, многие протестантские конфессии, а, тем более, новые религиозные движения, церковь не признаются. Конечно, использование таких терминов, как «секта» с целью опорочить или подвести под стереотип определенные религиозные группы, является недопустимым в контексте усилий, направленных на ликвидацию дискриминации и нетерпимости на основе религии и убеждений. Однако в мире наблюдается достаточно много случаев такого использования, в связи с чем религиоведами и филологами предпринимаются попытки разъяснить вышеуказанные термины с целью исключить оскорбления верующих произвольно толкуемыми формулировками.²

¹ Там же.

² О термине «секта» см.: Кантеров И.Я. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. Материалы научно-практического семинара / Под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002. – С. 30-38; Крылова Г.А. Свобода совести на весах правосудия. – М.: Олимп, 1998. – С. 247-249, 282-303; Прилуцкий А.М., Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления // Религиоведение. – 2006. - № 1. – С. 164-170.

Аналогичные ситуации возникают и с термином «религия». Философские вопросы, возникающие в процессе поисков удовлетворительного определения, исключительно сложны в теории. Поэтому Комиссия ООН по правам человека, комментируя ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, посвященную свободе совести, предлагает весьма обоснованный с практической точки зрения подход к данному термину:

«Статья 18 защищает теистические, не-теистические и атеистические убеждения, так же как и право не исповедовать никакой религии или убеждений. Термины «убеждения» и «религия» должны толковаться в широком смысле.

Статья 18 не ограничивается в своем применении традиционными религиями или религиями или убеждениями, имеющими институциональные характеристики, или культурами, аналогичными традиционным религиям. В связи с этим, Комиссия рассматривает с беспокойством любую попытку дискриминации любой религии или убеждений по любым причинам, включая тот факт, что они недавно образованы, или представляют религиозные меньшинства, которые могут являться предметом враждебности со стороны доминирующей религиозной общины»¹.

Данный подход указывает, что термин «религия» должен толковаться в самом широком смысле и распространяться также на нетрадиционные и непопулярные системы верований. Одновременно признается, что защитой должны охватываться не только верующие в их религиозной свободе, но и неверующие, которые не должны подвергаться дискриминации из-за своих убеждений.

Статья 27 Пакта обеспечивает особую защиту от дискриминации для религиозных меньшинств:

«В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком».

¹ Цит. по: Дурам К. Свобода религии и убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин // Обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь, 1999 г.- Варшава, 1999. – С. 44-45.

Пакт не дает явного определения термина «меньшинства». С точки зрения статистики в любой стране в лучшем случае существует одна главная религия, а все остальные составляют меньшинства. Во многих странах ни одна из групп не находится в положении большинства. Существует тенденция воспринимать меньшинство как легко выделяемую группу, объединенную общим языком, традицией, этнической или религиозной принадлежностью. На практике в любой стране такие группы достаточно явно локализованы и легко узнаваемы.

Все дальнейшие международные документы в той или иной форме повторяют или конкретизируют эти основополагающие принципы ООН.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, провозглашенная резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г. вся посвящена проблеме свободы совести. Она призывает помнить, что игнорирование и нарушение права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества; что религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни; указывает на то, что свобода религии может и должна содействовать достижению целей всеобщего мира, социальной справедливости и дружбы между народами и призывает все государства принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений.

Данная Декларация уточняет и еще раз подтверждает антидискриминационные нормы Международного пакта о гражданских и политических правах.

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и выразить убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов, в учении.

2. *Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору.*

3. *Свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным Законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (ст.1).*

Статья 2 запрещает дискриминацию на основе религии или убеждений не только со стороны государства, но также со стороны любого учреждения, группы лиц или отдельных лиц.

Пункт 2 ст. 2 определяет дискриминацию на основе религии или убеждений как *«любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или удаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод».*

Статья 3 Декларации подчеркивает значение антидискриминационных норм ст. 2, отмечая, что *«дискриминация на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами».*

Статья 4 обязывает все государства принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии и убеждений, для чего предлагает принимать или отменять, если это необходимо, законы для запрещения любой подобной дискриминации, а также принимать необходимые меры по борьбе против нетерпимости на основе религии или иных убеждений.

Статья 5 посвящена детальному рассмотрению прав родителей определять образ жизни в рамках семьи в соответствии со своей религией или убеждениями, а также прав ребенка на доступ к образованию в области религии или убеждений. Пункт 3 говорит: *«Ребенок ограждается от любой формы дискриминации на основе религии или убеждений. Он*

должен воспитываться в духе понимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, уважения к свободе религии или убеждений других людей, а также с полным осознанием того, что его энергия и способности должны быть посвящены служению на благо других людей».

Статья 6 собственно и перечисляет **стандарты**, которым надлежит следовать государствам, принимая законодательства в области прав и свобод. Национальные законодательства должны включать следующие свободы в области мысли, совести, религии или убеждений:

«а) отправлять культы и собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей;

б) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения;

с) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями;

д) писать, выпускать или распространять соответствующие публикации в этих областях;

е) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели;

ф) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования;

г) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений;

h) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями;

i) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях».

Перечень указанных свобод не является исчерпывающим; это лишь тот минимум, который должен присутствовать в законодательстве каждого государства-участника. Причем, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений в статье 7 требует, чтобы вышеперечисленные права и свободы

предоставлялись национальными законодательствами таким образом, чтобы каждый человек мог пользоваться ими **на практике**, а в ст.8 предостерегает: *«Ничто в настоящей Декларации не должно истолковываться в смысле ограничения или отхода от любого права, как оно определено во Всеобщей декларации прав человека и в международных пактах о правах человека».*

Аналогичные нормы содержатся и в **Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам**, принятой ООН 18 декабря 1992 г. Государства-участники декларации, понимая, что поощрение и защита прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, способствуют политической и социальной стабильности в тех странах, где они проживают, призывают государства принимать меры для создания благоприятных условий, позволяющих лицам, принадлежащим к меньшинствам, выражать свои особенности и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи.

Вопросы свободы совести и религии отражены также в следующих международных документах:

- Заключительный Акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975);
- Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Мадрид, 1980);
- Итоговый документ Венской встречи 1989 года представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Вена, 1989);
- Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Копенгаген, 1990);
- Парижская хартия для новой Европы (итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) (Париж, 1990).

После распада СССР и создания Содружества Независимых Государств (СНГ), последние 26.05.1995 г. подписали Конвенцию о правах и основных свободах человека, где были воспроизведены сформулированные в приведенных выше международных документах общепринятые принципы религиозных свобод – мысли, совести и вероисповедания. Этой

Конвенцией СНГ подтвердило право каждого человека на свободное осуществление этих свобод, которые могут быть ограничены только законом и в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц.

В 1996 году Россия стала 39-м членом Совета Европы. С этого времени она согласилась следовать международным нормам, гарантирующим права человека, в том числе выработанной и признанной всеми государствами Всеобщей декларации прав человека.

Несмотря на то, что она представляет собой общепринятый стандарт прав человека и ее принципы являются частью нашей Конституции, сегодня, более шестидесяти лет спустя с момента принятия Декларации, многие россияне не знают об этих правах или, может быть, знают только понаслышке.

Все международные правовые акты (декларации, договоры, акты), возникшие на основе Всеобщей декларации прав человека, не есть просто теория. Согласно ст. 1 Европейской Конвенции о защите прав человека, ратифицирующие ее государства автоматически принимают на себя двойное обязательство:

Во-первых, они должны обеспечить, чтобы их национальное законодательство соответствовало Конвенции. В некоторых случаях, для выполнения взятых на себя обязательств, государствам приходится вносить изменения в свое законодательство и практику.

Во-вторых, присоединяющиеся к Конвенции государства должны ликвидировать все имеющиеся в их законах положения, нарушающие защищаемые Конвенцией основные права и свободы. «Точно так же, как существуют законы, пресекающие воровство, разбой или убийство, так же существуют и законы, защищающие право на свободу слова, свободу убеждений и на свободу иметь и исповедовать свою религию»¹.

Следовательно, невыполнение вышеуказанных требований влечет за собой исключение государства из Совета Европы.

¹ Возрождение свободы совести и ее защита. Руководство по защите прав человека. – М.: Московская Хельсинская Группа, 1999. – С. 4.

Таким образом, Российская Федерация приняла на себя обязательства исполнять все требования ратифицированных ею документов в области защиты свободы совести, для чего ей пришлось изменить и дополнить национальное законодательство так, чтобы оно соответствовало международным стандартам (см. выше).

Наиболее значимой для России и особенно для ее граждан, имеет **Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод**, принятая членами Совета Европы 4 ноября 1950 г. – вскоре после Всеобщей декларации прав человека (10.12.1948), и ратифицированная Россией 30 марта 1998 г. Ее положение, касающееся свободы религии или убеждений (п. 1. ст. 9) слово в слово повторяет ст. 18 Всеобщей декларации:

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом, в богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Пункт 2 ст. 9 говорит о некоторых ограничениях этой свободы, установленных **законом** и необходимыми в демократическом обществе, которые допустимы лишь в целях поддержания спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности, или для защиты прав свобод других лиц.

Конвенция подчеркивает, что ограничения не могут устанавливаться произвольно, но должны быть закреплены **законом** государства. Применительно к России, ограничения прав свободы совести устанавливаются **только федеральным законом** (п. 2 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), поэтому всякие ссылки на региональное или местное законодательство в этой части несостоятельны.

Фраза «необходимых в демократическом обществе» существенно сужает рамки допустимых обоснований превышения власти в области прав свободы религии и напоминает, что ограничения возможно только при **действительной необходимости**.

Почему Европейская конвенция важна для российских граждан? С 1998 г., когда Россия ратифицировала Конвенцию,

они впервые получили возможность обращаться за защитой своих прав непосредственно в Европейский суд.

Европейский суд по правам человека является высшей инстанцией, трактующей положения Конвенции. В ряде его решений дается толкование слова «религия» в том смысле, в каком оно используется в Конвенции.

Ввиду имевших место попыток поставить в неравноправное положение или даже запретить нетрадиционные религии во время подготовки и принятия закона 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», сыграло важную роль постановление Европейского суда 1996 г., принятое в ходе слушания дела «Манусакис против Греции». Тогда Суд пришел к выводу, что государство не имеет право выносить решение относительно того, действительно ли что-то является религией или нет, и недвусмысленно объявил, что политика, которая лежит в основе гарантий на свободу вероисповедания, обеспечиваемых Конвенцией, заключается в следующем: «гарантировать настоящий плюрализм вероисповеданий». Суд отметил, что «свобода вероисповедания, гарантией которой является Конвенция, исключает всякое право государства определять законность религиозных верований или способов выражения этих верований»¹.

Таким образом, решения Европейского суда пресекают продолжающиеся до настоящего времени попытки разделить конфессии на «правильные» и «неправильные», «традиционные» и «признаваемые» и т.д.

Европейский суд по правам человека принимает заявления от граждан государств-участников, считающих, что государство нарушило их права, если были исчерпаны все возможные внутригосударственные способы правовой защиты. С точки зрения Суда, действенными способами судебной защиты являются суды первой и второй (кассационной) инстанций. Суды надзорной инстанции, пересматривающие вступившие в законную силу судебные постановления, по мнению Европейского суда, таковыми быть не могут.

¹ Возрождение свободы совести и ее защита. Руководство по защите прав человека. – М.: Московская Хельсинская Группа, 1999. – С. 9.

Обращение в Европейский суд должно быть сделано в течение шести месяцев с момента вынесения последнего решения национального суда.

Следует отметить, что Европейский суд принимает к производству лишь заявления о нарушениях конкретных положений Европейской конвенции, защищающих права человека. Заявления, выходящие за пределы Конвенции, считаются неприемлемыми.

Российская Федерация, ратифицировав Европейскую конвенцию, приняла на себя обязательство признавать принцип верховенства Закона. Любое лицо, находящееся под ее юрисдикцией, должно пользоваться правами и свободами человека, как это сформулировано и признано международным сообществом. Исходя из этого, решения Европейского суда являются обязательными для нашего правительства, ибо согласно ст. 15 Конституции РФ международное право имеет приоритет над федеральным законодательством. Тем не менее, механизм выполнения решений Европейского суда в России до настоящего времени так и не выработан. Более того, как уже говорилось (см. тему 4), Конституционный Суд по запросу Президента или Правительства РФ может отказать в исполнении постановления ЕСПЧ, если его решение входит в противоречие с Конституцией РФ.

Будучи членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Россия несет ответственность за выполнение деклараций и соглашений в области прав человека.

ОБСЕ является межправительственной организацией, в которую входят более 50 европейских государств, а также США и Канада. Она была образована, чтобы помогать разрешать конфликты во время «холодной войны» и с ее окончанием продолжает существовать как межправительственная организация, которая направляет свое внимание на разрешение конфликтов, обеспечение безопасности и соблюдение прав человека.

ОБСЕ разработала серию договоров, в которых признано необходимым использовать права человека в качестве основы для

соглашений о разрешении конфликтов и обеспечении стандартов жизни цивилизованной страны. 1 августа 1975 г. в Хельсинки был подписан **Заключительный Акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе**. Он состоял из трех разделов, в которых изложены основные принципы европейской безопасности. Принцип VII первого раздела защищает свободу религий и убеждений:

«Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений для всех, без различия расы, пола, языка и религии...»

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести...»

Тот уровень, на котором каждое государство на практике претворяет в жизнь права человека в соответствии с пактами ООН, Европейской конвенцией по правам человека, Хельсинскими соглашениями и другими международными документами, является показателем уровня его демократии.

Что касается России, то Комитет ООН по правам человека еще в 1998 г. признал, что она соблюдает «Международный пакт о гражданских и политических правах». Было с удовлетворением отмечено, что Уголовный кодекс, вышедший в 1997 г., признает преступлением подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти, а также другие деяния, направленные против прав и свобод человека.

Однако России, с одной стороны, еще предстоит доказать на практике приверженность демократическим принципам, признанным международным сообществом, по целому ряду позиций общепринятых стандартов, а с другой – в процессе такого доказательства приходится противостоять все более широко используемому тем же международным сообществом **принципу двойных стандартов**.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. – 5-е изд., изм. И доп. – М.: Норма, 2006.

2. Бердяев Н. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М., 1999.
3. Беспалый И.Т. Государственное право Российской Федерации: Уч. пособие. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.
4. Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане / Под общ. ред. Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2003.
5. Григонис А.П., Григонис В.П. Конституционное право зарубежных стран: Краткий курс. – Лекция 1. – СПб, Питер, 2008.
6. Законодательство Российской Федерации о свободе совести и религиозных объединениях. Сборник нормативных актов. – М.: Исследовательский отдел российско-американской ассоциации «Духовное возрождение», 1993.
7. Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия // Материалы семинаров, ноябрь-декабрь 2000 г. / Под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2001.
8. Клочков В.В. Религия, государство, право. – М.: Мысль, 1978.
9. Краснов Ю.К. Государственное право России. История и современность: Уч. пособие. – М.: Юристъ, 2002.
10. Конституционное право зарубежных стран: конспект лекций / Сост. А.В. Петренко. – М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Сова, 2011.
11. Могилевский А.Л. Правосознание и религия. – Ашхабад: «Ылым», 1977.
12. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Спарк, 2004.
13. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011.
14. Новое законодательство России о свободе совести и религиозных объединениях. Сборник нормативных актов / Сост. А.В. Пчелинцев. – М.: Институт религии и права, 1999.

15. Основы религиоведческой экспертизы. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.В. Пчелинцева. – М.: Институт религии и права, 2002.

16. Прилуцкий А.М., Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления // Религиоведение. – 2006. - № 1. – С. 164-170.

17. Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

18. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. – М.: Юриспруденция, 2012.

19. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД. «Юриспруденция», 2006 (3-е изд. – 2009; 4-е – 2012 гг.).

20. Религиозные объединения в Российской Федерации. Справочник / Под. общ. ред. М.М. Прусака, В.В. Борщева. – М.: Республика, 1996.

21. Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 1997-2007 гг.

22. Религия и закон. Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций. Сборник правовых актов с комментариями / Сост. А.О. Протопопов. – М.: Паллада, 1996.

23. Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции // Материалы Международной научно-практической конференции 2-3 октября 1997 г. – Казань: Заман, 1998.

24. Религия и общество. Справочник / Отв. ред. Р.А. Набиев. – Казань, 1998.

25. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. Справочник / Отв. ред. Ю.П. Зуев. – М.: РАГС, 1996.

26. Религии и религиозные объединения в Республике Татарстан / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2004.

27. Умнова И.А., Алешкова И.А. Конституционное право РФ: Учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2012.

28. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

29. Федеральный закон «О некоммерческих организациях»

30. Федеральный закон «Об общественных объединениях».

31. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

32. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

33. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

34. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.

ЛЕКЦИЯ № 7.

Гражданско-правовые аспекты хозяйственной деятельности религиозных организаций

Свобода совести и деятельность религиозных объединений охраняется и регулируется различными отраслями права, в том числе и гражданским правом.

Гражданское право, как и другие отрасли, представляет собой совокупность норм, регулирующих **отношения**, возникающие в процессе осуществления различного рода деятельности граждан или организаций. В силу своего общественного характера эти отношения получили название **общественных**, а поскольку отдельные их виды регулируются нормами права, они именуются **правоотношениями**.

Круг **гражданских** правоотношений весьма обширен и разнообразен; в общем виде он сформулированы в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации:

Гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Из приведенного положения статьи следует, что гражданское право регулирует в первую очередь отношения **имущественные**, под которыми понимаются отношения по поводу вещей, денег, ценных бумаг, услуг и работ и т.д., а также **личные неимущественные**, т.е. отношения в сфере интеллектуальной деятельности (авторское, изобретательское право). Личные неимущественные отношения, в свою очередь, подразделяются на два вида: личные неимущественные отношения, связанные с имущественными (например, авторство – неимущественное, но право на гонорар – имущественное) и отношения, возникающие

по поводу защиты личных неимущественных прав (нематериальных благ – имя, честь, деловая репутация и т.п.).

Таким образом, гражданское право как отрасль права представляет собой *совокупность правовых норм, регулирующих имущественные отношения, личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, а также отношения, возникающие по поводу защиты нематериальных благ*¹.

Имущественные отношения различны и могут являться предметом не только гражданского, но и иных отраслей права. П. 3 ст. 2 ГК РФ говорит, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется. Критерием разграничения в данном случае является *метод регулирования*, присущий различным отраслям права. Тем не менее, в некоторых случаях в отношениях, регулируемых вышеуказанными отраслями права, нормы гражданского права все же используются. Например, по фактам возмещения убытков гражданам и юридическим лицам вследствие необоснованного взимания финансовых санкций, применяется ст.ст. 15 и 16 ГК РФ.

Аналогично обстоит дело с семейным, трудовым, природоресурсным правом: к решению вопросов, не урегулированных этими отраслями, применяются нормы гражданского законодательства.

Участниками (субъектами) гражданских правоотношений могут быть **физические лица** (граждане) и **юридические лица** (организации²).

Верующие люди, являясь гражданами государства (гражданско-правовой статус – физические лица), пользуются всеми правами и исполняют обязанности наравне со всеми остальными членами общества, поэтому их правоотношения

¹ См.: Горбачева Л.Н. Гражданское право: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005. – С.5-6.

² В данном контексте *организация* – это группа людей, действующих совместно для достижения общих целей.

регулируются законодательством независимо от религиозной принадлежности (ст. 19 Конституции РФ; ст. 17 ГК РФ).

Юридическими лицами признаются организации, которые имеют в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечают по своим обязательствам этим имуществом, могут от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде (ст. 48 ГК РФ).

Ст. 50 ГК РФ разделила юридические лица на **коммерческие** и **некоммерческие**. Коммерческими признаются организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности; некоммерческими – не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками.

Правовое положение некоммерческих организаций определяется Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 12.01.1996 г. «О некоммерческих организациях» а также рядом иных законов РФ.

Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или *религиозных* организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом (п. 3 ст. 50 ГК РФ).

П. 2. ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет цели некоммерческих организаций: они могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения *духовных* и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Статья 117 ГК РФ конкретизирует понятие общественных и религиозных организаций (объединений), определяя их как добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для

удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей. Что касается собственно религиозных объединений, то главная цель их создания есть **совместное исповедание и распространение веры** (п. 1 ст. 6 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Для своей нормальной жизнедеятельности религиозные организации должны обладать обособленным имуществом, что является конструктивным элементом **юридического лица**. «Несмотря на трансцендентность целей своего существования, религиозные организации как внешние институты, действующие в «земной» жизни, имеют необходимость в вещественных средствах для достижения своих целей»¹.

Таким образом, обладая обособленным имуществом и, следовательно, будучи юридическими лицами, религиозные объединения являются субъектами гражданско-правовых отношений со всеми присущими этой категории правами и обязанностями.

Закон также наделяет некоммерческие организации, включая религиозные объединения, правом осуществлять предпринимательскую деятельность, но лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствует этим целям (п. 3 ст. 50 ГК РФ).

Гражданский кодекс и ФЗ «О некоммерческих организациях» обуславливают права и обязанности, общие для всех форм некоммерческих организаций. Однако **особенности** правового положения каждой из типов таких организаций регулируется еще и соответствующим **законом**. На такие особенности указывает и тот факт, что ФЗ «О некоммерческих организациях» не распространяет некоторые свои положения на религиозные организации (п. 4 ст. 1). Это касается вопросов, предусмотренных пунктом 6 статьи 2, статей 13 - 19, 21 - 23, 28 - 30, абзаца третьего пункта 1 статьи 32 (создание, регистрация, преобразование, ликвидация, управление и т.д.)

В нашем случае деятельность рассматриваемой некоммерческой организации регулирует Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Он дает

¹ Рыженков А.Я., Садков А.Н., Цирульников В.Н. Юридическая личность религиозной организации. – Волгоград: Изд-во «Альянс «Югполиграфиздат», 2004. - С. 107.

дефиницию термину «свобода совести и вероисповедания», раскрывает понятие «религиозные объединения» и определяет их место и роль в государстве, устанавливает порядок создания, регистрации, ликвидации и условия деятельности религиозных организаций, в том числе связанные с особенностями регулирования их имущественных отношений.

Имущественные отношения религиозных объединений как субъектов права регулируются гражданским законодательством. Отдельные вопросы затрагиваются также некоторыми другими отраслями права (земельным, налоговым, таможенным).

Особенности правового регулирования имущественных отношений религиозных объединений изложены в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст.ст. 17, 18, 21, 22).

Религиозные объединения осуществляют свою деятельность в форме религиозных **групп** и религиозных **организаций**. В зависимости от этого законодательство определяет правовой режим имущества религиозных объединений.

Религиозная группа не приобретает правоспособность юридического лица, следовательно, не может иметь в собственности обособленное имущество. В соответствии со ст. 7 Закона помещение и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляется ее участниками в **пользование** и не переходит в собственность группы.

Религиозная организация же, являясь юридическим лицом с момента государственной регистрации, обладает всем объемом имущественных прав и обязанностей, предоставляемых **некоммерческим** организациям, к числу которых она и относится: имеет в собственности или в оперативном управлении обособленное имущество, отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде; должна иметь самостоятельный баланс; вправе открывать счета в банках (в т.ч. валютные) на территории Российской Федерации и за ее пределами; имеет печать, штампы, бланки со своим наименованием, зарегистрированную эмблему и т.д.

Следует отметить, что, хотя религиозные организации, являясь юридическими лицами, отвечают по своим обязательствам принадлежащим им имуществом, законом, тем не менее, предусмотрены некоторые ограничения их имущественной ответственности. В частности, на движимое и недвижимое имущество **богослужебного** назначения не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов. Перечень такого имущества устанавливается Правительством РФ по предложениям религиозных организаций. Учитывая разницу в культовой, обрядовой и церемониальной деятельности различных конфессий, этот перечень также будет разным. В целом же, к имуществу богослужебного назначения можно отнести предметы храмового пространства: священные предметы, предметы религиозного поклонения, предметы храмового убранства и архитектурные элементы храма; предметы, необходимые для отправления богослужений, обрядов и церемоний: предметы религиозной символики и атрибутики, вещества и предметы, применяемые при богослужении (свечи, елей, миро, лампадное масло, благовония); колокола; одежда и головные уборы религиозного назначения; издательская продукция и аудио- и видеоматериалы религиозного назначения и т.п.

Правовой режим имущества религиозных организаций различается также в зависимости от видов их деятельности. Имеется в виду собственно **культовая** – богослужение, исполнение религиозных обрядов, церемоний, треб (венчание, отпевание, погребение и т.п.) и т.н. **внекультовая** – благотворительная, культурно-просветительская, образовательная, издательская, предпринимательская **деятельность религиозных организаций.**

Например, имущество, используемое в культовой деятельности (культовые здания, а также земельные участки, на которых они расположены, предметы богослужебного назначения и т.д.), освобождается от налогообложения как имущество религиозных организаций (ст.ст. 381, 395 НК РФ).

Правовой режим имущества, задействованного во внекультовой деятельности (имущество созданных религиозной организацией культурно-просветительских, образовательных или

издательских учреждений, которое, разумеется, также может иметь льготы), определяется уже не ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», а законодательством, регулирующим соответствующие виды деятельности (например, Законами РФ «Об образовании», «О средствах массовой информации» и т.п.).

В соответствии со ст. 21 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в собственности религиозных организаций могут находиться здания, земельные участки, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности, в том числе отнесенное к памятникам истории и культуры. Причем, указанные виды имущества религиозные организации могут иметь на праве собственности не только на территории России, но и за границей.

Источниками приобретения имущества могут являться пожертвования граждан и организаций как российских, так и зарубежных; создание или приобретение за счет собственных средств; передача в собственность государством; иные способы, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Одним из показателей признания государством важности религиозного фактора в общественной жизни стало то, что передача в собственность религиозным организациям культовых зданий и сооружений с относящимися к ним земельными участками и иного имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется безвозмездно.

Право собственности, помимо владения и пользования, подразумевает также и распоряжение, т.е. отчуждение собственности. Религиозные организации, как юридические лица, вправе приобретать и отчуждать принадлежащее им имущество. Однако законодатель установил определенные ограничения для отчуждения некоторых видов имущества. Так, продажа, дарение или иное отчуждение находящихся в собственности религиозных организаций памятников истории и культуры допускаются с обязательным предварительным уведомлением государственных

органов охраны памятников, причем, при продаже таких памятников государство имеет преимущественное право покупки.

Государство, общественные и иные организации, а также физические лица (российские и зарубежные) могут передавать религиозным организациям имущество в пользование. Передача в пользование по функциональному назначению культовых зданий и сооружений с относящимися к ним земельными участками и иного имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется безвозмездно (ст. 22 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Права религиозных организаций на это имущество регулируются гражданским законодательством (ст.ст. 216, 268, 274, 277, 294, 296, 305 ГК РФ и др.).

Во вторую часть Гражданского кодекса 1996 г. введена ст. 582 –пожертвования. Это новый гражданско-правовой институт, который не регулировался кодексом 1964 г.

Пожертвование является одним из видов дарения, отличительным признаком которого является назначение дара – общепользная цель.

Пожертвования могут делаться гражданам, организациям, в т.ч. религиозным, а также государству. Мы рассмотрим эту статью ГК применительно к религиозным организациям.

На принятие жертвования не требуется чьего-либо разрешения или согласия.

Пожертвованное религиозной организации имущество может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению, например, требование использовать жертвованное помещение только для проведения там богослужений. При отсутствии такого условия оно используется в соответствии с назначением имущества.

Если для использования жертвованного имущества установлено определенное назначение, религиозная организация должна вести обособленный учет всех операций по его использованию.

Использование жертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или с изменением этого назначения без его согласия (жертвованное

помещение используется не в богослужебных целях, а для проживания или хранения инвентаря), дает право жертвователю, а также его наследникам или правопреемникам требовать отмены пожертвования.

На пожертвованное имущество распространяются льготы, предусмотренные налоговым законодательством РФ.

Постановка на налоговый учет религиозных организаций как юридических лиц осуществляется независимо от обстоятельств, с которым налоговое законодательство связывает возникновение обязанности по уплате того или иного налога. Другими словами, независимо от того, будет ли религиозная организация вести финансовую деятельность, или нет, она обязана встать на учет в налоговый орган.

Религиозная организация подлежит постановке на налоговый учет по месту нахождения постоянно действующего руководящего органа. Очень часто религиозные организации не имеют собственных зданий и проводят богослужения в арендованных помещениях или на квартирах своих последователей. Руководящий же орган может находиться в другом месте, но в любом случае налоговый орган ориентируется на адрес, указанный в регистрационных документах.

Учитывая специфику деятельности религиозных организаций, законодатель предусмотрел ряд налоговых льгот. В частности, **не подлежат налогообложению** ремонтно-реставрационные и восстановительные работы, выполняемые при реставрации культовых зданий и сооружений, находящихся в пользовании религиозных организаций; реализация предметов религиозного назначения и религиозной литературы, производимых и реализуемых религиозными организациями, организациями, находящимися в собственности религиозных организаций и хозяйственными обществами, уставной капитал которых состоит полностью из вклада религиозных организаций (объединений), в рамках религиозной деятельности (за исключением подакцизных товаров и минерального сырья), а также организация и проведение указанными организациями религиозных обрядов, церемоний, молитвенных собраний или других культовых действий (ст. 149 НК РФ).

Предприятия и организации, перечисляющие пожертвования религиозным организациям на осуществление ими уставной деятельности, при определении налоговой базы имеют право на получение социальных налоговых вычетов в размере фактически произведенных расходов, но не более 25% суммы дохода, полученного в налоговом периоде (ст. 219 НК РФ).

При определении налоговой базы **не учитываются доходы**, полученные религиозной организацией в виде имущества (включая денежные средства) в связи с совершением религиозных обрядов и церемоний и от реализации религиозной литературы и предметов религиозного назначения, а также целевые поступления (имущество и денежные средства), полученные на осуществление уставной деятельности (ст. 251 НК РФ).

Организации, уставной капитал которых состоит полностью из вклада религиозных организаций, при налогообложении уменьшают полученные доходы в виде прибыли от реализации религиозной литературы и предметов религиозного назначения, на сумму денежных средств, перечисленных на осуществление уставной деятельности указанных религиозных организаций (ст. 264 НК РФ).

Не учитываются при определении налоговой базы **расходы**, осуществляемые религиозными организациями в связи с совершением религиозных обрядов и церемоний, а также в связи с реализацией религиозной литературы и предметов религиозного назначения (ст. 270 НК РФ).

Что касается налога на имущество, то религиозные организации освобождаются от налогообложения в отношении имущества, используемого ими для осуществления религиозной деятельности, а также в отношении принадлежащих им земельных участков, на которых расположены здания, строения и сооружения религиозного и благотворительного назначения (ст.ст. 381, 395 НК РФ).

Религиозные организации ведут бухгалтерский учет, представляют финансовую отчетность и несут ответственность за организацию, состояние и достоверность бухгалтерского учета, своевременное представление отчетности в порядке, установленном действующим законодательством Российской

Федерации. Каких-либо особенностей в этой области для религиозных организаций законодателем не предусмотрено. Однако на практике религиозные организации, не ведущие финансовую деятельность, по согласованию с местными налоговыми органами отчитываются не ежеквартально, как другие налогоплательщики, а по окончании года.

Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г. предоставил религиозным организациям право заниматься благотворительной деятельностью.

Следует отметить, что это право законодательно было предоставлено религиозным организациям впервые после октябрьского переворота 1917 года, когда во исполнение Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г. религиозные общества были лишены собственности, права юридического лица и их деятельность была ограничена лишь исполнением религиозных обрядов. Постановлением ВЦИК И СНК РСФСР от 8.04.1929 г. «О религиозных объединениях» благотворительная деятельность религиозных организаций была окончательно запрещена.

В настоящее время право заниматься благотворительной деятельностью закреплено в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., где в ст. 18 сказано, что религиозные организации вправе осуществлять такую деятельность как **непосредственно**, так и путем **учреждения благотворительных организаций**.

При осуществлении благотворительной деятельности религиозные организации руководствуются Федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 г.

Литература

1. Афанасьев Э.В. Отношение Русской православной церкви к собственности (замечания по дискуссии) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 2. – М.: Изд. РАГС, 2001.

2. Гончаров А.А., Попонов Ю.Г. Гражданское право. Общая и Особенная части: Учебник. – М.: КНОРУС, 2005.

3. Горбачева Л.Н. Гражданское право: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академические Проект: Фонд «Мир», 2005.

4. Зарубина Н.Н. Предприниматель и религия в зеркале русской культуры // Религиоведения. – 2001. - №2; 2002. - №1.

5. Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации (постатейный). Ч. 2 / Н.Р. Вильчур, Ю.Г. Давыдов, А.В. Зимин и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК ВЕЛБИ, Изд-во Проспект, 2003.

6. Кумаритова А.А. Благотворительные организации: гражданско-правовое положение. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2008.

7. Налоговое право: Учебник / Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Юристъ, 2004.

8. О предоставлении религиозными объединениями расчетов по налогам. Официальный документ и комментарии // Религия и право. – 1999. - № 2.

9. О свободе совести и о религиозных объединениях: [Федер. закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ] // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

10. О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества: [Распоряжение Президента РФ от 23.04.1993 г. № 281-рп] // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

11. Петюкова О.Н. Государственная регистрация религиозных организаций в Российской Федерации: Научно-практический комментарий. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2007.

12. Положение о передаче религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения [Утв. Постановлением Правительства РФ от 30.06.2001 г. № 490] // Религиозные объединения. Свобода

совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

13. Рыженков А.Я., Садков А.Н., Цирульников В.Н. Юридическая личность религиозной организации. – Волгоград: Изд-во «Альянс «Югполиграфиздат», 2004.

14. Таможенный кодекс Российской Федерации.

15. Шахов М.О. Государственная помощь религиозным объединениям: концептуальные и правовые проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Изд. РАГС, 2001.

16. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. - 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.

17. Ярыгин Н. Протестантская этика и предпринимательство // Религия и право. – 2007. - № 1.

ЛЕКЦИЯ № 8.

Уголовное право и религия

Свобода совести и вероисповеданий провозглашена в Конституции РФ. Однако для подлинного установления недостаточно лишь ее утверждения в качестве конституционного принципа. Свобода совести должна быть реализована и **защищена**, главным образом – уголовно-правовыми мерами.

Законами Российской империи переход из православия в другие исповедания рассматривался как преступление, за которое предусматривалось уголовное наказание. Таким образом, государство, с одной стороны, карательными мерами поддерживало и сохраняло господствующую религию, а с другой – сдерживало распространение или прямо старалось искоренить другие, неправославные религиозные учения.

В начале XX в., в условиях острого экономического и политического кризиса, вызванного неудачами в русско-японской войне и нараставшим революционным движением, правительство вынуждено было принять меры к некоторому расширению прав и свобод своих граждан. В законодательных актах 1903-1905 гг. угадывалось желание путем обеспечения соблюдения провозглашенного ранее принципа веротерпимости обеспечить лояльность значительных масс «раскольников» (старообрядцев), многие из которых были влиятельными предпринимателями с многомиллионным капиталом, в поддержке которого власть была крайне заинтересована. Это намерение проявилось в издании 12.12.1904 г. Именного Высочайшего указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», где Сенату было дано указание «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения».

Результатом выполнения этого указа стало Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров от 17.04.1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому переход из православия в другие христианские исповедания

больше не являлся преступлением. За сектантскими общинами, признавалось право владеть движимым и недвижимым имуществом, создавать богоугодные заведения и т.п., то есть они получили гражданские права, каких не имели по прежнему законодательству. Духовные лица старообрядцев и сектантов приравнивались к духовенству нехристианских исповеданий, освобождались от призыва на военную службу и т.д.

Важное значение в плане вероисповедного законодательства имел Высочайший манифест от 17.10.1905 г., где впервые в российской истории было провозглашено **право свободы совести**: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов».

В СССР также была декларирована свобода совести, но марксистская идеология советской власти предполагала полное искоренение религии. Это естественным образом выразилось в законодательстве, в т.ч. уголовном. Например, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. преступлениям, связанным с нарушением правил об отделении церкви от государства, была посвящена целая глава (глава IV, ст.ст. 122-127). Уголовная ответственность наступала за преподавание несовершеннолетним религиозных вероучений в школах; совершение «обманных действий с целью возбуждения суеверий»; «принудительное взимание сбора» в пользу церкви; присвоение религиозными организациями административных, судебных или иных функций и прав юридических лиц; совершение в государственных и общественных учреждениях религиозных обрядов или помещение там религиозных изображений.

Кроме того, священнослужители и верующие привлекались к уголовной ответственности и по другим статьям УК, например, по печально известной ст. 58-10 – «пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58-2 – 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания», совершенные «с использованием религиозных или национальных предрассудков масс». Поскольку религия считалась «буржуазным пережитком», который должен быть «искоренен», священнослужители априори признавались

виновными в религиозной, а, следовательно, буржуазной «пропаганде и агитации, призывающей к свержению...» и далее по тексту.

В Уголовном кодексе 1960 г. уже отсутствует отдельная глава о нарушении правил об отделении церкви от государства, но к ст. 142 – нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви – существовало разъяснение в виде постановления Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении ст. 142 УК РСФСР» и аналогичные ему постановления ПВС союзных республик. В этих постановлениях фактически воспроизводились все «религиозные» статьи УК 1926 г.

Тем не менее, советская власть не могла не считаться с мировым сообществом, которое одним из требований экономического и политического сотрудничества с СССР выставило соблюдение права свободы совести. Правительство вынуждено было декларировать такие гарантии в ст.13 Конституции 1918 г., затем в ст. 124 Конституции 1936 г., а в качестве защиты этого права – ввести в Уголовный кодекс ст.127 – воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан. Практически в том же виде она вошла и в УК РСФСР 1960 г.

Однако идеологическая политика советского государства не изменилась: религия должна быть искоренена как буржуазный пережиток. Поэтому борьба с ней не только не прекратилась, но в 60-е годы XX в. значительно усилилась. И если ст. 143 – воспрепятствование совершению религиозных обрядов – практически не работала, то ст. 227 – посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов – наоборот, использовалась весьма интенсивно. Особенно много судебных процессов по этой статье было в 60-70-х годах по делам пятидесятников и баптистов-инициативников (Совет церквей ЕХБ).

Перестроечные процессы открыли Советскому Союзу двери мирового сообщества. Вопрос о гарантиях свободы совести встал очень остро. Правительство СССР, а после его распада – Российской Федерации, приняло целый ряд документов,

призванных реализовать право человека на свободное исповедание своей веры, которое 70 лет было под запретом.

Свое место в этом занимает уголовное законодательство, призванное защищать это право человека и гражданина от преступных посягательств. А такие посягательства были (особенно в 90-х годах) и есть сейчас. Они выражаются, с одной стороны, например, в хулиганских действиях в храмах и молитвенных зданиях, публикациях, оскорбляющих религиозные чувства верующих, экстремизме на религиозной почве и т.п.

С другой стороны – это воспрепятствование осуществлению права на свободу совести со стороны государственных органов и отдельных служащих, не могущих до сего дня отрешиться от прежних антирелигиозных представлений по причине отсутствия элементарных религиозоведческих и правовых знаний.

Ст. 26 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», устанавливая ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, отсылает к соответствующим нормам, прежде всего к уголовно-правовым.

Статья 4 УК РФ провозглашает равенство граждан перед уголовным законом, независимо от убеждений и отношения к религии. В данном случае это конкретизация в уголовном праве конституционного принципа равенства **всех** перед законом и судом.

Подчеркивая особую значимость религиозных отношений в государстве и обществе, уголовный закон установил факт совершения преступления по мотиву религиозной ненависти и вражды в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Помимо общей констатации данного принципа в ст. 63 УК, законодатель ввел его в качестве квалифицирующего признака в статье УК, установленные за совершение конкретных преступлений. Так, умышленное убийство, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, истязание, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды, являются отягчающими обстоятельствами и предусматривают более строгие санкции.

Для защиты общественных отношений в сфере обеспечения конституционных гарантий национальных, расовых и

религиозных интересов уголовный закон предусмотрел самостоятельную статью УК - **282 – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.**

Основным объектом преступления являются вышеприведенные общественные отношения, дополнительным – честь и достоинство человека.

Объективную сторону состава характеризуют деяния, направленные на возбуждение ненависти, вражды, унижение достоинств человека, а также на пропаганду превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии. Для квалификации деяний по данной статье необходимо, чтобы они носили общий характер и распространялись на значительное число лиц (например, призыв к расправе, воспрепятствование проведению религиозных обрядов, дискриминация).

Действия, направленные на унижение человеческого достоинства, могут выражаться в оскорблении, подчеркивании неполноценности, ущербности человека на религиозной почве.

Обязательным признаком является совершение действий публично или с использованием средств массовой информации.

Преступление характеризуется формальным составом и считается оконченным с момента совершения указанных действий, независимо от наступления последствий.

Субъект преступления – гражданин РФ, лицо без гражданства, иностранный гражданин, достигший 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла.

Вторая часть статьи 282 рассматривает в качестве квалифицирующих признаков деяния, предусмотренные ч. 1, но совершенные:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
- б) лицом с использованием своего служебного положения;
- в) организованной группой.

Применение насилия – любые действия насильственного характера. Исключение составляет умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в случае совершения которого деяние квалифицируется по совокупности статей 111 и 282 УК РФ.

Угроза становится квалифицирующим признаком при наличии реальных оснований опасаться ее реализации.

Использование служебного положения (специальный субъект) предполагает совершение данного деяния должностным лицом, либо иным лицом, имеющим служебное положение, позволяющее использовать его для совершения преступления.

Совершение преступления организованной группой признается квалифицирующим признаком при наличии устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступления, предусмотренного данной или иной статьей УК.

Статьи 282.1 – организация экстремистского сообщества и 282.2 – организация деятельности экстремистской организации - введены в Уголовный кодекс РФ в соответствии с Федеральными законами от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Под экстремистской деятельностью, в соответствии с данным законом понимается деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на подрыв основ конституционного строя, целостности государства, общественную безопасность, общественный порядок и т.д.

Таким образом, закон «О противодействии экстремистской деятельности» ввел религиозные объединения, наряду с другими организациями, в разряд потенциальных экстремистских сообществ. Разумеется, законодатель имел на это право, учитывая прецеденты последних 15-20 лет, когда по религиозным (скорее, псевдорелигиозным) мотивам был совершен ряд терактов. Однако, на наш взгляд, не следовало в законе делать акцент на термине «религиозный», поскольку в обыденном сознании это понятие в сочетании со словом «экстремизм» однозначно вызывает негативное отношение к религиозным образованиям, особенно новым. Достаточно было оперировать более широким понятием, охватывающим как общественные, так и религиозные объединения – некоммерческая организация.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282.1 выражается в следующих действиях:

- создание экстремистского сообщества;
- руководство им (разработка устава, программы, организация ритуалов, подготовка и проведение экстремистских акций и др.);
- создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества.

Под экстремистским сообществом понимается организованная группа лиц для подготовки или совершения преступлений по мотивам (в нашем случае) религиозной ненависти либо вражды.

Создание такого сообщества предполагает активное поведение виновного по объединении группы лиц, имеющих общие цели и интересы по подготовке и совершению преступлений экстремистской направленности, т.е. для занятия экстремистской деятельностью.

Субъектами преступлений, предусмотренных ч. 1,2 статьи 282.1, являются организаторы и руководители экстремистского сообщества, достигшие 16-летнего возраста. Имеются в виду лидеры экстремистских группировок, т.е. лица, входящие в состав их руководящих органов, уполномоченных принимать решения и организовывать их реализацию; организаторы, руководители или иные представители частей или структурных подразделений экстремистского сообщества.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Обязательным признаком субъективной стороны преступления является мотив: помимо других признаков – религиозная ненависть.

Преступление считается оконченным с момента фактического создания экстремистского сообщества.

Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ в указанную статью введен п. 1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, за которые предусмотрена ответственность в виде штрафа, принудительных работ, ограничения свободы или лишения свободы.

Часть 2 предусматривает ответственность за участие в экстремистском сообществе, которое может быть физическим, имущественным или интеллектуальным и выражаться в финансировании преступной деятельности, оказании помощи в ее проведении, подготовке и распространении экстремистских материалов и т.д.

В качестве субъектов преступления, предусмотренного ч. 3 настоящей статьи, рассматриваются должностные лица, а также иные лица, состоящие на государственной или муниципальной службе, наделенные властными или служебными полномочиями, которые используют в целях создания условий для организации, руководства либо участия в экстремистском сообществе.

Ст. 282.2 УК РФ - организация деятельности экстремистской организации - по отношению к деятельности религиозных объединений имеет свою специфику. В соответствии со ст. 14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» **ликвидация** фактически означает прекращение **правоспособности** религиозной организации, но она может продолжать функционировать в качестве **религиозной группы**. Поэтому ответственность по ст. 282.2 наступает только в случае организации деятельности экстремистского сообщества (религиозной организации), в отношении которого имеется решение суда не только о его ликвидации, но и о **запрете деятельности**.

Основания ликвидации или запрета деятельности религиозного объединения перечислены в ст. 9 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» - нарушения прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, общественной безопасности, интересам физических и юридических лиц, обществу и государству и пр.

Объектом преступления являются отношения, возникающие в связи с нарушениями закрепленного в Конституции и законах РФ запрета на осуществление экстремистской деятельности.

Объективная сторона – деятельность по организации деятельности объединения или организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о

ликвидации или о запрете в связи с экстремистской деятельностью.

Субъективная сторона определяется прямым умыслом.

Субъект – организаторы, руководители (ч.1), участники (ч.2), специальный субъект деятельности экстремистской организации – лицо, использующее свое служебное положение (ч.3).

Как и в предыдущую статью, Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ законодатель ввел п. 1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, влекущие аналогичное наказание.

И ст. 282.1, и ст. 282.2 содержат примечания о том, что добровольный отказ от участия в экстремистском сообществе влечет освобождение от уголовной ответственности членов таких организаций, если в их действиях не содержится состава иного преступления.

Особую общественную опасность представляет **геноцид**, ответственность за который предусмотрена **ст. 357 УК РФ**.

Нью-Йоркская Конвенция 9.12.1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» указала, что геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или в военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого договаривающиеся стороны обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение.

Объектом геноцида является безопасность человеческого сообщества, национальных, этнических, расовых и религиозных групп, жизнь, здоровье, права и свободы человека.

Объективная сторона преступления характеризуется действиями, направленными на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей, а также убийства членов этой группы, причинение тяжкого вреда их здоровью, насильственное воспрепятствование деторождению, принудительную передачу детей, насильственное переселение либо иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Под религиозной группой в контексте данной статьи понимается общность людей, исповедующих определенную

религию, отличную, как правило, от доминирующей в данном обществе.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Целью виновного является полное или частичное уничтожение (в нашем случае) религиозной группы. Мотивом могут быть национальная, религиозная вражда и нетерпимость, другие побуждения.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16 лет. Виновный может быть государственным служащим, занимающим должность в гражданской, военной и правоохранительной системе РФ, а также частным лицом.

Статья 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, происхождения, расовой, национальной или религиозной принадлежности. Защитить этот принцип призвана **ст. 136 УК РФ – нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина.**

Объектом преступления, таким образом, являются конституционные права и свободы.

Объективная сторона состоит в действии или бездействии, направленном на нарушение прав гражданина или группы граждан (дискриминация) по признаку религиозной принадлежности с использованием своего служебного положения как должностное лицо, государственный и муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом, а также иное недолжностное лицо, использующее свое служебное положение для совершения преступления (например, руководитель негосударственного образовательного учреждения отказывается принять на учебу гражданина по признакам религиозной принадлежности). Например, это может выражаться в отказ в приеме на работу лица по причине несогласия с его религиозными убеждениями.

Состав преступления – формальный: для квалификации по указанной статье не требуется наступление конкретных материальных последствий.

Совершение данного преступления может быть только умышленным. Мотив и цель не имеют значения для квалификации.

Субъект – лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Статья 18 Всеобщей декларации прав человека провозглашает право каждого человека на свободу совести и вероисповедания. Согласно этому в статье 28 Конституции РФ записано, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. **Ст. 148 УК РФ – нарушение права на свободу совести и вероисповеданий** – представляет собой одну из гарантий реализации указанной статьи Конституции.

Совесть как таковая не подлежит правовой оценке. Свободу же совести следует рассматривать двояко: а) как один из видов личных свобод, предоставляющих право каждому самостоятельно решать вопрос о том, будет ли он руководствоваться в своей жизни религиозными мировоззрениями или же возьмет за основу какие-либо иные; б) как право человека проявить свои убеждения вовне. В последнем случае это можно назвать свободой вероисповедания, т.е. возможностью исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию (или не исповедовать никакой), беспрепятственно отправлять религиозные культы, входить в существующие религиозные объединения или организовывать новые. Эта свобода подлежит правовому регулированию и защите.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, характеризуется двумя видами противоправного поведения:

– публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих;

– воспрепятствование деятельности религиозных организаций, совершению богослужений, других религиозных обрядов.

Под религиозными организациями понимаются любые **зарегистрированные** религиозные объединения, деятельность которых не противоречит закону.

Религиозные группы – религиозные объединения, действующие **без государственной регистрации** – также предусмотрены законом (ст. 7 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») и подлежат уголовно-правовой охране. Однако защиту их деятельности в рамках диспозиции ст. 148 УК можно рассматривать, скорее, как защиту совершения религиозных обрядов (богослужения, молебны, крестины, венчания, отпевания и т.п.).

Проблема оскорбления религиозных чувств верующих как уголовно наказуемое деяние до сих пор остается спорной, поскольку налицо слишком расплывчатый критерий понятия «религиозные чувства». На наш взгляд, если имеются публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, то ответственность должна наступать по ст. 213 УК РФ за хулиганство.

Что касается незаконного воспрепятствования деятельности религиозного объединения, то оно может осуществляться путем как действия, так и бездействия, как в устной, так и в письменной форме и направлено на то, чтобы не допустить, прекратить либо затруднить деятельность религиозных организаций. Это может выражаться в запрещения функционирования организации и ее подразделений, незаконном уклонении от регистрации, преследовании руководителей и верующих.

Воспрепятствование совершению религиозных обрядов, возможно путем недопущения верующих в культовое помещение, срыве богослужений, других религиозных церемоний и иными действиями, затрудняющими или делающими невозможным проведение религиозных обрядов.

Если воспрепятствование сопряжено с насильственными действиями либо с уничтожением или повреждением имущества, деяние квалифицируется по совокупности ст. 148 и других статей УК, предусматривающих ответственность за совершение указанных преступлений.

Субъективная сторона – прямой умысел. Виновный осознает общественную опасность своих действий и желает их наступления.

Субъектом является лицо, достигшее 16 лет. Субъектом может быть должностное лицо и в таком случае содеянное квалифицируется по правилам ст. 17 УК (совокупность).

Оконченным преступление считается с момента начала незаконного действия (формальный состав).

Статья 149 УК РФ – воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них – охраняет право граждан «собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ).

Применительно к свободе совести и вероисповедания, это означает право верующих проводить религиозные мероприятия на улицах: крестные ходы, другие праздничные шествия, молебны вне культовых зданий и др.

Федеральным законом от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предусмотрен уведомительный порядок организации указанных мероприятий, исполнив который (при отсутствии иных препятствий), граждане вправе рассчитывать на гарантию государства в части реализации своего конституционного права на мирные собрания и публичные манифестации.

Воспрепятствование осуществлению этого права влечет за собой уголовную ответственность по рассматриваемой статье.

С объективной стороны преступление заключается в:

- а) незаконном воспрепятствовании проведению уличного мероприятия;
- б) незаконном воспрепятствовании участию в нем;
- в) принуждении к участию в нем.

Обязательным условием уголовной ответственности является совершение данных действий:

- а) должностным лицом с использованием своего служебного положения;
- б) с применением насилия;
- в) с угрозой применения насилия.

Диспозиция статьи сформулирована таким образом, что не совсем понятно, относятся пункты б, в, к должностному лицу, либо их следует рассматривать как самостоятельные условия для квалификации преступления. Одни исследователи считают, что в

статье имеются в виду все три альтернативных условия¹, другие, что пп. б, в, относятся только к должностному лицу².

Тем не менее, по смыслу статьи преступление может быть совершено как должностным, так и иным лицом, препятствующим проведению мероприятия насильем или угрозой его применения.

Воспрепятствование выражается либо в активном поведении (недопущение проведения законного массового мероприятия или участия в нем, срыв начавшегося мероприятия, создание помех в проведении, организация беспорядков, избиения, выкрики и т.д.), либо путем бездействия (например, игнорирование заявления от участников мероприятия).

Принуждение либо воспрепятствование участию в массовом мероприятии возможно разными способами: в виде незаконного физического или психического воздействия на личность, использования служебного положения в отношении подчиненного лица и т.п.

Преступление считается оконченным: с момента незаконного воспрепятствования – при совершении его должностным лицом; в иных случаях – с момента совершения двух действий: самого факта воспрепятствования и физического насилия или угрозы его применения.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом.

Субъект – должностное лицо, или иное лицо, достигшее 16 лет – в случае, когда преступление совершено с применением насилия либо с угрозой его применения.

До относительно недавнего времени в Уголовном кодексе РФ существовали статьи 129 и 130 УК РФ – соответственно **клевета и оскорбление**, обеспечивавшие уголовно-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации человека.

Федеральным законом от 7.12.2011 г. № 420-ФЗ данные деяния были декриминализованы и переведены в разряд

1 См., например: Постатейный Комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 г. (под ред. Наумова А.В.) - М., "Гардарика", Фонд "Правовая культура" 1996 г. Комментарий к статье 149.

2 См., например, Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. В.М. Лебедев. - 3-е изд., доп. и испр. - М.: Юрайт-Издат, 2004. Комментарий к статье 149.

административных правонарушений (соответственно ст.ст. 5.60 и 5.61 КоАП РФ – см. § 9).

Однако уже 28 июля 2012 г. Федеральным законом РФ № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» клевета вновь признана уголовно наказуемым деянием, в связи с чем УК РФ был дополнен статьей **128¹** – **клевета**, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию

Статья 128¹ не связана непосредственно с религиозной сферой. Она защищает честь, достоинство и деловую репутацию любого человека, независимо от его религиозных или иных предпочтений. Однако практика показывает, что указанные преступления чрезвычайно распространены именно на религиозной почве. Например, клевете (не говоря уже об оскорблениях) часто подвергаются представители новых и нетрадиционных религиозных течений, обвиняемые в совершении самых различных антиобщественных деяний (начиная с разрушения семьи и «зомбирования» своих членов и кончая ритуальными убийствами).

Объектом данного преступления является честь, достоинство и репутация личности. Под **честью** обычно понимают положительную нравственную оценку человека, признание его моральных и социальных качеств другими лицами. **Достоинство** представляет собой осознание самим человеком собственных высоких моральных качеств, своего положения в обществе. **Репутация** – это общественная оценка, общее мнение о достоинствах или недостатках кого-либо.

Применительно к свободе совести и вероисповеданий вышеуказанные качества определяются религиозными чувствами и представлениями личности. Например, оклеветав кого-то, преступник связывает это с его вероисповеданием: «будучи верующим, такой-то совершил...».

Объективная сторона преступления состоит в действиях – распространении заведомо ложных сведений в устной либо письменной форме. Заведомо ложными признаются не соответствующие действительности, вымышленные, надуманные

сведения (например, о злоупотреблении спиртными напитками, психическом заболевании, совершении преступления).

Под распространением таких сведений понимается их огласка в присутствии хотя бы одного человека (третьего лица). С момента такой огласки преступление считается оконченным.

Субъектом данного преступления может быть любое лицо, достигшее возраста 16 лет.

С субъективной стороны клевета характеризуется прямым умыслом.

В части 2 ст. 128¹ квалифицирующим признаком является публичный характер распространения сведений, под которым понимается совершение этих действий в общественном месте, среди широкого круга посторонних лиц, развешивание листовок, плакатов и т.д., а также публикация в средствах массовой информации.

Часть 3 ужесточает наказание за совершение преступления должностным лицом.

В сравнении с прежней статьей 129, ст. 128¹ дополнена частью 4 – клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера. Вероятно, законодатель выделил этот квалифицирующий признак и ужесточил наказание в связи с увеличением числа случаев и повышенной степенью общественной опасности такого вида клеветы (например, о верующих нетрадиционных религий часто говорят: «этот сектант – сумасшедший, не стоит общаться с ним...»), а пятидесятников еще с советских времен с подачи атеистической пропаганды обвиняют в т.н. *свальном грехе*, несмотря на то, что целомудрие является одним из главных их нравственных принципов).

В части 5 ст. 128¹ содержится особо квалифицированный состав – клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Обвинение в таких преступлениях также характерно в отношении некоторых нетрадиционных религиозных движений («ритуальное убийство»).

Ст. 23 Конституции РФ гарантирует неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Религиозные убеждения относятся к частной жизни и могут составлять личную тайну человека, что также провозглашено в Конституции: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений и отказу от них» (ч. 3 ст. 29). Данное положение закреплено и конкретизировано в п. 5 ст. 3 ФЗ РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии...».

Это право защищает **ст. 137 УК РФ – нарушение неприкосновенности частной жизни**. Применимо к свободе совести подобное нарушение выражается в незаконном собирании или распространении сведений о религиозных убеждениях человека без его согласия.

Такая мера вполне оправдана, поскольку еще 25 лет назад граждане СССР подвергались увольнению с должности и другим, более серьезным репрессиям за свое вероисповедание в случаях, когда об этом становилось известно властям.

Собирание сведений может осуществляться любым способом: тайно, открыто, с применением обмана или насилия и т.д. Оно может выражаться в похищении, приобретении, копировании документов или других материальных носителей конфиденциальной информации, в подслушивании, подсматривании, в проведении фото-, видео- или киносъемки (что достаточно часто практикуется в отношении нетрадиционных конфессий), в опросе осведомленных лиц и пр. В данной статье речь идет только о незаконном собирании и распространении сведений. Незаконность этих действий определяется, во-первых, отсутствием согласия со стороны потерпевшего; во-вторых, совершением их лицом, не уполномоченным на собирание конфиденциальных сведений в данной ситуации; в-третьих, использованием при сборе информации средств и методов, запрещенных законом, например, путем нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК) либо путем нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139 УК). Незаконным следует считать также получение

конфиденциальной информации с применением насилия, обмана, хищения официальных документов, дачи взятки должностным лицам и др.

Под распространением имеется в виду любая незаконная передача указанных сведений третьим лицам.

Предметом собирания и распространения, в отличие от клеветы, представляются также сведения о частной жизни лица, которые объективно не являются порочащими, но составляют личную или семейную тайну потерпевшего; в нашем случае, например, – участие в религиозном объединении, посещение молитвенного дома и т.п.

Состав данного преступления – формальный: оно считается оконченным с момента начала собирания или распространения сведений о частной жизни человека (в данном случае касающихся его религиозных убеждений).

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Субъект – лицо, достигшее 16-летнего возраста.

По ч. 2 ст. 137 к ответственности привлекается лицо, использующее для собирания и распространения сведений служебное положение – должностное лицо либо служащий государственного или муниципального учреждения (специальный субъект).

Ст. 243 УК РФ – уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

Памятниками истории и культуры являются материальные объекты – сооружения, памятные места, предметы, связанные с историческими событиями в жизни общества и государства, произведения материального и духовного творчества, обладающие исторической, художественной, научной ценностью. Для того, чтобы стать памятниками в правовом смысле, они должны быть зарегистрированы в качестве таковых и внесены в перечень объектов исторического и культурного значения. Такой перечень дается в Основах законодательства о культуре Российской Федерации от 9.10.1992 г., ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г.

Объект преступления – общественная нравственность.

Предметом преступления являются движимые и недвижимые материальные объекты федерального, регионального и муниципального значения, находящиеся в любой форме собственности и обладающие особым правовым статусом. Даже если перечисленные предметы находятся в частной собственности отдельных лиц, то их уничтожение, совершенное владельцем, влечет уголовную ответственность по данной статье.

Применительно к религиозно-правовым отношениям, эти предметы имеют культовую направленность – храмы, мечети, места паломничества, иконы, ювелирные изделия религиозного назначения, священные книги и т.д.

Объективная сторона преступления выражается в действии - уничтожении или повреждении вышеуказанных предметов. Иногда может выражаться в бездействии, например, в невыполнении обязанности по сохранению или спасению культурных ценностей.

Для квалификации действий виновного способ уничтожения или повреждения не имеет значения.

Состав – материальный: преступление считается оконченным с момента уничтожения или повреждения имущества.

С субъективной стороны преступление характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом. Возможен прямой умысел по отношению к действию и косвенный – относительно исторической и культурной ценности объекта. Во всяком случае, виновный должен осознавать, что конкретный предмет отнесен к культурным памятникам. Неосторожность исключает ответственность по ст. 243.

Субъект - лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицирующим признаком данного преступления (ч.2 ст.243) является совершение его в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения. Перечень таких объектов утвержден Указом Президента РСФСР от 18 декабря 1991 г. N 294 «Об особо ценных объектах национального наследия России», Указами Президента РФ от 30 ноября 1992 г. N 1487 «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» и от 20 февраля 1995 г. N 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения». К таковым объектам также относятся, в соответствии

со ст. 9 Закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей», движимые предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность и отнесенные в соответствии с действующим законодательством к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ, независимо от времени их создания.

Федеральным законом от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ в УК РФ введены три дополнительные статьи, расширяющие ответственность за недобросовестное поведение в отношении объектов культурного наследия, **в том числе предметов религиозного назначения: 243¹** – нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия;

243² – незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания и **243³** – уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения, от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (вступает в силу с 25.07.2015 г.).

Ст. 244 УК РФ – надругательство над телами умерших и местами их захоронений.

Погребение умерших является не только санитарной мерой, но и давней культурной традицией всех народов, в которой нашли свое выражение древние религиозные верования, связанные с культом предков.

Объектом преступления является общественная нравственность, посягательство на которую связано с фундаментальными понятиями бытия – жизнью и смертью, честью и памятью умерших, покоем мест их захоронения.

Предметом здесь выступают тела умерших; места их захоронения (могилы, братские кладбища, склепы, места

хранения урн с прахом); надмогильные сооружения (памятники, надгробия, могильные ограды, кресты и иная религиозная символика); кладбищенские здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением (церкви, часовни, крематории).

Объективная сторона преступления выражается в двух самостоятельных деяниях – надругательстве над телами умерших и уничтожении, повреждении или осквернении мест захоронения.

Надругательство над телами умерших – это глумление над трупом, его расчленение, повреждение, уничтожение трупа или его частей, самовольное перезахоронение или кремация и т.д.

Осквернение – совершение циничных действий в отношении мест захоронения, в том числе в виде непристойных надписей, рисунков, изображений на надмогильных сооружениях или кладбищенских зданиях, совершение глумливых действий в указанных местах, если они воспринимались другими лицами.

Преступление признается оконченным с момента начала совершения любого из названных выше действий.

Субъективная сторона – прямой умысел.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16 лет.

Часть 2 указанной статьи содержит квалифицирующие признаки:

- группа лиц (два и более человека);
- группа лиц по предварительному сговору;
- организованная группа (устойчивое преступное сообщество, созданное для преступных целей);
- по мотивам (в нашем случае) религиозной ненависти или вражды;
- с применением насилия или с угрозой его применения.

В последнем абзаце предполагается насилие, не повлекшее причинение вреда здоровью, а также причинившее легкий вред здоровью. Причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью влечет ответственность по соответствующим статьям о преступлениях против личности (ст.ст. 111, 112 УК РФ).

Что касается угрозы применения насилия, то здесь имеется в виду насилие любой степени тяжести, вплоть до угрозы убийством.

Потерпевшими от применения насилия могут быть работники кладбища, родственники умерших, а также любые лица, препятствующие совершению противоправных действий.

Если ранее приведенные статьи УК в большинстве своем защищают от преступных посягательств права и интересы верующих граждан и религиозных объединений, то ст.ст. 239 и 328 предусматривают ответственность самих членов религиозных объединений за преступления, связанные с недобросовестным использованием или неправильным пониманием ими прав свободы совести и вероисповедания.

Статья 13 Конституции РФ запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены, в частности, на разжигание социальной, расовой и религиозной розни, а статья 17 требует, чтобы осуществление прав и свобод человека и гражданина не нарушало права и свободы других лиц. **Ст. 239 УК РФ – создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан** – обеспечивает реализацию этих конституционных запретов.

Под религиозными и общественными объединениями, фигурирующими в настоящей статье, понимаются добровольные объединения граждан, в установленном порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей (ст. 6 Федерального закона «О некоммерческих организациях»).

Объектом преступления являются конституционные права и свободы граждан, здоровье населения (основной объект), а также отношения, регулирующие порядок создания и деятельности общественных и религиозных объединений (дополнительный объект).

Объективная сторона: а) создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний;

б) руководство таким объединением.

Создание религиозного или общественного объединения означает как учреждение такого объединения, так и его фактическую организацию без официальной регистрации.

Руководство – осуществление функций лидера или распорядителя объединения (упорядочение поведения участников объединения, планирование и осуществление мероприятий и т.п.).

Преступление считается оконченным с момента фактического создания такого объединения либо осуществления действий по его руководству, принятия участия в его деятельности либо совершения действий по пропаганде идей объединения.

Насилие над гражданами может быть в виде незаконного лишения свободы, совершения действий сексуального характера, причинения вреда здоровью, побоев и другого как физического, так и психического насилия.

Иное причинение вреда здоровью может выражаться в лишении потерпевшего пищи, воды, медицинской помощи и т.п.

Под побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей понимается склонение их к отказу от военной или альтернативной гражданской службы, от получения обязательного образования, уплаты налогов, выполнения родительских обязанностей и т.д.

Побуждение к совершению иных противоправных действий предполагает подстрекательство к совершению различного рода правонарушений (как уголовных, так и административных). Если речь идет о побуждении другого лица к совершению уголовно наказуемого деяния, то необходимо дополнительно квалифицировать его как подстрекательство к совершению конкретного преступления.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16 лет.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что создает указанное объединение, руководит им, участвует в деятельности или ведет пропаганду деяний объединения, и желает этого.

В связи с участвовавшими случаями использования некоммерческих организаций в политических целях незаконного характера (в т.ч. финансирующихся из-за рубежа), либо для совершения иных противоправных деяний, Федеральным

законом от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ в ст. 239 введена часть 2 – создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией либо структурным подразделением.

Участие в деятельности указанных объединений (ч. 3 статьи 239) предполагает согласие лица на членство в них, участие в подготовке и проведении мероприятий, осуществляемых данным объединением, а также в обеспечении его деятельности (например, сбор средств, привлечение новых членов, предоставление помещений, транспорта и т. п.).

Пропаганда деяний, предусмотренных ч. 1 – это распространение идей, взглядов, убеждений среди населения в целях призыва к совершению этих деяний. Способы пропаганды значения для квалификации не имеют.

Если в процессе создания или деятельности таких объединений гражданину умышленно причинен тяжкий или средней тяжести вред здоровью, либо совершено иное преступление против личности (изнасилование, доведение до самоубийства), то ответственность наступает по совокупности ст. 239 и соответствующих статей УК РФ.

В соответствии со ст. 59 Конституции РФ защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина России. Если же его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, п. 3 той же статьи предоставляет гражданину право на замену ее альтернативной гражданской службой.

Уклонение от прохождения военной и альтернативной службы преследуется в уголовном порядке по **ст. 328 УК РФ**.

Правовое регулирование в области воинской обязанности и военной службы осуществляет Федеральный закон РФ «О воинской обязанности и военной службе», где предусмотрено, что гражданин РФ подлежит воинскому учету, подготовке к военной службе и ее прохождению, а также ФЗ от

25 июля 2002 года № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе».

Законными основаниями для освобождения от военной службы являются:

а) возраст (для мужчин – моложе 16 лет и старше 60 лет, для женщин – моложе 18 лет и старше 50 лет), негодность или ограниченная годность к военной службе по состоянию здоровья и др.);

б) противоречие между несением военной службы и убеждениями или вероисповеданием гражданина.

В последнем случае, как уже говорилось, Конституция предоставляет право на замену военной службы альтернативной гражданской службой – особым видом трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемым гражданами взамен военной службы по призыву (на стройках, в лечебных учреждениях и т.п.).

При отсутствии законных оснований для освобождения от призыва на военную или альтернативную гражданскую службу гражданин обязан явиться по повестке на призывную комиссию, которая выносит решение о направлении его по месту службы. В случае неявки в указанный срок он подлежит привлечению к уголовной ответственности по ч.1 (уклонение от призыва на военную службу) или ч. 2 (уклонение от прохождения альтернативной службы) статьи 328 УК РФ.

В Конституции РФ 1993 г. впервые были приняты положения о ее прямом действии (п. 1 ст. 15) и замене военной службы альтернативной гражданской службой по мотивам убеждений или вероисповедания (п.3 ст. 59). Однако, несмотря на то, что прямое действие Конституции предполагает верующим гражданам право воспользоваться этой заменой, отсутствие специального закона, регламентирующего порядок прохождения альтернативной службы, не давало возможности его реализовать. В результате суды по жалобам призывников вынуждены были отменять решения призывных комиссий о призыве на военную службу, а военные комиссариаты – предоставлять призывникам отсрочки фактически до издания соответствующего закона, который был принят лишь в 2002 году.

За 9 лет (с 1993 по 2002) в России было допущено множество нарушений прав и свобод верующих граждан, связанных с

отказом от призыва на военную службу на основании п. 3 ст. 59 Конституции. Целый ряд таких граждан были осуждены по ст. 80 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., а после принятия нового УК в 1996 г. – по ст. 328, несмотря на то, что подсудимые, отказываясь от военной службы, не уклонялись от прохождения альтернативной службы, которую, в свою очередь, государство не могло им предоставить в силу отсутствия ее законодательной регламентации.

Уклонение от призыва на военную и альтернативную гражданскую службу является длящимся преступлением. Хотя состав является оконченным с момента истечения срока, назначенного для явки на призывную комиссию или отправки по месту службы, преступление продолжает совершаться до тех пор, пока уклонившийся от призыва не явится сам или не будет задержан органами власти.

Объект преступления – порядок управления, в данном случае – установленный порядок комплектования Вооруженных Сил, нарушение которого может причинить вред обороноспособности Российской Федерации.

Объективная сторона выражается в бездействии – уклонении от прохождения военной или альтернативной гражданской службы.

Субъект преступления специальный – лицо мужского пола (гражданин России) в возрасте от 18 до 27 лет, подлежащий призыву на службу.

Вина характеризуется только прямым умыслом: виновный сознает, что уклоняется от прохождения военной или альтернативной службы.

Литература

1. Баркер Э. Новые религиозные движения. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.

2. Желудков М.А. Роль религии в профилактике корыстных преступлений против собственности (на примере иудаизма) //Религия и право. – 2003.-№ 3.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. В.М. Лебедев. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Юрайт-Издат, 2004. Комментарий к статье 149.

4. Миньковский Г.Н. и др. Уголовное право России. Учебник. Общая и особенная часть. – М., 1998.
5. О свободе совести, вероисповеданиях и религиозных объединениях. – М., 1996.
6. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. – М., 1993.
7. Постатейный Комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 г. (под ред. Наумова А.В.). – М., "Гардарика", Фонд "Правовая культура" 1996 г. Комментарий к статье 149.
8. Предварительное следствие / Сборник нормативных актов. Сост. В.Н. Галузо, Р.Х. Якупов. – М., 1998.
9. Пчелинцев А., Чугунов С. Уголовная ответственность за преступления против свободы совести и вероисповедания // Религия и право. –1998. - № 4-5.
10. Религия и закон. – М., 1996.
11. Свобода совести и государственно-церковные отношения в Российской Федерации. Документы и материалы. – М., 1999.
12. Советское уголовное право: Общая и Особенная части: Учебник / Под. ред. Ю.В. Солопанова. – М.: Юридическая литература, 1881.
13. Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. – М., 1998.
14. Шаляпин С.О. Уголовная и религиозная санкции: взаимовлияние, история и перспективы // Религия и право. – 2005. - № 2.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 25.01.2014 г.). – М.: Проспект, КноРус, 2014.
16. Уголовное право: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – 4 изд., испр. и доп. – М.: Юриспруденция, 2007.
17. Уголовное право России: Особенная часть / Под. ред. А.И. Рарога. – 4 изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010.
18. Уголовное право зарубежных стран: Общая и особенная части: Учебник для магистров / Под ред. Н.Е. Крыловой. – М.: Изд. Юрайт, 2013.

ЛЕКЦИЯ № 9.

Административно-правовые аспекты деятельности религиозных объединений

Общее понятие управления. Управление (лат. – administratio) в широком смысле означает руководство чем- или кем-либо, или, в другой формулировке, – **целенаправленное упорядочивающее воздействие на тот или иной объект или руководство действиями этого объекта**¹. С точки зрения *кибернетики* (науки об управлении), оно есть функция организованных систем различной природы (биологических, технических, социальных), обеспечивающая их устойчивость (целостность, сохранение структуры, поддержание должного режима деятельности) и эффективность (достижение стоящих перед ними задач).

Управление поддерживает *внутреннее* взаимодействие всех составляющих систему элементов. При взаимодействии целостных систем различного иерархического уровня также предусматривается осуществление управленческих функций, но уже *межсистемного* характера.

Приведенное понятие управления приемлемо для любых систем, включая **социальные**, где в роли субъектов и объектов управления выступают люди и их объединения (государство, территориальные образования, производственные объекты, общественные объединения, семья и т.п.). Особенностью социальных систем является то, что управленческие связи там реализуются через **отношения людей**. Поэтому управление в социальной сфере именуется **социальным управлением**.

Общественная жизнь, как известно, нуждается в регулировании, причем, не только посредством собственных (общественных) структур, но, в первую очередь, – государства, которое через соответствующие *органы управления* определенным образом воздействует на социальные отношения. Деятельность этих органов, имеющих специфическое назначение и особые формы выражения, характеризуется как **государственное управление**. Этот вид государственной

¹ Административное право: Учебник / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2000. – С. 18.

деятельности, в отличие от иных ее проявлений (законодательная, судебная, надзорная), является разновидностью *социального управления* и связан с развитием особой правовой отрасли – **административного права**.

Административное право есть инструмент реализации одной из ветвей государственной власти – **исполнительной**, которая по своей сути является *административной* или, что более точно отражает ее смысл, – **исполнительно-распорядительной**.

Термин **администрация** понимается в нескольких смыслах: как деятельность государства по управлению; как совокупность государственных органов, осуществляющих функции управления, а также (в узком смысле) как обозначение внегосударственной управленческой деятельности (например, администрация завода или лицо, которое руководит учреждением или предприятием)¹.

В контексте данной темы мы рассматриваем этот термин в качестве государственной деятельности по управлению процессами, происходящими в обществе по поводу реализации *прав свободы совести и вероисповедания* человека и гражданина, в частности – в сфере **государственно-конфессиональных отношений**.

Государство определяет свою религиозную политику прежде всего в Конституции и специальном законодательстве о свободе совести. Помимо этого, религиозно-правовые отношения закрепляются в нормах других отраслей права – уголовного, гражданского, и, в том числе, *административного*.

Основная цель исполнительной власти в сфере государственно-конфессиональных отношений – **практическая реализация, т.е. исполнение, проведение в жизнь в общегосударственном масштабе установленных законодательной властью как общих норм, так и норм, непосредственно касающихся прав свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных объединений**.

Как уже говорилось, функциональное назначение исполнительной власти реализуется в исполнительно-распорядительной деятельности ее органов. Эти государственные

¹ Советский энциклопедический словарь / Гл.ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 23.

органы осуществляют на территории Российской Федерации в полном объеме все установленные законодательством функции государственного управления, включая применение *мер принуждения*.

Административная ответственность как раз и является одной из таких мер, призванных обеспечить исполнительно-распорядительные функции государства.

Необходимо отметить один момент принципиального характера. Меры административной ответственности являются юридическим средством обеспечения соблюдения не любых административно-правовых норм (например, ведомственных), а только тех, которые формулируют общеобязательные правила поведения в сфере государственного управления. К таковой, в частности, относятся и *государственно-конфессиональные отношения*.

Административно-правовые отношения возникают уже в процессе государственной регистрации религиозного объединения, получения им полномочий юридического лица и действуют вплоть до его ликвидации. Они заключаются в том, что, являясь субъектом права, религиозная организация, ее руководители и участники, как и все другие юридические и физические лица, обязаны подчиняться требованиям административного законодательства и нести ответственность за его нарушение. Существует целый ряд положений КоАП, которые в той или иной степени затрагивают деятельность таких объединений. Они касаются санитарно-эпидемиологических вопросов, охраны окружающей среды, финансов и налогов, порядка управления, пожарной безопасности и др. К таковым можно отнести, например, нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании (ст. 5.38) и нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2); нарушение порядка объявления выходных данных (ст. 13.22); нарушение законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 14.25); неповиновение законному распоряжению должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль) (ст. 19.4), отказ в предоставлении информации (ст. 5.39) и целый ряд

других, в рассмотрении которых в рамках настоящего курса нет необходимости, поскольку они подробно прописаны в Кодексе об административных правонарушениях РФ.

Ныне действующий Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП) был принят в 2001 г. (с последующими изменениями и дополнениями). КоАП – это законодательный акт, в котором объединены и систематизированы правовые нормы, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в различных областях нашей жизни в связи с совершением особого вида правонарушений – административных – и по поводу применения особого вида юридической ответственности за их совершение – административной ответственности.

Основополагающим принципом административной ответственности является принцип равенства всех перед законом и судом. Ст. 1.4 КоАП воспроизводит и конкретизирует этот конституционный принцип: «Лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом. Физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, **отношения к религии**, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Юридические лица (в т.ч. **религиозные организации** – прим. мое – А.П.) подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств».

Непосредственно к вопросам управления в сфере государственно-конфессиональных отношений относятся две статьи КоАП – 5.26. и 20.28

Ст. 5.26. – нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях – посягает на общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением человеком права на свободу совести, свободу вероисповедания и участие в деятельности религиозных объединений, регулируемые российским законодательством.

Объективная сторона правонарушения может выражаться как в действии (физическое или психическое насилие,

воспрепятствование совершению религиозных обрядов и т.п.), так и в бездействии (игнорирование законных требований верующих), повлекших невозможность реализовать право на свободу совести и свободу вероисповедания, принять или отказаться от религиозных или иных убеждений.

Правонарушение, предусмотренное ч. 2 данной статьи, выражается в публичном осквернении религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порче или уничтожении

В соответствии с п. 6 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом. Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются. Если в указанных действиях не содержится состава уголовного преступления, ответственность наступает по ч. 1 или 2 ст. 5.26 КоАП.

По ч. 1 указанной статьи субъектами правонарушения могут выступать как граждане, достигшие 16-летнего возраста, так и должностные лица.

Субъектами правонарушения, предусмотренного ч. 2, являются только граждане.

Субъективная сторона правонарушения выражается в прямом умысле: виновный сознает, что посягает на конституционные права верующих, и желает этого¹.

Ст. 20.28 – Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности.

¹ Существует мнение, что данное правонарушение может быть совершено по неосторожности (см. Комментарий к ст. 5.26. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю.М.Козлова. – М.: Юристъ, 2002). Однако, на наш взгляд, из диспозиции статьи 5.26. сложно вывести такое предположение.

Согласно п. 7 ст. 14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» деятельность религиозного объединения может быть приостановлена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». В свою очередь, ст. 10 указанного закона говорит, что

в случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности **вправе своим решением приостановить деятельность** общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

В случае приостановления деятельности общественного или религиозного объединения приостанавливаются права общественного или религиозного объединения, его региональных и других структурных подразделений как учредителей средств массовой информации, им запрещается пользоваться государственными и муниципальными средствами массовой информации, организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, принимать участие в выборах и референдумах, использовать банковские вклады, за исключением их использования для осуществления расчетов, связанных с их хозяйственной деятельностью, возмещением причиненных их действиями убытков (ущерба), уплатой налогов, сборов или штрафов, и расчетов по трудовым договорам.

Если указанные запреты нарушаются, т.е. продолжается деятельность религиозной или общественной организации, ее организаторы и участники подлежат административной ответственности по ст. 20.28 КоАП РФ.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного данной статьей, является установленный порядок управления.

Объективная сторона выражается в действиях, направленных на организацию деятельности религиозного объединения (руководство, финансирование, обеспечение помещением, оргтехникой, подготовка и проведение совещаний или собраний по организации работы объединения, публичных мероприятий и т.п.), равно и участие в этих мероприятиях, несмотря на то, что в отношении последних имеется вступившее в законную силу решение суда (постановление, определение, иной судебный акт) о приостановлении деятельности объединения.

Правонарушение считается оконченным с момента его совершения.

Субъективная сторона – прямой умысел. Правонарушитель осведомлен о приостановлении деятельности религиозного или общественного объединения и сознает противоправность своих действий.

Субъект – лицо, достигшее 16 лет.

Отдельного рассмотрения заслуживают такие весьма распространенные правонарушения в области религиозных отношений, как **клевета** и **оскорбление**.

До 2011 года эти деяния квалифицировались как преступные; ответственность за них предусматривалась ст. ст. 129 и 130 УК РФ. Затем был сделан вывод о том, что они не носят общественно опасного характера. В результате указанные статьи УК РФ утратили силу, а КоАП РФ был дополнен ст. ст. 5.60 и 5.61, соответственно – клевета и оскорбление.

Однако полгода спустя законодатель вновь признал клевету преступлением и вернул в УК в виде ст. 128¹ (см. ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ), исключив из КоАП ст. 5.60 (см. § 8).

Как и ранее Уголовный кодекс, КоАП под оскорблением понимает унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Указанная статья по-прежнему предусматривают усиленную ответственность за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично

демонстрирующемся произведении или СМИ (ч. 2). Но в сравнении со ст. 130 УК РФ, путем введения еще одного квалифицированного состава (ч. 3 ст. 5.61), значительно расширен круг административно наказуемых деяний, охватываемых данным правонарушением – непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

Субъектами ответственности за данное административное правонарушение могут быть должностные и юридические лица, в обязанности которых входило предупреждение (пресечение) оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средстве массовой информации. Ими могут быть редакторы газет, журналов, иных средств массовой информации, другие лица, ответственные за подготовку, выпуск публично демонстрирующегося произведения или средства массовой информации.

Введя эту норму, законодатель, однако, не предусмотрел некоторых нюансов: как быть если редакции СМИ публикуемые материалы не редактируют (например, выступления депутатов)? Либо в случаях распространения оскорблений на сайтах, не зарегистрированных в качестве СМИ? В первом случае можно законно обойти ответственность за указанное правонарушение, применив ст. 57 Закона РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», во втором – вообще бывает невозможно найти ответчика. Но тогда каким образом потерпевший сможет осуществить защиту своих прав? Не секрет, что верующим гражданам, особенно представителям нетрадиционных конфессий, зачастую трудно добиться справедливого решения по делам об оскорблениях, а здесь возникает еще одна непредвиденная преграда.

Возможно статью 5.61 КоАП РФ есть смысл дополнить еще одним пунктом, предусматривающим ответственность за *содействие в распространении клеветы или оскорбления*. Это связано с тем, что в России становятся популярными электронные СМИ и не зарегистрированные в качестве СМИ источники информации (различные сайты, социальные сети, форумы). То есть даже на сайте справочного характера может содержаться оскорбление. Например, на некоторых сайтах любой пользователь может оставить отзыв о той или иной фирме,

товаре, услуге. В результате иные пользователи, злоупотребляя своим правом, оставляют не только отзывы, но и содержащие оскорбительные выражения «сообщения» для руководителей фирм (не говоря уже о религиозных организациях, руководители и члены которых достаточно часто получают угрозы и оскорбления). Выявить авторов таких посланий невозможно, ибо владельцы сайтов информацию о них не выдают. Снимать же сообщения с публикации редакция отказывается, мотивируя это тем, что в стране – свобода слова (а за содержание сообщений она не отвечает, так как не редактирует их).

Таким образом, о *недопущении* распространения оскорблений речь тут идти не может: они уже распространены, поскольку неограниченное число пользователей прочитали сообщение. При этом СМИ чувствует полную безнаказанность и прекращать распространение клеветы и оскорбления не желает. А вот если бы за подобные действия была бы предусмотрена ответственность, то СМИ под страхом наказания снимали бы с публикации комментарии и сообщения, содержащие клевету или оскорбление¹.

Принятый Государственной Думой 24 июня 2016 года ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» коснулся и административного права. В статью 5.26 КоАП были внесены дополнения, касающиеся миссионерской деятельности. Согласно им, нарушение правил осуществления миссионерской деятельности влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до одного миллиона рублей.

Литература

1. Административное право: Учебник / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2000.

¹ См.: Николаева Е. Из преступления в правонарушение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xwww.center-bereg.ru/796.html> (дата обращения 18.03.2021).

2. Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учебник. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998.

3. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922-1925гг. – М. – Новосибирск, РОССПЭН, «Сибирский хронограф», 1997.

4. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Административное право российской федерации: Учебник для вузов. – М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2001.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

6. Комментарий к ст. 5.26. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю.М. Козлова. – М.: Юристь, 2002.

7. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю.М. Козлова. - Юристь, 2002.

8. Рыженков А.Я., Садков А.Н., Цирульников В.Н. Юридическая личность религиозной организации. – Волгоград: Изд-во «Альянс «Югполиграфиздат», 2004

9. Советский энциклопедический словарь / Гл.ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 23.

10. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. - 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.

11. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Советская энциклопедия, 1984.

ЛЕКЦИЯ № 10.

Религия и образование

Россия, воспринявшая христианство от Византии, переняла и византийскую модель государственно-конфессиональных отношений – т.н. «симфонию» (согласие), основной характеристикой которого является тесное сотрудничество, почти отождествление церковной и светской власти. Главой Церкви был император, а сама она стала частью государственной организации.

Соответственно этому организовывалось и образование: оно было полностью церковным, школы располагались, как правило, при монастырях, а преподавателями служили священники.

В правление многих князей, царей, затем императоров предпринимались попытки различных реформ образования, но все они проводились в рамках той же системы отношений и преследовали одну цель – обслуживание государственных интересов.

Петр I, например, придавал науке и образованию только прикладное значение. Он собирался обучить русских «навигационной науке и солдатскому артикулу, инженерству, артиллерии, рисовать мачтабы, как корабли строятся, боцманству, т.е. осматривать корабли, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить, экипажеству и механике, ремеслу медному, столярному и судовым строениям, докторскому и врачебному искусству»¹. Очевидно, государь не задавался мыслью о значении науки как нравственно-воспитательного начала, как средства для духовного развития человека. Ему надо было обучить работников, исполнителей его воли по реализации планов преобразования государства, поэтому он открывал специальные школы «для мореходства, хирургии, цифири» и т.п.

Такой взгляд на образование долго держался у государственных лиц России, несмотря на блестящую и многотрудную деятельность М.В. Ломоносова. В проекте открытия Московского университета Ломоносов ратовал за свободу преподавания, боролся против полицейских методов,

¹ Аристов Н. Состояние образования в России в царствование Александра I-го. - Киев: б/и, 1878. - С.1.

мешавших распространению знаний, против духовенства, которое не допускало разумного преподавания и научного образования во имя религии, и даже ругало науку в проповедях.

Екатерина II усвоила философские идеи XVIII столетия и смотрела на образование с точки зрения гуманизма, как на способ достижения общественного благоденствия и воспитания народа «в добре и нравственности». Лучшие люди того времени сознавали, что помимо просвещения ума, необходимо заботиться о просвещении сердца, стремились научить питомцев «быть добродетельными, честными благовоспитанными гражданами». «Самое надежное средство, говорит императрица, сделать людей лучшими и спасти от преступлений», – это усовершенствование воспитания, поэтому она желала, «чтобы изящным разумом соединялось изящное сердце и умножалось в народе добронравие». Тогда механические занятия, знание и наука отодвигались на второй план, а благородство чувства считалось верхом совершенства в воспитании; в школах старались «утверждать юные сердца в похвальных склонностях», мало обращая внимания на учение и на запас знаний; предполагалось, что «чувством можно перещеголять самых умных и образованных людей»¹.

Внук Екатерины II, ее любимец, Александр I был воспитан швейцарцем Лагарпом и М.Н. Муравьевым именно в этом духе чувствительности. Учителя развивали в царственном отроке гуманистические философские воззрения, прекрасные чувства и честные стремления – но на общественных теоретических началах. К сожалению, французское влияние преобладало, и воспитатели не поселили в нем особой любви к родине и не могли сообщить ему достаточный запас сведений о своем отечестве. Тем не менее, это не помешало ему провести ряд реформ, которые не могли не коснуться проблем науки, образования и воспитания.

Непрерывно растущий в условиях разложения феодально-крепостнического строя государственно-бюрократический аппарат нуждался в кадрах, которые, в свою очередь, неоткуда было брать, учитывая безграмотность подавляющей массы населения и ничтожное количество учебных заведений.

¹ Аристов Н. Состояние образования в России в царствование Александра I-го. - Киев: б/и, 1878, С.2.

Александр I открыл частные типографии, разрешил ввозить и издавать иностранные сочинения и ноты, издал распоряжение о пропуске без досмотра цензуры иностранных книг для университетов. Были восстановлены запустевшие учебные заведения.

Время Александра I важно тем, что в его царствование началась закладка серьезного научного образования, скреплялась связь между прикладным обучением Петра Великого и чувственным воспитанием Екатерины II. Россия покрылась сетью учебных заведений: было открыто 4 университета, 4 лицея, 58 гимназий, 1000 уездных училищ и целый ряд народных школ.

Главное в реформах Александра I, в том числе и образовательных, заключалось в том, что, несмотря на неизменность отношений государства и Церкви, они были проникнуты более свободным духом, благодаря чему за этими реформами на долгое время сохранилась память как о светлом явлении в истории русского народного образования.

Что касается сельских школ, то здесь положение особенно не изменилось. Учителя неохотно шли в глухие села, поэтому одно только сельское духовенство вело с некоторым успехом дело образования народа в его недрах.

Учителя, в лице дьяконов и причетников, мало подходили к своей роли. Но все же это было больше чем ничего. Устраняемое правительством от высшего и среднего образования, постепенно делавшегося светским, сельское духовенство в начале XIX века осталось все же единственным государственным элементом, хоть сколько-нибудь серьезно заботившимся о школе для народных низов. Заслуги духовенства в этом смысле, несмотря ни на что, должны быть оценены историей.

Реформы 60-х годов (земская, судебная, крестьянская) в меньшей степени коснулись образования, нежели предыдущие. Тем не менее, в рамках земской реформы и в эту область проникали либеральные идеи.

80-е годы XIX в. ознаменовались свертыванием либеральных реформ во всех сферах общественной жизни. Убийство Александра II, дальнейшее развитие революционных настроений в массах вызвали соответствующую реакцию со стороны государства и Церкви. Главным идеологом ужесточения внутренней политики России стал обер-прокурор Святейшего

синода К.П. Победоносцев, занимавший этот пост с 1880 по 1905 гг.

Политический поворот отразился и на сфере образования. Взгляды Победоносцева на народное образование определялись его крайним религиозным консерватизмом и оценкой сложной политической ситуации, которая, по его мнению, стала следствием либеральных реформ 60-х годов. Он считал, что земская школа, получившая развитие при Александре II, недостаточно внимания уделяла религиозно-нравственному воспитанию личности, ставя на первый план развитие умственных способностей учащихся. Сторонники же церковно-приходской школы считали, что начальная школа должна была давать детям не столько общее развитие, сколько воспитывать их «в православном духе». Главную роль школы (начальной и средней) они видели в выполнении функции охранительного учреждения: «содержать людей в строгом подчинении порядку общественной жизни»¹.

Идея установить приоритет Церкви в области народного образования занимала К.П. Победоносцева в течение всех 25 лет его деятельности в качестве обер-прокурора Синода. Он считал, что православная школа укрепит национальное и религиозное единство страны и поможет в борьбе с религиозным разномыслием, а также защитит народ от либерализма и радикальных течений. Поэтому программа создания церковно-приходской школы должна стать важнейшей идеологической задачей власти.

Разумеется, имели место и другие точки зрения. Здравые люди понимали, что ни общество, ни государство не могут удовлетвориться только церковной школой. Многие политические и общественные деятели считали, что народная школа должна, прежде всего, служить решению общегосударственных и общегражданских задач. С учетом этого требования церковь, государство и общество в организации народного образования должны действовать совместно.

Однако до отставки К.П. Победоносцева в октябре 1905 г., да и после этого – вплоть до октябрьского переворота 1917 г. – система народного образования в той или иной степени определялась господствующей идеологией – православием.

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – С.412.

Что касалось системы профессионального религиозного образования, то здесь разногласий в российском обществе и государстве практически не было. Власть уделяла вопросу подготовки духовенства и учительских кадров для церковных школ достаточно внимания. По статистике 1909 и 1913 гг. в России имелось 4 духовных академии, 57 семинарий, 183 духовных училища, в которых обучалось соответственно 870, 20463 и 30765 человек¹.

Советская власть радикально изменила государственную политику в области свободы совести и вероисповеданий. Ее правовые акты утвердили светский характер государства и системы образования. Одним из первых таких документов стал Декрет СНК от 23.01.1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», пункт 9 которого гласил: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных верований во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом».

Постановление Государственной комиссии по просвещению «О Советской школе» от 18.02.1918 г., развивая данный пункт Декрета, дополнила его положением о том, что «исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается»².

Конституция РСФСР 1918 г. в окончательно закрепила отделение школы от церкви, а постановление ВЦИК И СНК РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях» полностью исключило все оставшиеся немногочисленные религиозные свободы. Запрещалось не только преподавание религиозных дисциплин в учебных заведениях, но и организовывать внутри религиозных обществ «детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания», а также «библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать

¹ См. Священник Алексей Николин. Церковь и государство (история правовых отношений). – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. – С. 421.

² Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). – М.: Юридическая литература, 1971. – С.58.

экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни...». Преподавание религии допускалось исключительно в духовных учебных заведениях, да и то под тотальным контролем властей.

Вплоть до второй половины 80-х гг. XX в. верующие были ограничены в получении высшего образования, молодые люди, желавшие поступить в немногочисленные духовные учебные заведения, подвергались идеологическому, психологическому и административному давлению; распространенной практикой было объяснение подобных желаний психическими заболеваниями со всеми вытекающими последствиями.

Поставив целью полное искоренение религии и понимая, что она воспроизводится через воспитание и обучение, Советская власть жестко следила за соблюдением законодательства об отделении школы от церкви и постоянно подтверждала этот принцип в своих высших правовых актах (ст. 124 Конституции 1936 г., ст. 50 Конституции 1978 г.). Постановление же 1929 г., запрещавшее религиозным объединениям буквально всё, связанное с обучением религии, просуществовало до 1990 г. и утратило юридическую силу лишь с принятием закона РСФСР «О свободе вероисповеданий».

Советское и российское законодательство о свободе совести перестроечного периода не отменило принцип отделения школы от церкви, но значительно расширило сферу возможности религиозного просвещения и образования. Ст. 6 Закона СССР от 1.10.1990 г. «О свободе совести и о религиозных организациях» отменила дискриминационные положения религиозного законодательства 1929 года в отношении религиозного обучения: «Доступ к различным видам и уровням образования предоставляется гражданам независимо от их отношения к религии. Граждане могут обучаться религиозному вероучению и получать религиозное образование на языке по своему выбору индивидуально или совместно с другими. Религиозные организации, имеющие зарегистрированные в установленном порядке уставы (положения), вправе в соответствии со своими установлениями создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить

обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие или предоставляемые им в пользование помещения»

Духовные учебные заведения, которые могли создаваться религиозными управлениями и центрами независимо от конфессиональной принадлежности, фактически приравнивались по своему статусу к государственным: «Граждане, обучающиеся в очных высших и средних духовных учебных заведениях, пользуются в порядке, установленном для учащихся государственных учебных заведений, правами и льготами по отсрочке прохождения воинской службы, налогообложению, включению времени обучения в трудовой стаж» (ст. 11).

Приведенная норма, безусловно, была революционной для законодательства советского периода и стала показателем распада коммунистической идеологии, а значит, и государственности.

Вышедший 25.10.1990 г. Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» еще более расширил права религиозных объединений в сфере образования. Он предоставил право преподавать вероучения, а также осуществлять религиозное воспитание в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также факультативно по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом в **«любых дошкольных и учебных заведениях и организациях»** (Затем, правда, это положение значительно ограничили).

Преподавание религиозно-познавательных, религиозно-философских дисциплин, не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информативный характер, согласно закону, может входить в учебную программу государственных учебных заведений.

Впервые в российской истории законодательно провозглашено право ребенка на свободу выражения мнения, мысли, совести и религии. Государство «уважает свободу ребенка и его родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание ребенка в соответствии с убеждениями по их выбору» (ст.9).

На протяжении всего времени действия комментируемого закона (до 1997 г.) его критики упрекали законодателя в предоставлении возможности чрезмерного и неконтролируемого влияния религии на образовательную сферу. Отчасти это действительно было так. Представители многих конфессий (и не только традиционных) пошли в школы со своими религиозными взглядами, а некоторые – даже с профессионально разработанными программами и учебниками. Например, Церковь Объединения («Ассоциация Святого Духа за Объединение Мирового Христианства»), после встречи в 1990 г. ее основателя и лидера – корейского гражданина Сан-Мен Муна с М.С. Горбачевым, провела ряд семинаров для руководителей государственных органов образования и ВУЗов, на которых предложила к изучению в российских школах курс «основ нравственного самоусовершенствования школьников, основанный на этических учениях мировых религий»¹ под названием «Мой мир и я». На самом деле данный курс был основан на учении самого Сан-Мен Муна, изложенного в книге «Божественный принцип». На самом высшем уровне он сумел добиться введения этого курса в школы ряда регионов России, проводил образовательные семинары для учителей и т.д.

Подобное положение противоречило светскому характеру образования, закрепленному в Конституции и Законе РФ «Об образовании», принятом в 1992 г., в ст.1 которого говорится: «В государственных, муниципальных образовательных учреждениях, органах управления образованием создание и деятельность организационных структур... религиозных движений и организаций не допускается». Поэтому, принятый в сентябре 1997 г. новый Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» несколько сузил и упорядочил деятельность религиозных объединений в образовательных учреждениях. Ст. 5 такое взаимодействие регламентировала следующим образом: «По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим

¹ Станеки-Козвоски М. Мой мир и я. Путь к единению: учеб. пособие / М. Станеки-Козвоски, У. Хейнс, Д. Фелленц-Усами. – М.: Международный Фонд Образования, 1993. – С. III.

органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы». Другими словами, если в школе обучаются несколько детей верующих родителей, последние могут обратиться с просьбой к администрации школы, чтобы священнослужитель определенной конфессии проводил религиозные занятия с этими детьми в помещении школы во внеучебное время. Администрация, в свою очередь, согласовывает эту просьбу с соответствующим органом управления образования. На практике подобные случаи вызывают непонимание и отторжение со стороны как школы, так и органов управления. Однако это **право** родителей и их детей и, поскольку в законе не говорилось, что школа **может** предоставлять, а именно **предоставляет** такую возможность, этому праву, по букве и смыслу закона должна соответствовать обязанность государства реализовать его. Однако законом от 02.07.2013 № 185-ФЗ такое положение было изменено путем добавления слова «может» и сейчас этот вопрос полностью отдан на усмотрение школы и органов образования.

Как и предыдущие, закон 1997 г. разрешает религиозным организациям самим создавать образовательные учреждения, как для подготовки своих духовных кадров, так и общеобразовательные.

Учреждения профессионального религиозного образования (духовные учебные заведения) относятся к категории религиозных организаций (п.6 ст.8 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Тем же законом от 02.07.2013 № 185-ФЗ была изменена ст. 19 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которая более подробно регламентирует вопросы, связанные с духовным образованием.

Следует помнить, что если общеобразовательное учреждение (детский сад, школу, колледж, ВУЗ) может учредить любая, даже местная, религиозная организация (п.3 ст.5), то правом создания учреждения профессионального религиозного образования закон наделил лишь централизованные религиозные организации (п.1 ст. 19).

Являясь религиозной организацией, духовное учебное заведение, в соответствии с п.5 ст.4, «осуществляет свою

деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям». Однако, будучи образовательным учреждением, на него распространяются требования законодательства РФ в области образования.

Несмотря на право религиозных объединений создавать общеобразовательные учреждения, система российского образования остается светской.

С падением коммунистической идеологии неоднократно возникал вопрос о введении религиозных дисциплин в образовательные программы. Государство и общество сходятся в понимании необходимости этого, разногласие состоит в том, в каком виде давать религию в школу. Некоторые конфессии настойчиво предлагают вводить в программы вероучительный компонент, мотивируя тем, что таким образом дети будут обучаться «духовности». Сторонники преподавания религиозно-познавательных и религиоведческих дисциплин справедливо указывают, что духовность ребенок получает в семье и религиозной общине, а в школе он должен приобретать знания.

Трудно с этим не согласиться. Преподавание вероучения одной религии в поликонфессиональной стране неизбежно приводит к напряженности и нестабильности в обществе, что уже имело место в истории. Исходя из этого, соблюдения принципа отделения школы от церкви при сохранении делового сотрудничества и возможности приобретения объективной информации о религии в общеобразовательном учреждении и получения профессионального религиозного образования в духовном учебном заведении – есть наиболее оптимальный путь к гражданскому миру.

Литература

1. Актуальные проблемы развития религиоведческого образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации. Аналитический материал / Колл. авторов под рук. Ф.Г. Овсиенко // Государство, религия, церковь в России и за рубежом.

Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Изд. РАГС, 2001.

2. Аристов Н. Состояние образования в России в царствование Александра I-го. - Киев: б/и, 1878.

3. Бурьянов С.А. Конференция «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования» (обзор) // Религиоведение. – 2002. - №4.

4. Владимиров Д.А. Преподавание основ православной культуры в российской школе (критические заметки на актуальную тему) // Религиоведение. – 2003. – № 2.

5. Жеребятьев М. Конфликт культуры и права // Религия и право. – 2002. – № 3.

6. Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). – М.: Юридическая литература, 1971.

7. Каневский К.Г. Взаимоотношения светской школы и религиозных объединений: правовой аспект // Религия и право. – 2005. – № 2.

8. Лебедев С.Д. О взаимодействии светского и религиозного в российском образовании // Религия и право. – 2004. – № 1.

9. Мезенцев С. О религиозном аспекте государственной идеологии России // Религия и право. – 2002. – № 3.

10. Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. – СПб, Синодальная типография, 1894.

11. Обучение религии в школах // Религия и право. – 2003. – № 3.

12. Закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании»

13. О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможность обучать детей религии вне рамок образовательных программ: [Приказ Мин. образ. РФ от 1.07.2003 г. № 2833] // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

14. О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях Российской Федерации: [Письмо Мин. образ. РФ от 19.03.1993 г. № 47/20-11п] // Религиозные

объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

15. Пинкевич В.К. Церковь и государственная политика в отношении образования в конце XIX - начале XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Изд. РАГС, 2001.

16. Платон, епископ Костромской. О мерах к улучшению религиозно-нравственного воспитания и воспитания в гимназиях. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1863.

17. Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации в сфере образования: зарубежный опыт // Религия и право. – 2003. - № 2.

18. Положение о лицензировании образовательной деятельности: [Утв. Пост. Правительства РФ от 18.10.2000 г. № 796] // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

19. Понкин И.В. Религиозное образование во Франции (анализ доклада Министерства национального образования Франции «Преподавание в светской школе предметов, касающихся религии», февраль 2002 г.) // Религиоведение. – 2003. - № 2.

20. Пчелинцев А.В. Религиозное образование и светская школа: диалог вне правового поля // Религия и право. – 2002. - № 3.

21. Рыбин В.А., Марков Б.А. Свято место пусто не бывает. Церковь, школа и образование // Религия и право. – 2002. - № 2.

22. Ряжапов Н.Х. Исламские учебные заведения в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Изд. РАГС, 2001.

23. Савва С.С. Клерикализация светского образования в России: конституционно-правовой анализ // Религиоведение. – 2006. - № 4.

24. Священник Алексей Николин. Церковь и государство (история правовых отношений). – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997.

25. Священник Василий Сокольский, законоучитель Казанского учительского института. Христианское воспитание и обучение для детей школьного возраста. – Казань: Типо-литография Казанского университета, 1909.

26. Станеки-Козвоски М. Мой мир и я. Путь к единению: учеб. пособие / М. Станеки-Козвоски, У.Хейнс, Д.Фелленц-Усами. – М.: Международный Фонд Образования, 1993.

27. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991.

ЛЕКЦИЯ № 11.

Трудовая деятельность работников религиозных организаций

До принятия религиозного законодательства 1990 г. священнослужители именовались «нетрудовым элементом» и трудовое законодательство на них не распространялось. На основании постановления СМ СССР от 23.05.1956 г. оно распространялось лишь на рабочих и служащих, работавших в религиозных организациях, и только если трудовой договор с ними заключался при участии профсоюзных органов.

Профобслуживание этой категории лиц Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) своим постановлением от 5.10.1956 г. возложил на профсоюз рабочих коммунального хозяйства.

Перечень работников, на которых распространялось законодательство о труде, утвержденный Президиумом ЦК профсоюза рабочих местной промышленности 21.08.1962 г., включал уборщиц, сторожей, дворников и кочегаров-истопников. При этом если кто-либо из этих лиц одновременно исполнял обязанность церковного старосты, члена исполнительного органа религиозного учреждения или участвовал в отправлении религиозных обрядов, трудовое законодательство на него не распространялось и профсоюзным органам запрещалось участвовать в заключении с ним договора найма.

В соответствии с Инструкцией по применению законодательства о культах от 16.03.1961 г. «служители культа не должны заниматься другой деятельностью, кроме деятельности, направленной на удовлетворение религиозных потребностей верующих»¹. Однако эта деятельность не считалась трудовой и облагалась налогами по повышенным ставкам на основании специального нормативного акта².

¹ Инструкция по применению законодательства о культах [Утверждена пост. Совета по делам рел. культов и пост. Совета по делам русской православной церкви 16.03.1961 г.]. – М., 1961. – С.5-6.

² Постановление СМ СССР от 3.12.1946 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» // Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). – М.: Юридическая литература, 1971. – С.106-107.

Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г., а затем и ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» уравнивали священнослужителей и других служащих религиозных организаций в трудовых правах с остальными категориями граждан: «На граждан, работающих в религиозных организациях по трудовым договорам (контрактам), распространяется законодательство Российской Федерации о труде» (п.3 ст.24 ФЗ).

Ст. 3 Трудового кодекса РФ запрещает дискриминацию в сфере труда в зависимости от отношения к религии. Это запрещение декларировалось и советском законодательстве, однако на деле не только священнослужителям и их детям, но и рядовым верующим сложно было получить высшее образование или даже хорошую специальность, не говоря уже о том, чтобы занять престижную должность: как правило, они работали сторожами, дворниками, в лучшем случае – рабочими на предприятиях.

В ТК РФ реализовано закрепленное в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» право органов государственной власти по просьбам религиозных организаций объявлять религиозные праздники нерабочими днями: ст. 112 объявляет нерабочим днем 7 января – Рождество Христово.

В Республике Татарстан законом от 19.02.1992 г. нерабочим днем объявлен мусульманский праздник Курбан-байрам. Что касается других религиозных конфессий, то по их просьбе в дни религиозных праздников тем же законом администрации предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм их собственности и сферы деятельности предписано предоставлять в счет ежегодного отпуска либо на других условиях по договоренности с работником один дополнительный выходной день.

Помимо общих прав и обязанностей, законодатель ввел в Трудовой кодекс главу 54, регулирующую особенности труда работников религиозных организаций. К числу таких особенностей относятся:

- работодателем является религиозная организация, зарегистрированная в установленном порядке, а работником – лицо, достигшее 18-летнего возраста;
- права и обязанности сторон трудового договора определяются с учетом особенностей, установленных

внутренними установлениями религиозной организации (которые, однако, не должны противоречить законодательству РФ);

– трудовой договор может заключаться на определенный срок; в случае изменений существенных условий трудового договора, религиозная организация обязана предупредить об этом работника не за 2 месяца, как предусмотрено ст. 72 ТК РФ, а за 7 календарных дней до их введения;

– режим рабочего времени определяется с учетом нормальной продолжительности рабочего времени исходя из режима осуществления обрядов или иной деятельности религиозной организации, определенной ее внутренними установлениями;

– с работником может быть заключен договор о полной материальной ответственности в соответствии с перечнем, определенным внутренними установлениями религиозной организации (например, хранитель ризницы, где содержатся ценные предметы храмовой утвари – священническое одеяние, сосуды, кресты, панагии и т.п.);

– помимо общих оснований расторжения трудового договора, договор с работником религиозной организации может быть прекращен по основаниям, предусмотренным самим этим договором (например, по окончании религиозных праздников, на срок проведения которых лицо было принято на работу). Сроки предупреждения работника об увольнении по основаниям, предусмотренным трудовым договором, а также порядок и условия предоставления гарантий и компенсаций, связанных с таким увольнением, определяется трудовым договором;

– индивидуальные трудовые споры, не урегулированные самостоятельно работником и религиозной организацией как работодателем, рассматриваются в судебном порядке (т.е. не подлежат рассмотрению комиссиями по трудовым спорам).

Работники религиозных организаций, включая священнослужителей, подлежат социальному обеспечению, социальному страхованию и пенсионному обеспечению на общих основаниях в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Литература

1. Головина С. Правовое регулирование труда работников религиозных организаций по новому Трудовому кодексу РФ // Религия и право. – 2002. - № 3.
2. Голенко Е.Н., Ковалев В.И. Трудовой кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала). – М.: «За права военнослужащих», 2004 г.
3. Инструкция по применению законодательства о культах [Утверждена пост. Совета по делам рел.культов и пост. Совета по делам русской православной церкви 16.03.1961 г.]. – М., 1961.
4. Постановление СМ СССР от 3.12.1946 г. «О порядке обложения налогами служащих религиозных культов» // Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). – М.: Юридическая литература, 1971.
5. Гусев А.Н. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. – М.: "Дело", 2003 г.
6. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. К.Н.Гусова. – М.: ООО "ТК Велби", ООО "Издательство Проспект", 2003 г.
7. Комментарий к Трудовому Кодексу РФ / Коршунов Ю.Н., Коршунова Т.Ю., Кучма М.И., Шеломов Б.А. - Спарк, 2002 г.
8. Элбакян Е.С. Христианская трудовая этика: сравнительный анализ конфессиональных особенностей // Религиоведение. – 2003. - №2.

ЛЕКЦИЯ № 12.

Правовые вопросы землепользования религиозных организаций

Декретом СНК от 23.02.1918 г. религиозные организации лишались права юридического лица, права владения собственностью, а все принадлежавшее им имущество, включая землю, объявлялось народным достоянием. Богослужбное имущество, согласно советского законодательства, предоставлялось религиозным организациям в пользование.

Законы СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г. не пошли дальше передачи религиозным организациям в пользование и собственность зданий и движимого имущества, поскольку на тот момент права частной собственности на землю не существовало, вся земля принадлежала государству. И только ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. провозгласил в ст. 21 право религиозных организаций иметь в собственности земельные участки и не только в России, но и за границей.

Приобретение и прекращение права собственности и пользования религиозных организаций земельными участками регулируются Гражданским и Земельным кодексами РФ. Некоторые вопросы использования земель решаются в соответствии с Градостроительным кодексом РФ.

Земельное законодательство в сфере религиозных отношений основывается на принципе участия граждан и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю, согласно которому граждане Российской Федерации и религиозные организации имеют право принимать участие в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на состояние земель при их использовании и охране, а органы государственной власти, органы местного самоуправления, субъекты хозяйственной и иной деятельности обязаны обеспечить возможность такого участия в порядке и в формах, которые установлены в законодательстве (ст. 1 Земельного кодекса РФ).

В собственности религиозных организаций в соответствии со ст. 15 ЗК РФ могут находиться земельные участки, расположенные в жилых и общественно-деловых зонах земель поселений (. 5,6 ст. 85 ЗК РФ; пп. 3,4 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ), а также земли сельскохозяйственного назначения (ст.78 ЗК РФ).

В соответствии со ст. 28 ЗК РФ предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан и юридических лиц осуществляется за плату. Земельные участки могут быть переданы в собственность религиозных организаций **бесплатно** в предусмотренных законом случаях, в частности, по основаниям, указанным в п. 2 ст. 39.5 ЗК РФ: «земельного участка религиозной организации, имеющей в собственности здания или сооружения религиозного или благотворительного назначения, расположенные на таком земельном участке».

Согласно п\п 1 п. 1 ст. 24 ЗК РФ земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности также могут передаваться религиозным организациям в безвозмездное пользование в случаях, установленных п\п 3,4 п. 2 ст. 39.10 ЗК РФ, т.е. для размещения зданий, сооружений религиозного или благотворительного назначения (строительства) на срок до десяти лет (п\п 3) или если на таких земельных участках расположены принадлежащие им (религиозным организациям) на праве безвозмездного пользования здания, сооружения, на срок до прекращения прав на указанные здания, сооружения;

Что касается земель сельскохозяйственного назначения, то религиозные организации могут использовать их, в соответствии со ст. 78 ЗК РФ, для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных целей (например, сельскохозяйственное производство при монастыре).

Такие земельные участки могут быть предоставлены религиозным организациям из фонда перераспределения земель по их ходатайству.

Религиозные организации могут приобретать права на сельскохозяйственные земли также в результате сделок, предусмотренных ГК. К таковым относятся:

- 1) продажа земельных участков (регулируется ст.129, 161, 163, 209 и 549-557 ГК);
- 2) дарение (регулируется ст.572-581 ГК);
- 3) пожертвование (ст.582 ГК)
- 4) обмен (мена) (осуществляется в соответствии со ст.567 ГК);
- 5) наследование (регулируется ст.1181 и 1182 ГК).

Литература

1. Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII вв.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации: [Федер. закон от 29.12. 2004 г. № 190-ФЗ].
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: [Федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ].
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. – Часть вторая: [Федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ].
5. Земельный кодекс Российской Федерации: Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации / колл. авт. под рук. М.В. Бархатова. – М.: Юрайт-Издат, 2002.
6. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917-1921).
7. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под. ред. О.И. Крассова. – Юристъ, 2002.
8. Конституция Российской Федерации: [Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.].
9. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989.

ЛЕКЦИЯ № 13.

Регулирование семейно-брачных отношений в российском праве и правовых системах некоторых религий

В ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 г. говорится, что «семье, являющейся естественной и основной ячейкой общества, должны предоставляться по возможности самая широкая охрана и помощь, в особенности при ее образовании и пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании. Брак должен заключаться по свободному согласию вступающих в брак».

В ст. 23 принятого в то же время Международного пакта о гражданских и политических правах подчеркивается, что государством должны быть приняты надлежащие меры для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении, включая необходимую защиту детей.

Указанные положения международного права реализуются в законодательстве России.

Принципы государственной политики в области семьи, материнства и детства закреплены в ст. 38 Конституции Российской Федерации:

«1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

2. Забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей.

3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях».

Защита материнства и детства, семьи осуществляется путем принятия государством мер по охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, ее социальной поддержке, обеспечению семейных прав граждан.

Нормы об охране материнства, детства, семьи содержатся в трудовом, уголовном, семейном и иных отраслях законодательства.

Трудовое законодательство РФ включает нормы об особенностях регулирования труда женщин, работников в возрасте до восемнадцати лет. Применение труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными или опасными условиями труда, на подземных работах ограничивается. Беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до полутора лет, переводятся на другую работу, исключая воздействие неблагоприятных производственных факторов.

Предусмотрено предоставление отпуска по беременности и с выплатой пособия по государственному социальному страхованию в установленном законом размере. При рождении ребенка женщина получает право на единовременное пособие. По заявлению женщины ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста с выплатой пособия по государственному социальному страхованию. Законодательство РФ предусматривает и иные льготы для матерей и детей.

Родители имеют равные права и равные обязанности по воспитанию детей, обеспечению их здоровья и права на образование. Расторжение брака родителей или их раздельное проживание не влияют на объем родительских прав. Все вопросы воспитания ребенка разрешаются отцом и матерью совместно. В случае спора они разрешаются органом опеки и попечительства или судом.

Злоупотребление родительскими правами или невыполнение родительских обязанностей может повлечь лишение родительских прав судом.

Конкретно регулированию семейных и связанных с ней отношений посвящен Семейный кодекс РФ.

В ст. 1 изложены основные начала семейного законодательства, которое исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и т.п.

В числе других начал, провозглашено запрещение любых форм ограничения прав граждан при вступлении в брак и в

семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или **религиозной** принадлежности.

Все семейные вопросы решаются исходя из принципа равенства супругов (ст. 31 СК РФ).

ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозное воспитание детей относит к ведению родителей (или лиц, их заменяющих) «с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания» (ст. 5). Это закреплено и в ст. 57 Семейного кодекса РФ, предоставляющей ребенку право выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы.

В соответствии с Семейным кодексом брак в Российской Федерации заключается только в государственных органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС). До 1918 г. в России эти функции исполняли местные приходы Православной Церкви, которые вели учет гражданского состояния своих прихожан (во многих зарубежных странах религиозные организации до настоящего времени являются органами регистрации брака).

Все права и обязанности, вытекающие из брака, возникают с момента его государственной регистрации.

Главными условиями заключения брака являются добровольное согласие сторон и достижения ими брачного возраста, который установлен с восемнадцати лет (при наличии уважительных причин брачный возраст может быть снижен до 16 лет, а в исключительных обстоятельствах – и ниже (ст. 13 СК РФ).

Брак также не может быть заключен в случаях, если хотя бы одно лицо состоит в другом зарегистрированном браке, между близкими родственниками, усыновителями и усыновленными, с недееспособным лицом (ст. 14).

Других препятствий для заключения брака российское законодательство не предусматривает (верующего с неверующим, принадлежащих к разным вероисповеданиям, отсутствие согласия родственников и т.д.).

Прекращение брака семейное законодательство связывает либо со смертью одного из супругов, либо с его расторжением по

заявлению одного или обоих супругов. Прекращение брака регулируется ст.ст. 16-26 СК РФ, которые включают порядок расторжения брака в органах ЗАГС, в судебном порядке, при взаимном согласии и без наличия такового, решение вопросов о детях, имуществе и т.п.

Основанием для расторжения брака не могут являться мотивы, связанные с вероисповедной принадлежностью одного или обоих супругов, какие-либо религиозные предписания или запреты.

Равенство супругов является одним из основополагающих принципов, берущих свое начало в конституционных положениях, определяющих основы правового статуса личности - равных правах и свободах мужчины и женщины и равных возможностях их реализации, свободе выбора каждым гражданином места своего пребывания и жительства, рода деятельности и профессии, равных правах и обязанностях обоих родителей в воспитании детей, недопустимости отмены и умаления этих прав и свобод граждан в зависимости от чего-либо, в т.ч. отношения к религии.

Вступление в брак не может ограничивать правоспособность каждого из супругов. Каждый супруг независимо от воли другого или иных лиц может выбрать род занятий, получить профессию по своему желанию, решить для себя вопрос, где ему жить и как: совместно с другим супругом или отдельно от него. Эти права супругов тесно связаны с личностью каждого из них, и они не могут быть отменены или ограничены путем заключения соглашения между супругами. Если такие условия включены в брачный договор, они являются ничтожными. Но юридическая свобода выбора рода занятий, профессии, места пребывания и жительства должна пониматься и осуществляться супругами на основе взаимного уважения и взаимопонимания, ответственности перед семьей всех ее членов (ст. 31 СК РФ)

Также к личным правам супругов относится право выбора фамилии (одну в качестве общей или каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию; в случае развода супруги могут оставить общую фамилию либо восстановить свои добрачные фамилии) (ст. 32 СК РФ).

Относительно имущества супругов как материальной основы их совместной жизни, то законодательство определяет правила пользования и распоряжения им (правовой режим имущества) исходя из разделения его на законный и договорный.

Законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности.

Владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются ими по обоюдному согласию. Порядок регулирования отношений супругов по поводу такого имущества содержится в ст.ст.33-39 СК РФ, а также в гражданском законодательстве.

Договорный режим имущества супругов регулируется брачным договором, основные требования к содержанию которого закреплены в ст.ст. 40-44 СК РФ.

Семейное законодательство России в отношении воспитания и материального содержания детей исходит из принципа равенства прав и обязанностей обоих родителей, независимо от того, живут они в браке и разведены.

Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед другими лицами и несут ответственность за их воспитание и развитие. Родители также обязаны обеспечить получение детьми основного общего образования (ст. 63 СК РФ).

Защита прав и интересов детей возлагается на родителей, которые являются их законными представителями перед внешними физическими и юридическими лицами (ст. 64 СК РФ). Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке (ст. 65 СК РФ).

Согласно ст.ст. 3 и 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» именно родители, а не какие-либо другие лица, осуществляют религиозное воспитание и образование ребенка (за исключением случаев, когда воспитанием детей-сирот занимаются опекуны или государство).

Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей заботиться о нетрудоспособных родителях включает в себя обязанность детей поддерживать родителей, а при необходимости и содержать их. При отказе в помощи необходимые средства (алименты) могут быть взысканы по суду,

а при злостном уклонении от уплаты алиментов наступает **уголовная** ответственность (ст. 157 УК РФ). Однако суд может принять решение об освобождении детей от этой обязанности, если будет установлено, что родители уклонялись от родительского долга¹.

Гарантии прав и законных интересов ребенка установлены Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.). Закон исходит из того, что ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, Семейным кодексом и другими нормативными правовыми нормами Российской Федерации (ст.6).

Поскольку, как говорилось выше, религиозное воспитание детей осуществляется родителями и регулируется ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», комментируемый закон не рассматривает подробно вопрос религиозных прав ребенка. Статья 14, посвященная защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, обязывает органы государственной власти принимать меры по защите ребенка от пропаганды социального, расового, национального и **религиозного неравенства**.

Допуская создание в образовательных учреждениях общественных объединений, Закон, тем не менее, исходя из конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства, запрещает создание в государственных школах детских религиозных организаций.

Семья в христианстве

В христианстве институт семьи берет свое начало в Священном Писании – книгах Ветхого и Нового Заветов. В стихе 24 главы 2 книги Бытия после создания мужчины и женщины Бог

¹ См.: Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / О.Е.Кутафин [и др.]. – М.: ЗАО "Библиотечка "Российской газеты", 2003 г. - Комментарий к статье 38.

сказал: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть». Впоследствии это фраза, записанная порядка 3,5 тыс. лет назад, перейдет в Новый Завет и станет основополагающим установлением семьи в церковном праве.

Из рассказа о сотворении человека следует, что смысл и цель брака состоят в совместной жизни, в общем труде и взаимопомощи: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему...И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт 2:18,23). Согласно Книги Бытия 1:28, Бог учредил этот союз мужчины и женщины также и для рождения потомства: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

Семье христиане всех конфессий придают большое значение; некоторые в своих духовных приоритетах ставят ее даже выше Церкви, основываясь на том, что Бог создал семью в качестве основы человеческого общества еще до учреждения Церкви и в Новом Завете семья названа «домашней церковью» (Послание к Римлянам, 16:4; 1-е послание к Коринфянам, 16:19 и т.д.).

Установление о семье содержится и в Десяти Заповедях – главном Божьем законе: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Книга Исход, 20:12).. В Законе Моисеевом – кодексе законодательства древних евреев – содержатся санкции за нарушение некоторых семейных норм: «Кто злословит отца своего или мать свою, того должно предать смерти» (Книга Исход, 21:17)

Теме взаимоотношений в семье отведено много места в Библии, причем, постоянно проводится параллель между семьей и Церковью, показывая тем самым, что оба этих института имеют один источник и строятся на одних принципах:

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же

Спаситель тела; но, как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна.

Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.

Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви.

Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа.» (Послание к Ефесеям, 5:22-33; 6:1, 4).

Придавая семье первостепенное значение в человеческой жизни, Библия последовательно раскрывает все аспекты ее бытия во взаимосвязи с развитием цивилизации. Особенное место занимают проблемы воспитания детей, фундаментом которого можно определить следующее наставление Апостола Павла: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость». Повторяя пятую заповедь, он напоминает детям: «Почитай отца твоего и мать», это – первая заповедь с обетованием: «да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» т.е. жизнь и благополучие ставится в прямую зависимость от уважения к родителям.

Обращаясь к родителям, Апостол учит: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Послание к Ефесеям, 6:1-4).

Ветхозаветную книгу Притчей Соломоновых можно смело назвать кодексом законов о воспитании. Она начинается так:

«Чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума;

*Усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты;
Простым дать смеяленость, юноше – знание и рассудительность;*

Послушает мудрый, и умножит познания, и разумный найдет мудрые советы...

Слушай, сын мой, наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей,

Потому что это – прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей» (Пр.1:2-5, 8-9).

Книга призывает молодежь к знаниям: «Приложи сердце твое к учению и уши твои и – к умным словам»; обличает пьянство: «Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом, потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище»; рассуждает о наказании нерадивых: «Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет: ты накажешь его розгою, и спасешь душу его от преисподней» и «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»; напоминает о почтении к родителям: «Слушайся отца твоего: он родил тебя; и не пренебрегай матери твоей, когда она и состарелась» т.п. (Пр. 13:24; 23:12-14, 20-21).

За нерадение в деле воспитания детей, Бог жестко наказывает родителей. Об этом красноречиво говорит история первосвященника Илия, который плохо воспитал своих сыновей: «Я объявил ему, что Я накажу дом его на веки за ту вину, что он знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их. И посему клянусь дому Илия, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек» (1-я книга Царств, 3:12-14). Эту свою клятву Бог исполнил: умерли сыновья Илия, а за ними и он сам.

Согласно Ветхому Завету средний возраст вступающих в брак израильтян составлял 18 лет; по мнению раввинов, девушка могла вступать в брак по достижении 12 лет, юноша – 13 лет, что объяснялось ранним половым созреванием в южных странах.

Моисеев закон запрещал браки между родственниками по восходящей и нисходящей линиям, а также по первой боковой линии и между родственниками супругов (Книга Левит, 18:7-17; 20:11; 2-я Книга Царств, 16:21). Запрещались и браки между сводными или приемными братьями и сестрами (Книга Левит, 18:9), а также брак одного мужчины с двумя сестрами (Книга

Левит 18:18). Нельзя было брать в жены иноплеменниц (иноверок) (Книга Исход, 34:15-16).

В Новом Завете нет такого подробного описания условий брака, как в Моисеевом законе. Поэтому церковное право, отвергнув, разумеется, принятые у древних евреев полигамию и выкуп за невесту, взяло оттуда целый ряд брачных установлений, соотнеся их, по возможности, с российским законодательством: брачный возраст (18 лет), запреты на браки между родственниками и т.д. Что касается браков с неверующими, то новозаветные установления имеют, скорее, рекомендательный характер: «Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его» (1-е послание к Коринфянам Апостола Павла, 7:12-13). С другой стороны, тот же Апостол Павел в своем другом послании (2-е Коринфянам, 6: 14-18) призывает верующих «не преклоняться под чужое ярмо с неверными (т.е. с инаковерующими – прим. сост.)», а вдовам рекомендует выходить замуж только за верующих (1 Кор.7:39).

Новый Завет категорически отвергает разводы. На вопрос фарисеев к Иисусу Христу о том, что если Моисей в некоторых случаях разрешал разводы, то допускает ли разводы он, последний ответил: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает... Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими; а сначала было не так» (Евангелие от Матфея, 19:6,8).

Церковное право предполагает лишь две причины для развода: в случае вины прелюбодеяния кого-либо из супругов (Евангелие от Матфея, 5:32; 19:9) и если неверующий сам хочет развестись с верующей женой (или мужем). Однако здесь Апостол Павел делает оговорку: «Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, не спасешь ли жены?» (1 Коринфянам, 7:15-16), давая тем самым повод требующему развода супругу еще раз взвесить последствия.

В отличие от светского, церковное право не устанавливает равенство супругов. Библия говорит: «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж... потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа.

Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа». С другой стороны, Бог рассматривает мужа и жену в единстве: «Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо, как жена от мужа, так и муж чрез жену; все же – от Бога» (1-е послание к Коринфянам, 11:3,7-9, 11-12).

Отношение мужа к жене, как уже говорилось в начале главы, определяется сравнением с любовью Иисуса Христа к Церкви: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Послание к Ефессянам, 5:25). Другими словами, муж полностью ответствен за жену и если необходимо, должен отдать за нее свою жизнь.

Что касается имущественных отношений в семье, то Библия (Новый Завет) не дает никаких указаний на этот счет. На просьбу одного человека потребовать, чтобы брат поделил с ним наследство, Иисус Христос ответил: «Кто поставил Меня судить или делить вас?» (Евангелие от Луки, 12:13-14).

В современных христианских странах вопросы имущественных отношений в семье решаются светским законодательством.

Семья в исламе

В отличие от христианства, которое в некоторых случаях допускает безбрачие, ислам стоит на жестких позициях необходимости иметь семью. Мусульманину непозволительно уклоняться от брака (при условии, конечно, что у него есть такая возможность), даже если он хочет полностью посвятить себя служению Аллаху.

Согласно преданиям, Пророк Мухаммад заметил, что некоторые из его сподвижников были склонны к монашеству. На это он жестко заявил им: «Были погублены те, кто был до вас, за переусердствование. Они хотели лишений, и Аллах ниспослал им лишения, а оставшиеся из них находятся в монастырях и храмах»¹.

Не является основанием уклонения от вступления в брак и страх перед нищетой или связанной с созданием семьи ответственностью. Мусульманину следует приложить все усилия, чтобы содержать семью, уповая на Аллаха, который сказал: «И

¹ Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе / пер. с араб. М. Саляхетдинова. – М.: Изд. дом «Умма», 2005. – С.167.

выдавайте в брак безбрачных среди вас и праведных рабов и рабынь ваших. Если они бедны, - обогатит их Аллах Своей щедростью...» (Коран, 24:32)¹.

Обращаясь к молодежи, Мухаммад говорит: «Молодежь! Кто может из вас жениться, то пусть женится, это потупляет взоры и сохраняет целомудрие»². А Коран продолжает: «И пусть будут воздержаны те, которые не находят возможности брака, пока не обогатит их Аллах Своей щедростью» (24:33).

Таким образом, основываясь на вышеприведенных аятах из Корана и высказываниях Мухаммада, законный брак обязателен для каждого мусульманина. Правда, некоторые исламские ученые считают, что женитьба важна не сама по себе, а для того, чтобы сохранить себя от греха прелюбодеяния³. Но, во всяком случае, институт семьи в исламе, как и в христианстве, является священным установлением Бога.

Одним из важных условий заключения брака в исламе, несмотря на бытующее мнение, является согласие девушки, и родители не имеют право принуждать выйти замуж против ее воли.

Категорически и безоговорочно запрещен брак с различными категориями родственников: разведенной или овдовевшей женой отца, матерью или бабушкой, дочерью и внучкой, сестрой, тетей и племянницей. Также мусульманину запрещен брак с кормилицей (женщиной, которая вскармливала его в младенчестве своей грудью), так как она является его молочной матерью.

В категорию запретных входит женитьба на теще, поскольку с момента вступления мусульманина в брак теще предоставляется статус, равный статусу матери. Нельзя жениться на падчерице и невестке.

Как и закон Моисеев, ислам запрещает брать в жены одновременно двух сестер, а также женщину и ее тетю по отцу или матери.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся из: Коран / Пер. с араб. И.Ю. Крачковского. – М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с. Некоторые цитаты приводятся в переводе В. Пороховой: Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – М.: Аванта, 2000. – 783 с.

² Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе. – С.168.

³ Там же.

Это сделано для того, чтобы поддерживать родственные узы, взаимоуважение и почтение и исключить опасные последствия, вызванные межродственными браками, особенно характерное для таких браков рождение детей с физическими и умственными изъянами.

Коран не разрешает брак с многобожницами (поклоняющимися различным богам (идолам), но допускает женитьбу на иудейках и христианках, поскольку они являются «людьми Писания, ниспосланного Господом». Несмотря на то, что они, по учению ислама, исказили Писание, их вера имеет божественное происхождение, поэтому для мусульман дозволена их пища и женитьба на их женщинах: «Сегодня разрешены вам блага; и пища тех, кому даровано писание, разрешается вам, и ваша пища разрешается им. И целомудренные из верующих и целомудренные из тех, кому даровано писание до вас¹, если вы им дали их вознаграждение, будучи целомудренными, не распутничая и не беря наложниц» (Коран, 5:5).

С другой стороны, ни при каких обстоятельствах мусульманка не имеет право выйти замуж за немусульманина. Коран предостерегает (2:221): «И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют». В этом случае не делается исключения и для «людей Писания». Ислам исходит из того, что мужчина – глава семьи и господин своей жены. Если он иудей или христианин, то мусульманке практически невозможно соблюдать положенные ей обряды и, в конечном итоге, сохранить свою веру, которая неприемлема для мужа.

Ислам разрешает многоженство, мотивируя это тем, что таким образом решаются наиболее трудноразрешимые личные и общественные проблемы. Имеются в виду, например, случаи, когда жена бесплодна или больна и муж берет вторую жену, сохраняя первую и предоставляя ей все гарантии, либо когда численность женщин превосходит численность мужчин (в послевоенные периоды, когда много мужчин погибает на войне). Существует предание о том, что Мухаммад после очередной войны, предложил оставшимся в живых воинам позаботиться о

¹ В другом переводе эта фраза сформулирована более точно: «Разрешено вам в жены брать не только целомудренных, уверовавших в Бога, но также целомудренных из тех, кому ниспослано Писание до вас». – Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – М.: Аванта, 2000. – С.132.

женах павших товарищей, взяв их к себе в качестве жен, но не более четырех.

В условиях исламских государств, живущих по законам шариата, многоженство считается нормальным. В европейских же странах, в том числе в России, установлен моногамный брак, поэтому живущим там мусульманам приходится считаться с законом¹.

По учению ислама, развод является крайней мерой, когда все способы нахождения согласия между супругами исчерпаны. Согласно преданию, Мухаммад по этому поводу сказал: «Из всего разрешенного самым ненавистным для Аллаха является развод»².

С целью свести к минимуму разводы, шариат наложил на это ряд ограничений. Так, развод без насущной необходимости и применения всех средств для его предотвращения, является незаконным и запрещен. Также не одобряется развод с одним человеком с целью вступить в брак с другим для получения наслаждения от разнообразия сексуальных партнеров. В этом случае нет прямого запрета, поскольку подобную цель трудно доказать и ислам оставляет это на совести верующего, показав лишь свое отношение словами Пророка Мухаммада: «Аллах не любит сладострастников мужчин и женщин»³.

Когда появляется повод для развода, то ислам предписывает производить его в соответствующий период времени: «О пророк, когда вы дадите развод женам, то разводите с ними в установленный для них срок, и отсчитывайте срок, и бойтесь Аллаха, Господа вашего!» (Коран, 65:1). Это время наступает после менструационного и послеродового периода. Интересно, что согласно шариату, беременность не является препятствием для развода.

Женщина в исламе также может требовать развод с мужем. Она может освободиться от брака, выкупив свою свободу путем возврата своему мужу того, что было оговорено при заключении брака и тех его подарков, по поводу которых они договорятся

¹ Аналогичная ситуация сложилась и с мормонами – последователями Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, также принимавших многоженство, но вынужденных под давлением законодательства США в 1890 году официально отменить этот институт.

² Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе. – С.198

³ Там же, с.203.

между собой. Коран говорит: «...если вы (т.е. мусульмане) боитесь, что они (муж и жена) не выполняют ограничений Аллаха, то не будет греха над ними в том, что она (жена) себя выкупит» (2:229).

Взаимные личные права супругов Коран характеризует следующим образом: «Они (ваши жены) – одеяние для вас, а вы – одеяние для них» (2:187). Под этим подразумевается соединение, покрытие, защита и украшение одним супругом другого.

У каждого из супругов имеются в отношении друг друга свои права и обязанности, которые они должны блюсти. Права основаны на равноправии, за исключением особенностей, которыми наделены мужчины. Как сказано в Коране, «И здесь для женщин справедливы те права, что и права над ними у мужчин, но у мужей сих прав – на степень больше» (2:228)¹. Говоря о более высокой степени, ислам подразумевает руководящую и ответственную роль мужчины, поскольку именно на нем лежит обязанность обеспечения и защиты семьи.

О правах мужа Пророк Мухаммад выразился следующим образом: «Для верующей в Аллаха женщины недопустимо пускать в дом того, кто неприятен ее мужу. Ей не следует выходить из дому вопреки желанию мужа. Не должна жена слушать кого-либо вместо мужа. Она не должна отказывать ему в ложе (близости). Она не должна бить его (если она физически сильнее его). Если муж обижен, жена должна добиваться его расположения, и если она добилась примирения, то это будет принято Аллахом, и она достигла своего, а если ей не удалось этого сделать, то, по крайней мере, ее совесть будет чиста пред Аллахом»².

Имущественные отношения супругов шариатом на основе Корана и Сунн разработаны весьма подробно. Сюда входит регулирование отношений по поводу оговоренного при заключении брака имущества, которое муж дает невесте и ее родителям, его подарков жене (при разводе), наследства в случае смерти одного из супругов, имущества, причитающегося детям и сиротам и т.д.

¹ В переводе Валерии Пороховой, с.61.

² Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе. – С. 195.

С другой стороны, мусульмане, живущие в России, при решении имущественных отношений супругов, также руководствуются светским законодательством.

Ислам рассматривает ребенка как продолжение отца, перенимающего его черты и особенности, а после его смерти – являющегося воплощением бессмертия рода. Ребенок наследует характер, внешность, умственные качества отца, как хорошие, так и плохие, будучи частью его сердца и плоти.

Право ребенка – получить от своих родителей достойное имя, чтобы, повзрослев, он не стыдился бы его. Запрещено давать ребенку имя, которое бы означало, что он раб кого-либо кроме Аллаха, например, «Раб Пророка» и т.п.

Ребенок имеет право на заботу, воспитание и обеспечение всем необходимым. При этом родители не должны ущемлять ребенка. Пророк Мухаммад говорил: «На каждого из вас наложены полномочия, и вы несете за них ответственность». «Неизмерим грех того, кто ущемляет в пропитании». «Аллах спросит каждого уполномоченного за того, за кого он отвечает, исполнил ли он свои обязанности или нет. Вплоть до того, что спросит мужчину о его домочадцах»¹.

Родители обязаны одинаково относиться к своим детям. Недопустимо без уважительной причины проявлять большую благосклонность к кому-либо из них, чтобы не провоцировать ненависть и вражду между детьми. Исключение составляют только ситуации с больными детьми, в то время, когда остальные здоровы.

Очень серьезно ислам относится к праву наследования. Запрещено лишать своих детей наследства или прибегать к обману, чтобы лишить близких причитающейся им доли. Порядок наследования закреплен в четвертой суре Корана. Относительно наследства детей сказано: «Завещает вам Аллах относительно ваших детей: сыну – долю, подобную доле двух дочерей. А если они (дети) – женщины, числом больше двух, то им – две трети того, что он оставил, а если одна, то ей – половина... Родители ваши или сыновья ваши – вы не знаете, кто из них ближе вам по пользе, как установлено Аллахом. Поистине, Аллах знающ, мудр» (4:11).

¹ Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе. – С. 217.

Продолжая говорить о наследстве, Коран подчеркивает: «Разъясняет вам Аллах, чтобы вы не заблудились. А Аллах о всякой вещи знающ» (4:176).

В соответствии с этим, кто не подчинился законам Аллаха о наследстве, тот отклонился от истинного пути и его ожидает наказание: «А кто не повинуется Аллаху и Его посланнику и преступает Его границы, того Он введет в огонь вечно пребывающий там, и для него – унижающее наказание» (Коран, 4:14).

Дети же должны быть покорны родителям и относиться к ним с почтением, особенно к матери, поскольку на нее ложатся основные тяготы по вынашиванию, кормлению и воспитанию ребенка. Коран говорит: «Мы завещали человеку благодетельствовать своим родителям; мать носит его с тягостью и производит с тягостью; и вынашивание его и отлучение – тридцать месяцев» (46:15).

Особый акцент Коран делает на заботливом отношении к родителям, когда они состарятся. В это время они слабые и требуют к себе больше внимания, заботы и уважения: «И решил твой Господь, чтобы вы не поклонялись никому, кроме Него, и к родителям – благодеяние. Если достигнет у тебя старости один из них или оба, то не говори им – тьфу! И не кричи на них, а говори им слово благородное. И преклоняй пред ними обоими крыло смирения из милосердия и говори: «Господи! Помилуй их, как они воспитали меня маленьким» (17: 23-24).

Ислам запрещает человеку быть причиной того, чтобы кто-то проклял его родителей, более того, он причислил это ко греху. Пророк Мухаммад сказал: «Наитягчайший грех падет на того, чьих родителей проклинают»¹. Вероятно, имеется в виду тот случай, когда родителей проклинали за неправильное поведение детей.

Литература

1. Бердников И.С. Брак, рассматриваемый в своей природе и сос троны формы его заключения. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1896.

¹ Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе. – С. .221.

2. Бердников И.С. О восприемничестве при крещении и о духовном родстве как препятствии к браку. – Казань: Типография Императорского университета, 1892.

3. Бердников И.С. Заметка о раскольничьем браке. – Казань: Типо-итография Императорского университета, 1895.

4. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – М.: Аванта, 2000.

5. Коран / Пер. с араб. И.Ю. Крачковского. – М.: СП ИКПА, 1990.

6. Королев Ю.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации - М.: "Юридический Дом "Юстицинформ", 2003.

7. Краюшкина Т.В. Семейные отношения в свете православной традиции (на материале русских народных волшебных сказок) // Религиоведения. – 2003. - №1.

8. Мышцын В.Н., ординарный профессор Демидовского юридического лицея. К вопросу о принципах бракоразводного церковного законодательства. – Ярославль, 1911.

9. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: [Федер. закон от 24.07. 1998 г. № 124-ФЗ] // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

10. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / О.Е.Кутафин [и др.]. – М.: ЗАО "Библиотечка "Российской газеты", 2003 г.

11. Постатейный научно-практический комментарий Семейного кодекса Российской Федерации / Под ред. А.М.Эрделевского). - М.:Агентство (ЗАО) "Библиотечка РГ", 2001 г.

12. Семейный кодекс Российской Федерации: [Федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ].

13. Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе / пер.с араб. М. Саляхетдинова. – М.: Изд. дом «Умма», 2005.

ЛЕКЦИЯ № 14.

Религиозная диффамация: свобода совести и средства массовой информации

В советский период истории России право на свободу совести было провозглашено в Конституции СССР, однако на деле политика государства была направлена на полное искоренение религии. Идеологическая машина использовала все средства для внедрения в сознание масс мысли об антинародной сущности религии и враждебно относилась к любым проявлениям свободы мысли, совести и слова, основанных на иных, помимо марксистско-ленинских материалистических, убеждениях. Газеты пестрели статьями о научных открытиях, якобы опровергающих Библию (Коран, Веды – неважно), о «мракобесии церковников», «изуверствах сектантов» и т.п. Эти публикации инспирировали очередные гонения на верующих, в результате которых многие священнослужители и миряне оказывались в тюрьмах и психиатрических больницах.

В книге Н.П. Бехтеревой «О мозге человека» приведен характерный пример влияния большевистской атеистической идеологии на сознание масс. Проезжая как-то мимо Казанского собора в Петрограде, академик И.П. Павлов перекрестился, на что сопровождавший его красноармеец, вероятно, из крестьян, воскликнул: «Ну и темный же ты, дядя!».

Те смутные года канули в Лету: вышли из заключения религиозные диссиденты, затаилась карательная психиатрия, верующие обрели возможность свободно исповедовать свои религиозные убеждения, получать высшее образование. И только средства массовой информации время от времени возвращают нас к тем, далеким уже, временам, публикуя на своих страницах материалы, которые, кажется, извлечены из подшивок 20-70-х годов. Только сейчас речь в них идет не о борьбе с религией как таковой, а с некоторыми религиозными конфессиями, учение которых не очень понятно или кому-то не нравится. Враждебность и нетерпимость, оскорбление религиозных чувств становятся чуть ли не нормой публикаций и выступлений на религиозные темы, особенно по отношению к религиозным меньшинствам. Между тем, и российское, и международное

законодательство закрепляют принцип неприятия любого насилия, ненависти, нетерпимости или дискриминации.

Так, Всеобщая Декларация прав человека, провозглашая гарантии свободы совести, говорит в ст. 12: «Никто не может подвергаться ... произвольным посягательствам на его честь и репутацию, Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Аналогичная норма содержится и в ст. 3 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: «Дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности ... и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод».

Конституция РФ в ст.ст. 21,23 закрепляет эти международные нормы: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» и «Каждый имеет право на ... защиту чести и доброго имени».

Законодательство РФ определяет принципы деятельности средств массовой информации (СМИ). Так, п.5 ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру.

Закон РФ «О средствах массовой информации» (ст. 38) предоставляет право средствам массовой информации получать от государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц сведения о своей деятельности по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, справочных и статистических материалов и в иных формах.

Статья 25 того же Закона не допускает воспрепятствование осуществляемому на законном основании распространению продукции средств массовой информации со стороны граждан, объединений граждан, должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций, государственных органов.

Защищая права журналистов, ст. 144 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов.

Вместе с тем, Закон «О средствах массовой информации» (ст.49) обязывает журналиста при осуществлении профессиональной деятельности уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций.

Согласно ст. 51 «Запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, **отношения к религии**, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями». А лица, виновные в нарушении законодательства о средствах массовой информации (учредители, редакции, издатели, распространители, журналисты, авторы распространенных сообщений и материалов) несут за это ответственность (ст. 56).

Как видно из приведенных примеров, законодательство надежно защищает как права журналистов, так и права тех, в отношении кого они пишут.

Однако, как показывает практика, наличие даже самого совершенного законодательства недостаточно для установления подлинного правопорядка. Важно – как это законодательство реализуется в повседневной жизни, насколько четко работает защитный механизм в случае нарушения прав и свобод, в частности – свободы совести.

Одним из таких эффективных механизмов является защита чести, достоинства и деловой репутации граждан и религиозных организаций.

Несмотря на то, что в законодательстве понятия **честь, достоинства и деловой репутации** применяются, как правило, без четкого смыслового разграничения, они во многом различаются.

Честь – «положительная социальная оценка гражданина»¹. Другими словами, это объективный взгляд окружающих на социальные и духовные качества человека как члена общества. Близкое смысловое понятие – доброе имя.

¹ Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – С.408.

Честь является абсолютной категорией и не может быть положительной или отрицательной. Противоположное понятие – бесчестье.

Газетные публикации, другие средства массовой информации часто причиняют ущерб чести верующего человека, ставя на нем клеймо сектанта, объявляя чуть ли не преступником только за то, что он не является приверженцем традиционных для данной местности религий. Причем, такие публикации, как правило, не подтверждаются никакими конкретными фактами.

Достоинство есть «самооценка личности»¹, осознание своего положения в обществе, чувство собственного достоинства. Посягательство на достоинство человека – желание унижить его. Примером такого унижения является оскорбление.

Деловая репутация – это показатель отношения окружающих к тому или иному человеку. Она может быть либо плохой, либо хорошей и формируется на основе поведения человека, его отношения к другим людям, обществу в целом и государству, выполнения им требований закона и морали. Если человек дорожит своей репутацией, то будет стараться не допускать поступков, дискредитирующих его. Поэтому, когда человеку приписывают действия, которые он не совершал, это порочит его репутацию и, следовательно, она нуждается в защите закона.

Деловая репутация есть не только у физических лиц – граждан, но и у юридических лиц, в данном случае – религиозных объединений. Поэтому законодательство распространяет правила о защите деловой репутации также и на них.

Законодательство России распространяет правила о защите деловой репутации не только на граждан – физических лиц, но также и на юридических лиц, в данном случае – на религиозные объединения.

Статья 152 Гражданского кодекса РФ определяет условия, при которых гражданин может обратиться с иском в суд о защите чести, достоинства и деловой репутации. В соответствии с ней, гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

¹ Там же.

Таким образом, одним из условий появления у гражданина права на обращение в суд, является **распространение** сведений. Это означает их сообщение широкой аудитории, несколькими или даже одному человеку. Сообщение может быть публичным или частным, письменным или устным, а также с использованием средств массовой информации. Кроме того, сведения могут быть распространены путем изображения, например, в форме карикатуры или фотомонтажа.

Второе условие – распространенные сведения должны быть **порочащими**, т.е. умаляющими честь, достоинство и деловую репутацию гражданина в общественном мнении или мнении отдельных лиц. Суд, признавая порочащий характер распространенных сведений, исходит из действующих правовых норм, принципов общечеловеческой морали, профессиональной этики, обычаев делового оборота.

Применительно к свободе совести такими порочащими сведениями в СМИ чаще всего выступает распространение информации о, якобы, «зомбировании и похищении людей, о призыве к отказу от исполнения гражданских обязанностей, о применении наркотических средств в обрядовой и культовой практике, в принесении человеческих жертв, в предоставлении материалов прошлого как настоящих и т.д.»¹.

Третьим условием, которого требует закон для удовлетворения иска о защите чести и достоинства, становится распространение порочащих сведений, **не соответствующих действительности**, т.е. ложных. Если сведения, хотя и отрицательно характеризующие поведение человека в глазах общества, но соответствуют действительности, иск не может быть удовлетворен, поскольку гражданин сам создал себе негативную репутацию.

Не подлежат опровержению также оскорбительные выражения и сравнения, которые нельзя проверить на истинность, например, форма подачи материала, стиль изложения, художественные приемы, использованные автором оспариваемой публикации. Если при этом автор допускает

¹ Пчелинцев А.В. Свобода совести и злоупотребление свободой массовой информации: защита чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Институт религии и права, 1998. – С.17.

выражения в неприличной форме, потерпевший может привлечь его к ответственности в уголовном порядке.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.08.1992 г. № 11 обращено особое внимание на то, что, если автор публикации не утверждает прямо какие-то факты, а высказывает предположения, излагает возможные варианты событий, они не являются порочащими и не подлежат опровержению.

С другой стороны, следует помнить, что ст. 51 Закона «О средствах массовой информации» запрещает распространение слухов под видом достоверных сообщений.

Российское законодательство о СМИ содержит достаточно эффективный правовой механизм внесудебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. Он регламентирован ст.ст. 43-46 Закона «О средствах массовой информации».

Если верующий гражданин или религиозная организация сочли, что в данном средстве массовой информации распространены не соответствующие действительности и порочащие их честь, достоинство или деловую репутацию сведения, они вправе требовать от редакции их опровержения. Редакция, в случае если не располагает доказательствами истинности распространенных сведений, обязана опровергнуть их в том же средстве массовой информации (газете, радио, телевидении и т.п.).

В тексте опровержения должно быть указано, какие конкретно сведения не соответствуют действительности, а также когда и каким образом они были распространены.

Если сведения распространены в периодическом печатном издании, опровержение должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал. По радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемая информация.

Объем опровержения не может более чем вдвое превышать объем опровергаемого фрагмента распространенного сообщения, но нельзя требовать, что он был меньше одной стандартной страницы машинописного текста.

Опровержение должно последовать в течение 10 дней с момента получения требования об этом (в СМИ, выходящих не реже одного раза в неделю), в иных случаях – в ближайшем выпуске.

В течение месяца со дня получения требования об опровержении редакция обязана в письменной форме уведомить заинтересованных лиц о предполагаемом сроке распространения опровержения либо об отказе в его распространении с обязательным указанием оснований отказа.

Ст. 45 Закона перечисляет основания отказа в опровержении.

В опровержении **должно** быть отказано:

– если оно является злоупотреблением свободой массовой информации в смысле части первой ст. 4 Закона («Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для осуществления экстремистской деятельности, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости»);

– если оно противоречит вступившему в законную силу решению суда;

– если оно является анонимным.

В опровержении **может** быть отказано:

– если опровергаются сведения, которые уже были опровергнуты в данном СМИ;

– если требование об опровержении поступило в редакцию по истечении одного года со дня распространения опровергаемых сведений.

Отказ в опровержении либо нарушение порядка опровержения могут быть в течение года со дня распространения опровергаемых сведений обжалованы в **суд** в соответствии с гражданским и гражданско-процессуальным законодательством РФ.

Помимо права на опровержения, законодательство предусматривает также право гражданина или организации на ответ. Лицо, в отношении которого в СМИ распространены сведения, не соответствующие действительности либо ущемляющие его права и законные интересы, может требовать поместить в том же СМИ ответ (комментарий, реплику) (ст. 46).

В отношении ответа и отказа в таком применяются правила, предусмотренные для опровержения.

Ответ от опровержения отличается тем, что, во-первых, несмотря на то, что сам текст может быть предложен заинтересованным лицом, опровержение исходит от редакции. Ответ же подписывается лицом, чьи права были нарушены.

Во-вторых, гражданин может требовать от редакции СМИ опровержения только в том случае, если опубликованные не соответствующие действительности сведения **порочат его честь, достоинство и деловую репутацию**. Если этот признак отсутствует, а распространенные сведения лишь ущемляют его права и охраняемые законом интересы, он имеет право только на опубликование своего ответа. Это правило применимо также к юридическому лицу для защиты деловой репутации.

Верующий гражданин или религиозное объединение, в отношении которых в СМИ были распространены не соответствующие действительности и порочащие их честь, достоинство и деловую репутацию сведения, имеют право обратиться за защитой в суд.

Закон не предусматривает обязательного предварительного обращения с требованием опровержения. Право заинтересованного лица – обратиться за опровержением или непосредственно в суд.

Однако в зависимости от того, обращалось ли лицо с требованием опровержения в СМИ, может быть подан иск двух видов:

1. Об опровержении порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений.
2. Об обжаловании отказа в опровержении или опубликовании ответа.

Разница между этими исками в том, что в первом случае он может быть подан прямо в суд и срок давности для подачи заявления отсутствует; во втором – обязательное обращение к ответчику и получение отказа в опровержении или ответе, а также установленный ст. 45 Закона «О средствах массовой информации» годичный срок исковой давности.

Религиозные объединения в России существуют в двух формах: религиозных организаций (юридических лиц) и религиозных групп, действующих без государственной регистрации. В соответствии с действующим законодательством право на защиту своей деловой репутации имеют только организации, обладающие правоспособностью юридического лица. Следовательно, религиозные группы такого права не имеют. Не вдаваясь в то, насколько справедлив такой подход, скажем, что, поскольку интересы группы и граждан в данном случае совпадают (нарушение деловой репутации религиозной группы одновременно нарушает репутацию и ее членов), входящие в нее граждане могут подать иск от своего имени.

Бремя доказывания соответствия действительности распространенных сведений лежит на ответчике – лице, распространившем эти сведения (автор, редакция, издатель, распространитель и т.д.). Истец обязан только доказать факт распространения сведений и что эти сведения порочат его честь, достоинство и деловую репутацию. Причем, одного только утверждения, что те или иные сведения его порочат, недостаточно. Суд должен руководствоваться объективными критериями оценки порочащих сведений (например, утверждение о совершении правонарушения, неэтичного поступка в общественной жизни, нарушения деловой этики или обычаев делового оборота и т.п.). Религиозная жизнь и деятельность религиозных объединений также имеет определенную этику и обычаи, обвинение в нарушении которых может опорочить деловую репутацию верующего гражданина или религиозной организации.

Рассмотрев представленные доказательства и найдя что распространенные сведения действительно являются порочащими, а распространившее их средство массовой информации не сумело доказать, что они соответствуют действительности, суд может принять решение об удовлетворении иска и возложении обязанности на ответчика опровергнуть указанные сведения в тех же средствах массовой информации. В этом случае действует порядок опровержения,

предусмотренный ст. 44 Закона «О средствах массовой информации».

Наряду с опровержением, гражданин вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением порочащих сведений.

Закон не устанавливает размеров компенсации морального вреда. Гражданин сам оценивает его тяжесть для себя и произвольно определяет его размер в денежном выражении. Однако суд не связан этими требованиями. Согласно ст. 151 ГК РФ при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства, а также степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред. Кроме того, при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости (п. 2 ст. 1101 ГК РФ).

Что касается юридических лиц (религиозных организаций), то российское законодательство не предусматривает компенсации морального вреда, поскольку таковой может быть причинен только личности. Однако за юридическими лицами сохраняется право требования возмещения убытков, причиненных распространением порочащих сведений. Под такими убытками понимаются расходы, которое данное лицо произвело для восстановления нарушенного права.

Литература

1. Гуськов М., Рогозина Л. Пресса в зеркале статистики // Религия и право. – 2000. - № 3.
2. О средствах массовой информации: [Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1]
3. Об обращении координатора Руководящего комитета управленческого центра региональной религиозной организации «Свидетели Иеговы» В.М. Калинина в связи с публикацией в газете «Комсомольская правда» материала «Санкт-Петербург. Здесь будет город-храм»: [Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ № 4 от 12.02.1998]

г.]; Об обращении настоятеля Католического ордена францисканцев в России Г. Цероха в связи с передачей «Человек и закон», подготовленной телекомпанией «Останкино» и вышедшей в эфире «Первого канала» 11.10.2002 г. и публикацией «Московский монастырь оказался борделем» в газете «Комсомольская правда» от 7.10.2002 г.: [Решение Большого жюри Союза журналистов России от 23.12.2002 г. № 24]; Решение Большого жюри Союза журналистов России от 18.11.2004 г. № 42 // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцев и В.В. Ряховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006.

4. Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: «Права человека», 2006.

5. Пчелинцев А.В. Религиозная диффамация. Защита верующих от ксенофобии и языковой агрессии. – М.: ИД «Юриспруденция», 2013.

6. Пчелинцев А.В. Свобода совести и злоупотребление свободой массовой информации: защита чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Институт религии и права, 1998.

7. Свищев М.П. Религия и «четвертая власть» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Изд. РАГС, 2001.

8. СМИ и религия. Семинар на тему «Свобода совести в правовом государстве: юридический и информационный аспекты» // Религия и право. – 2000. – № 3.

9. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Сов. энциклопедия, 1984.

10. Яневский А.Д. Конфликт или сосуществование: религия и СМИ на Украине // Религия и право. – 2004. - № 1.

ЛЕКЦИЯ № 15.

Культура и религия: понятие, соотношение, правовые вопросы

Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе¹. Другими словами, культура есть противоположность естественной природе (лат. *natura* – природа), или «вторая природа», т.е. все, что сделано человеком.

Традиционно культуру подразделяют на материальную и духовную, так же, как и культурные ценности делят на материальные и духовные (идеальные).

В понятие культуры входит как непосредственно процесс созидания культурных ценностей, так и сами эти ценности, способы освоения мира, опыт накопления и сбережения результатов культурного творчества, информации о мире и человеке и т.п.

Культуру рассматривают в широком смысле слова как общее у всех народов, наций и в узком смысле – как культуры отдельных этносов, социальных групп, сфер деятельности. Выделяют также некоторые внутрикультурные явления – субкультуры.

Соотношение культуры и религии до сих пор порождает острую дискуссию в кругах философов и богословов. Одни считают, что религия есть один из элементов культуры, другие – что именно религия порождает и питает культуру. Некоторые воинствующие атеисты вообще выносят религию за пределы культуры.

Однако большинство ученых – философов, культурологов, религиоведов – соглашаются, что «религия «телесно» и духовно входит в мир человеческой культуры. Своими установлениями, предписаниями и запретами она проникает едва ли не во все

¹ Философский энциклопедический словарь / Гл.ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С.292.

сферы нашего бытия – в язык и мышление, в питание и интимные отношения, в традиции и обряды, в рутину и творчество, в профанное и священное»¹.

Несмотря на то, что на первый взгляд культуру породили практические потребности людей (необходимость создания орудий производства, оружия, строительства жилья, реализация природного потенциала разума, чувств, способностей), в ней проявляется также нечто иррациональное, интуитивное – вера, иллюзии, суеверие, эмоции – то есть то, что связано с религией.

Таким образом, по словам российского религиоведа проф. М.Г. Писманика «культура и религия – не случайные соседи. Внутренне они слиты с самого начала истории человечества»².

В рамках данного пособия рассматривается религиозная составляющая продуктов материальной культуры, точнее – сохранность и правовая защита культурных ценностей религиозного назначения в Российской Федерации.

Согласно Основам законодательства Российской Федерации о культуре, под **культурными ценностями** понимаются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Культурное наследие народов Российской Федерации - материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию (ст.3).

Статья 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» раскрывает понятие объектов культурного наследия

¹ Религия в истории и культуре / Под ред. проф. М.Г. Писманика. – М.: Юнити, 2000. – С. 345.

² Там же, С. 346.

и указывает критерии их ценности как общественного достояния: хронологический (древность), эстетический (красота), сакральный (религиозная ценность), мемориальный (память о выдающихся людях).

Таким образом, **объектами культурного наследия** являются объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, **представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры** и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

К таким объектам Закон относит памятники, ансамбли и достопримечательные места.

Памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе **памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений**); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки.

Ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также **памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья)**, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены

к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

Достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; **места совершения религиозных обрядов.**

Памятники религиозного назначения являются составной частью национального духовного и культурного наследия народов Российской Федерации, сохранение и развитие которого относится к числу приоритетов государства и общества.

Будучи материальными предметами, они могут разрушаться в результате атмосферного влияния, быть поврежденными от внешнего физического воздействия, и, наконец, их могут похитить. Вследствие этого возникает весьма важная проблема – обеспечение охраны культовых зданий, необходимость учета культовых предметов, что является показателем их юридической защиты и способствует при необходимости идентификации предмета.

Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в ст. 6 формулирует понятие государственной охраны культурного наследия, под которой подразумевается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или

причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия в соответствии с настоящим Федеральным законом.

К правовым мерам государственной охраны культурного наследия, являющимся предметом нашего рассмотрения, относится система международного и российского законодательства об охране культурных ценностей. Она состоит из международных договоров и конвенций, участницей которых является Российская Федерация, и ратифицированных в установленном порядке, поскольку, согласно Конституции, они являются составной частью правовой системы Российской Федерации, а также собственно из законодательства РФ.

Российская Федерация является участницей:

– Конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (Гаага, 14 мая 1954 года);

– Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Париж 1972 г.);

– Конвенции Совета Европы «Об охране архитектурного наследия Европы» (Гранада, 3 октября 1985 года).

Участники этих Конвенций признали в качестве всемирного культурного наследия движимые или недвижимые ценности, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей.

Государства, ратифицировавшие Конвенции, обязались уважать культурные ценности, расположенные на их собственной территории, а также на территории других государств-участников, запрещая использование этих ценностей в целях, которые могут привести к их разрушению или повреждению и воздерживаясь от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей. Они обязались, кроме того, запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты

кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей. Участники обязались воздерживаться от принятия любых репрессивных мер, направленных против культурных ценностей.

Нормативной базой сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Российской Федерации является:

– Конституция Российской Федерации, где устанавливается, что каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 42 ч. 2, 3 Конституции Российской Федерации)

Согласно п. «е» ст. 71 Конституции Российской Федерации в ведении Российской Федерации находятся установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации.

Статья 72 Конституции Российской Федерации закрепляет, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится охрана памятников истории и культуры;

– Основы законодательства Российской Федерации о культуре, определяющие, что каждый человек имеет право на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным библиотечным, музейным, архивным фондам, иным собраниям во всех областях культурной деятельности;

– Гражданский кодекс Российской Федерации, которым регулируется оборот объектов культурного наследия, а именно, порядок приобретения их в государственную, муниципальную или частную собственность, заключения договора аренды объектов культурного наследия, договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия, в т.ч. религиозными организациями;

– Земельный кодекс Российской Федерации, согласно которому земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также в границах территорий выявленных объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения, правовой режим которых регулируется Земельным кодексом Российской Федерации.

– Градостроительный кодекс Российской Федерации, который регулирует связанные с архитектурными памятниками отношения по территориальному планированию, градостроительному зонированию, планировке территории, архитектурно-строительному проектированию, отношения по строительству объектов капитального строительства, их реконструкции;

– Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" от 26 мая 1996 года N 54-ФЗ определяет особенности правового положения Музейного фонда Российской Федерации, а также особенности создания и правовое положение музеев в Российской Федерации.

– Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ, регулирующий отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и направленный на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

– Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. № 4804-1, принятый с целью охранять культурное наследие народов России, защищать культурные ценности от незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на них. Закон призван также способствовать развитию международного культурного сотрудничества, взаимному ознакомлению народов Российской Федерации и других государств с культурными ценностями друг друга;

– Положение о передаче религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, утвержденное постановлением Правительства РФ от 30 июня 2001 г. № 490. Данное положение определяет порядок передачи религиозным организациям в собственность либо пользование недвижимого имущества религиозного назначения (**здания и сооружения с относящимися к ним земельными участками, в том числе монастырские и иные культовые комплексы, построенные для совершения и обеспечения богослужений, молитвенных и религиозных собраний, других религиозных обрядов и церемоний, а также профессионального религиозного образования**) и движимого имущества религиозного назначения (**предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений или предметы, предназначенные для богослужбных и иных религиозных целей**), в том числе входящего в состав особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации или отнесенного к памятникам истории и культуры.

– Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865. Положение формулирует понятие памятников истории и культуры как сооружений, памятных мест и предметов, связанных с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведений материального и духовного творчества, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность и относит к ним памятники истории и археологии, градостроительства, архитектуры, искусства и документальные памятники.

Указанное положение определяет порядок учета, хранения, использования, контроля, реставрации, консервации и ремонта памятников истории и культуры, а также устанавливает ответственность за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры.

Помимо этого, существует ряд ведомственных документов, инструкций, разъяснений, писем, которые конкретизируют положения вышеуказанных нормативных актов по отдельным вопросам использования и охраны культурных ценностей.

Литература

1. Будагов Р.А. История слов в истории общества. – М., 1971.
2. Доусон К.Г. Религия и культура / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. Кожурин К.Я. – СПб.: Алетейя, 2000.
3. Колупаева А.С. Музеи и церковь: аспекты государственной культурной политики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 4. – М.: Изд. РАГС, 2001.
4. Ленин В.И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. – 5 изд. – т. 12.
5. Ленин В.И. Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 29.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. об атеизме, религии и церкви / Редкол.: А.Ф. Окулов (пред.) и др. – 2-е изд., доп. – М.: Мысль, 1986.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. I. – Изд. 2. – М., 1955.
8. Мамардашвили М.К. Форма превращения. – Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970.
9. Михновский Д.В. К постановке проблемы взаимоотношений религии с культурой // Культура и религия: Сборник трудов. – Ленинград: Гос. музей истории религии и атеизма, 1977.
10. О музейном фонде Российской Федерации и музеях в российской Федерации: [Федер. закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ].
11. Об архивном деле в Российской Федерации: [Федер. закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ].

12. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: [Закон РФ от 9.10.1992 г. № 3612-1].
13. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: [Федер. закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ].
14. О вывозе и ввозе культурных ценностей: [Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1].
15. О приватизации в Российской Федерации недвижимых памятников истории и культуры местного значения: [Указ Президента РФ от 26.11.1994 г. № 2121].
16. Положение об охране и использовании памятников истории и культуры: [Утв. Пост. СМ СССР от 16.09.1982 г. № 865].
17. Поправко Е.А. Процесс реституции имущества религиозных организаций и музейное дело в Приморье// Религия и право. – 2005. – № 2.
18. Религия в истории и культуре / Под ред. проф. М.Г. Писманика. – М.: Юнити, 2000.
19. Солодовников В.В. Основы христианской культурологии. – М.: Изд. МТИ РЦ ХВЕ, 2009.
20. Сугай Л. А. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX – начала XX века //Труды ГАСК. Выпуск II. Мир культуры. – М.: ГАСК, 2000.
21. Тэнасе А. Культура и религия / Пер. с румын. – М.: Политиздат, 1977.
22. Фейербах Л. Сущность христианства // Избр. филос. произв. – Т. 2. – М., 1955.

ЛЕКЦИЯ № 16.

Реализация права на свободу совести в Вооруженных Силах и местах лишения свободы

В научной и юридической литературе при определении отношений государства и религиозных объединений обычно применяется термин **государственно-конфессиональные отношения**, под которыми понимается совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между государством и его институтами и институциональными образованиями различных религий. Эти отношения, закрепленные законодательно, раскрывают представления о месте и роли религии в обществе, определяют сферу деятельности религиозных объединений, устанавливают компетенцию всех субъектов отношений.

Верующие граждане, в соответствии с конституционными принципами свободы совести, вероисповедания, мысли, слова и права на объединение, также в той или иной мере являются участниками государственно-конфессиональных отношений. Военнослужащим, как гражданам России, несмотря на определенные ограничения (например, запрещается создавать религиозные объединения в воинских частях), гарантированы те же права. В связи с этим возникает необходимость регулирования отношений по реализации их права на свободу совести.

В начале 90-х годов XX в. появилось понятие «военно-церковные» или «военно-конфессиональные» отношения, суть которого на тот период заключалась в возникновении и формировании специфических отношений между Вооруженными силами и другими силовыми структурами и религиозными объединениями.

Военно-конфессиональные отношения не есть что-то отдельное, самостоятельное, но являются неотъемлемой частью системы государственно-конфессиональных отношений и представляют собой «совокупность юридически закрепленных принципов и исторически сложившихся форм взаимодействия органов военного управления Вооруженных сил Российской Федерации с религиозными организациями в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства,

воспитания военнослужащих и гражданского персонала, а также в целях соблюдения законных вероисповедных прав и свобод граждан и религиозных объединений»¹.

В процессе реализации военно-конфессиональных отношений выявляются и решаются вопросы соотношения свободы совести и воинского долга, духовного компонента в патриотическом воспитании военнослужащих, воздействия религиозного фактора на систему национальной безопасности.

Понятие «военно-конфессиональные» охватывает не только отношения между военными и религиозными институциональными образованиями, но и отношения мировоззренческого характера, поскольку в армии служат как верующие различных конфессий (православные, католики, протестанты, мусульмане и т.д.), так и атеисты. Между этими группами складываются определенные связи на основе общности конфессиональных взглядов или отсутствия таковых. Учитывая специфику армейской жизни, в 90-х годах выявилась связанная с этим проблема, которая также нуждается в разрешении.

Проблемы войны и мира, возможность верующему служить в армии и вообще брать в руки оружие, принесение клятвы в воинской присяге – эти богословские и нравственные вопросы всегда стояли перед верующими людьми.

С древности у многих народов военная служба имела религиозное освящение. Существовал культ богов-покровителей воинов, например, Марс у римлян или Óдин – у древних скандинавов.

У христиан отношение к воинской службе прошло долгий путь развития: от полного отрицания в первых веках до провозглашения защиты Отечества священным долгом христианина – сегодня.

Буквальное понимание заповеди «не убий» и отказ от военной службы по религиозным убеждениям существовало во все времена. Еще Тертуллиан (ок. 160 – после 220) говорил: «Прежде всего нужно рассмотреть, могут ли христиане вообще

¹ Мозговой С.А. «Военно-религиозные отношения»: методологические подходы к определению понятия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. - № 2(26). – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С.112.

быть солдатами? Какое значение имеет толковать о постороннем, когда уже само предположение несправедливо по существу». Христианский апологет Лактанций в своем главном сочинении «Божественные наставления» задавал вопрос: «Зачем воевать и вмешиваться в чужие распри тому, кто в душе своей мирен со всеми людьми?»¹.

Даже известное благословение святым Сергием Радонежским великого князя московского Дмитрия Ивановича на битву при Куликовом поле приобретает другое понимание, когда узнаешь все обстоятельства, при которых оно было дано. Не все знают, что вначале преподобный Сергей предложил князю откупиться от Орды данью, а не русской кровью. «Прежде, господине, пойдя к ним с правдою и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Князь молчит, и тогда о.Сергий продолжает: «Ведь и Василий Великий утолил дарами нечестивого Юлиана, и Господь призрел на смирение Василия и низложил Юлиана». Видя, что князь по-прежнему не внемлет, не хочет, не может увидеть альтернативы, св. Сергей обозначает этот другой возможный вариант еще более четко: Враг хочет от нас чести и злата, дадим ему это. Отдай им, господине, честь и злато, и Бог не допустит им одолеть нас. Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их гордость.

И только когда стало ясно, что князь по-прежнему не воспринимает смысл сказанного ему; не видит, что в будущем лежит и другой путь, другая возможность, только тогда св. Сергей благословил его на битву. И в момент прощания наклонился и шепнул: – Ты победишь. Так открылось святому в ту минуту»².

В эпоху Возрождения явился целый ряд философов-гуманистов, таких как Франческо Петрарка, Лоренцо Валла, Эразм Роттердамский, Мишель Монтень и др., обличавших войны как проявление варварства и жестокости.

С другой стороны, имелось достаточно трудов, утверждавших обратное³. Августин еще в V веке в труде «О граде Божьем» обосновал понятие о «справедливой войне» в

¹ Цит. по: Пчелинцев А.В. Право не стрелять. Альтернативная гражданская служба. – М.: Паллада, 1997. – С.11.

² Горбовский А.А. Колдуны, целители, пророки. – М.: Мысль, 1993. – С. 123-124.

³ Напр.: Карашев А.Ф. Отношение христиан первых трех веков к военной службе. – Изд.2-е. – Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1914.

защиту веры и церкви; в XIII в. эту идею подхватил и детально разработал Фома Аквинский. Он утверждал, что война является естественным средством восстановления международной справедливости и допустима при соблюдении трех условий: «1) война предпринимается законной компетентной государственной властью; 2) она ведется на достаточном основании, т.е. если имеется важная причина; 3) она обоснована намерением через вероятную победу достичь мира»¹. Католическая церковь, взяв на вооружение это учение, вполне оправдывала им практически все поддерживаемые ею войны.

Однако в связи с изменением исторических условий позиция Католической церкви по отношению к войне и миру начала меняться. После двух мировых войн с многомиллионными жертвами, а, особенно, после появления оружия массового уничтожения, учение о справедливых и несправедливых войнах было подвергнуто коренному пересмотру. По словам папы Иоанна-Павла II, война «полностью неприемлема как средство решения споров между нациями»².

Если говорить о Русской православной церкви, то она, «издревле считала, что воинское служение является особым духовно-нравственным подвигом во имя ближнего, сопряженным со смертельной опасностью и готовностью положить жизнь за Отечество. Сложившаяся в Православной церкви богословская трактовка проблем войны, вооруженного насилия и воинского служения способствовала формированию идеологического фундамента государственной военной политики, военно-церковных отношений»³.

Обосновывая тезис о возможности военной службы для христианина, Православная церковь ссылается на то, что библейская заповедь «не убий» имеет общее значение, но в частных случаях, например, при защите отечества, нужно применять другие места Священного Писания. В книге Екклесиаста говорится: «Всему свое время, и время всякой вещи

¹ Баргош Ю. Фома Аквинский / Пер. с польск. – М., 1975. – С.82.

² Груздев В.М. Формирование концепции войны и мира в социальной доктрине католицизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. - № 3(27) – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С.124.

³ Рогоза В.А. Развитие христианского учения о войне и воинском служении в русском православии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. - № 4(28). – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С. 137.

под небом. Время рождаться, и время умирать... Время убивать, и время врачевать; время разрушать и время строить... время войне, и время миру» (3:1-3,8).

Что касается необходимости применять насилие, то обычно сторонники этого отсылают к главе 13 Послания Апостола Павла к христианам Рима: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению... ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, **ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое**» (1-2,4).

Идею о возможности и даже необходимости войны поддерживали и некоторые русские религиозные философы, такие, например, как И. А. Ильин, который в своей работе «О сопротивлении злу силою» говорил, что человек имеет не только право, но и обязанность употребить насилие, если оно «оказывается единственным или наименее несправедливым исходом»¹.

Тем не менее, вопрос об отношении христианства к насилию и войне, как в богословском, так и в социально-политическом смысле остается спорным, и конечной инстанцией в этом становится нравственное чувство каждого человека. Тот же И.А. Ильин, задавая вопрос: «Может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека?», отвечал: «Убить человека может быть делом правовой обязанности, но не нравственного долга»².

Однако если нравственное чувство противится обязанности применить насилие, человек может, несмотря ни на что, сделать выбор в пользу первого. В своей книге «Право не стрелять» А.В. Пчелинцев приводит некоторые случаи отказа от военной службы по религиозным убеждениям.

В 1818 г. пять крестьян Тамбовской губернии за отказ служить в солдатах были сосланы на Кавказ «для исправления и приучения к воинской дисциплине». Во время физических

¹ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Христоролюбивое воинство. – М., 1997. – С.41

² Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Христоролюбивое воинство. – М., 1997. – С. 28.

наказаний (их прогоняли сквозь строй солдат, которые наносили удары шпицрутенами¹) они говорили: «Все люди равны, не будем убивать на войне людей-братьев. Можете на куски резать нас, мы не сдадимся, не наденем шинели, не будем пайка есть, не будем солдатами...».

В 1927 г. отказались от военной службы по религиозным убеждениям гвардейцы Николаев и Богданов, за что их прогнали сквозь строй и отдали в арестантские роты. В 1849 г. отказался присягать крестьянин Московской губернии 19 лет от роду молоканин Иван Шурупов, за что был заточен в Соловецкий монастырь².

Как уже говорилось, православие традиционно определяет военную службу в качестве особого вида христианского служения. Церковь и государство всегда уделяли большое внимание духовному состоянию «христоролюбивого воинства», для чего содержали в армии и на флоте штат военного духовенства.

В структуру военного ведомства Российской империи XIX в. входили обер-священник главного штаба и обер-священник армии (впоследствии он был переименован в протопресвитера военного и морского духовенства). Они руководили военным духовенством и всей сетью постоянных гарнизонных и походных церквей воинских частей и соединений.

На армейское и флотское духовенство была возложена обязанность духовного окормления военнослужащих, а также обеспечение морально-воспитательных целей. Кроме того, оно в армии исполняло функции, которые осуществляло приходское духовенство. Полковые священники, например, вели исповедные ведомости, записи актов гражданского состояния и т.п.

Поднимая патриотический дух солдат накануне Первой мировой войны, «Вестник военного и морского духовенства» писал: «Война выявляет не только темные стороны человеческой природы; война может пробуждать и все великое, благородное,

¹ Шпицрутены – длинные прутья для телесных наказаний. Применялись в российской армии в 1701-1863 гг.; во второй четверти XIX в. применялись к участникам крестьянских волнений.

² Пчелинцев А.В. Право не стрелять. Альтернативная гражданская служба. – М.: Паллада, 1997. – С.15.

дремлющее в народе; ...она вызывает сердечную готовность жертвования, любовь к Отечеству и сострадание»¹.

Даже в советское время, когда подавлялась сама идея веры в Бога, историки религии, правда с идеологическими оговорками, вынуждены были согласиться с положительной ролью военных священников в духовном воспитании солдат и матросов. «Нельзя отрицать значение деятельности армейского духовенства в общей совокупности причин высокой воинской доблести русского солдата в Отечественной войне 1812 г., Севастопольской обороне, шипкинской эпопее. Солдатская масса в XIX в. шла в бой с лозунгом «За веру, царя и отечество», и армейское духовенство делало, конечно, все возможное, чтобы использовать естественные патриотические чувства народа в интересах самодержавия и церкви... Если к этому добавить, что особенно в названных войнах XIX в. церковь участвовала в организации медико-санитарной службы, помощи инвалидам, беженцам и т.п., то станет ясно необходимость взвешенного и объективного взгляда на роль церкви в экстремальных событиях жизни народа в XIX в.»².

После Октябрьского переворота одним из первых документов Советской власти был Декрет Совета Народных Комиссаров от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», пункт 6 которого гласил: «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения под условием замены одной гражданской обязанности другой, в каждом отдельном случае допускается по решению народного суда»³. Таким образом, Россия одной из первых (после Великобритании (1916) и Дании (1917)) приняла законы, признающие и учитывающие право своих граждан отказываться от военной службы по религиозным убеждениям. Причем, в основу решения этих вопросов положен принцип индивидуального подхода, дающий возможность отказнику обосновать свои убеждения в суде.

¹ Говоров А. Как должен христианин смотреть на войну? // Вестник военного и морского духовенства. – 1913. - № 3. – С.126

² Русское православие: веки истории / Под ред. А.И. Клибанова. – М.: Политиздат, 1989. – С. 329-330.

³ Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов) / Под ред. В.А. Куроедова и А.С. Панкратова. – М.: Юридическая литература, 1971. – С.56.

Следующим шагом в реализации провозглашенного права на свободу совести был подписанный В.И. Лениным 4 января 1919 года декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Согласно этому документу, лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставлялось право по решению народного суда заменить ее на срок призыва санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующий общепользуемой работой по выбору самого призываемого¹.

В дальнейшем, разумеется, возможность такого отказа от военной службы была упразднена вместе с остатками религиозной и иных свобод. В 1927 г. было принято «Положение о воинских преступлениях», где присутствовала статья, предусматривающая уголовное наказание за уклонение от несения обязательной службы «в частности под предлогом религиозных или иных убеждений».

Верующие военнослужащие подвергались гонениям со стороны командования, идеологической обработке политруков-замполитов, надзору «особистов» воинских частей. Особой «опеки» удостоивались те из них, кто по соображениям совести отказывался от воинской присяги. Дело в том, что до недавнего времени текст присяги содержал слова «Я клянусь...», что является недопустимым для многих христиан на основании стихов 34-37 главы 5 Евангелия от Матфея: «А Я говорю вам: **не клянись вовсе**: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; в что сверх этого, то от лукавого».

Голос совести запрещает этим верующим делать то, что требует светский закон. Несмотря на указание Библии повиноваться закону государства, она же определяет и границы этого повиновения: если закон требует нарушить какое-либо Божье установление, верующий может не подчиниться, ибо в этом случае «должно повиноваться больше Богу, нежели

¹ См. полный текст документа в: Пчелинцев А.В. Право не стрелять. Альтернативная гражданская служба. – М.: Паллада, 1997. – С.23.

человекам» (Деяния Апостолов, 5:29). Нужно лишь помнить, что такое неподчинение носит только пассивный характер.

Военнослужащие, отказывавшиеся от военной присяги, основывались, помимо Библии, также и на слова христианского богослова IV-V вв. Иоанна Златоуста, который, хотя и соглашался с возможностью военной службы, но считал недопустимым принятие христианином клятвы. В «Слове о присяге к приводящим и приводимым» он писал: «Не так поражает меч, как клятва; не так убивает меч, как удар клятвы. Поклявшийся, хотя и кажется живым, но получил смертельную рану. Как взявший веревку (преступник, которого с веревкой на шее ведут на место казни – А.П.), еще раньше, нежели выйдет из города и придет к пропасти (в которую он будет брошен палачом – А.П.) и увидит перед собою палача, уже начинает умирать при самом выходе из дверей суда, так то же бывает и с клянущимся. Будем размышлять над этим и не станем принуждать людей к клятве...»¹.

Вот только Советское государство с его материалистическим мировоззрением и атеистической идеологией свободу совести понимало по-своему, и «отказники» по религиозным убеждениям широким потоком шли в тюрьму или психиатрическую больницу с диагнозом «шизофрения на религиозной почве» или что-то подобное.

В 90-х годах XX в. ситуация несколько изменилась. 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина, ст. 15 которой предоставляла право замены военной службы на выполнение альтернативных гражданских обязанностей каждому гражданину, убеждениям которого противоречит несение военной службы. Однако данное положение носило сугубо декларативный характер, также, как и ст. 59 принятой 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, которая, хотя и имеет прямое действие, но без принятия специального закона не могла реально предоставить альтернативную гражданскую службу.

¹ Пчелинцев А.В. Воинская присяга и заповедь «не клянись» // Диалоги о вере. Религиоведческий информационно-аналитический журнал. – Вып. 1. – СПб, 1999. – С.96-97.

Не изменило положение и принятие в 1997 г. закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», продублировавшего вышеуказанное право.

Девятилетний период между вступлением в действие ст. 59 Конституции России и принятием закона, регламентирующего прохождение альтернативной гражданской службы, был временем ломки старых представлений о соотношении понятий «человек» и «гражданин», «личность» и «государство», их правах и свободах, в т.ч. о свободе совести.

Пока в умах чиновников и судей шла переоценка ценностей, верующие пытались воспользоваться своими конституционными правами. На практике это выражалось в обращении в военкоматы, а затем в суды с просьбой предоставить альтернативную гражданскую службу взамен военной. Отсутствие закона об альтернативной службе и непонимание, как это можно на основании Конституции «откосить» от военной службы, приводило к тому, что призывников либо насильно увозили с призывных комиссий в воинские части, либо привлекали к уголовной ответственности за уклонение от несения военной службы.

В конце концов, нашелся некий компромисс, заключавшийся в том, что суды признавали за «отказниками» по убеждениям совести право на такую замену, а военкоматы на основании решений судов предоставляли им отсрочку от призыва «до принятия соответствующего закона».

Такой закон, после долгих дискуссий и доработок, был принят 25 июля 2002 г. под наименованием «Об альтернативной гражданской службе». 1 января 2004 года он вступил в силу.

Согласно ст.1 Закона, под альтернативной гражданской службой понимается особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву. Помимо самого Закона, эта трудовая деятельность регулируется также Трудовым кодексом РФ.

Закон «Об альтернативной гражданской службе» (в дальнейшем - АГС) определил категорию лиц, направляемых для ее прохождения, место, срок, организацию и порядок прохождения службы.

На АГС направляются граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, не пребывающие в запасе и имеющие право на замену военной службы АГС. Срок АГС в 1,75 раза превышает срок военной службы и составляет 42 месяца, а для окончивших высшие учебные заведения – 21 месяц. Если гражданин проходит АГС в организациях Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов (МВД, ФСБ и т.п.), срок его службы в 1,5 раза превышает военную службу и составляет 36, а для окончивших ВУЗы – 18 месяцев.

Граждане проходят АГС, как правило, за пределами территорий субъектов РФ, в которых они постоянно проживают. В отдельных случаях они могут быть направлены для прохождения АГС в организации в регионе их проживания.

Отдельная глава посвящена организации направления граждан на альтернативную гражданскую службу.

Гражданин вправе подать заявление о замене военной службы АГС до 1 апреля и до 1 октября, т. е. за полгода до призыва. В заявлении они **должны обосновать** свои убеждения, препятствующие им нести военную службу (ст.11).

На наш взгляд, в этом требовании проявилась в некотором роде коллизия законов: с одной стороны, п.2 ст.29 Конституции РФ гласит, что никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них, т.е. согласно этой норме, гражданину достаточно объявить о своих убеждениях, чтобы получить право на АГС. С другой – государство вправе убедиться в том, что призывник действительно не может нести военную службу в соответствии со своими религиозными или пацифистскими воззрениями, а не с целью уклониться от тягот армейской службы. Но в любом случае, доказать свои религиозные убеждения людям, имеющим иное мировоззрение, весьма сложно и на практике (на призывной комиссии или в суде) этот процесс протекает очень болезненно.

Особое внимание в Законе уделяется порядку прохождения АГС, правам и обязанностям граждан, ее проходящих, оплате их труда, социальному страхованию и пенсионному обеспечению, а также ответственности за нарушение законодательства, регулирующего АГС.

Несмотря на некоторые недостатки и пробелы, проявившиеся за время действия Закона, мы, наконец, получили зримое

подтверждение действительной реализации конституционного права человека на свободу совести.

Не все верующие разделяют идею невозможности несения военной службы. Большинство конфессий рассматривают исполнение воинского долга в качестве естественной, допускаемой Богом необходимости, а некоторые (например, то же православие и ислам) – как особый вид служения Богу.

Следует помнить, что в соответствии с п. 2 ст.14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозная организация не может призывать своих последователей к отказу от исполнения гражданских обязанностей, к которым относится и воинский долг; в противном случае ей грозит ликвидация по решению суда. Право отказаться от военной службы в пользу АГС Конституция предоставляет личности, гражданину и именно он принимает решение, к которому побуждает его совесть. Практика показывает, что количество граждан, изъявивших желание трудиться на альтернативной гражданской службе, исчисляются лишь десятками из многотысячной армии призывников. Остальные служат с оружием в руках.

Оставаясь верующими, эти военнослужащие пользуются правом свободы совести наравне с другими гражданами. Опытные воспитатели в армии знают, что именно такие верующие солдаты и матросы хорошо несут службу, дисциплинированы и патриотичны. Поэтому при проведении воспитательной работы они учитывают религиозный фактор и используют его, не препятствуя, а, наоборот, поощряя военнослужащих интересоваться религией, приглашают священнослужителей, дают возможность солдатам посещать в свободное время богослужения и т.д.

Конечно, и здесь бывают перегибы. Закон запрещает создание религиозных организаций в воинских частях (как, впрочем, и политических партий). Это сделано в целях недопущения политизации и клерикализации армии как дестабилизирующего фактора, негативно отражающегося на обороноспособности государства. Тем не менее, последние годы мы наблюдаем обратную тенденцию: отдельные конфессии пытаются получить монополию на духовное влияние в армии.

В 1994 г. Министерство обороны РФ и Московская патриархия РПЦ подписали Совместное заявление о сотрудничестве Вооруженных сил и Русской Православной Церковью. Впоследствии аналогичные соглашения с Церковью заключили Министерство внутренних дел, Федеральная пограничная служба, Министерство по чрезвычайным ситуациям, Минатом, Главспецстрой, Главное управление казачьих войск при Президенте РФ и др. Эти заявления породили множество нареканий со стороны трезвых политиков, усмотревших в них попытку клерикализации армии, а также обративших внимание на неравноправное положение других конфессий.

Несмотря на это, спустя три года министр обороны подписал с патриархом новое соглашение, значительно расширяющее сферу и формы сотрудничества. После этого на страницах газеты «Красная звезда» в номер от 29.04.1997 г. была дана информация с комментариями генерал-майора А.В. Черкасова, где было сказано, что взаимодействие с другими религиозными объединениями необходимо осуществлять **только через Русскую Православную Церковь**, ее синодальный Отдел по связям с Вооруженными силами и правоохранительными органами¹.

Министерство обороны пошло еще дальше: в ряде военно-учебных заведений стали преподаваться богословские предметы. В 1996 г., например, для военнослужащих и членов их семей в Военной академии ракетных войск им. Ф.Э. Дзержинского (ныне Военная академия им. Петра Великого) был создан факультет православной культуры. Подобные факультеты открыты в учебных заведениях МВД РФ².

Религиозные предпочтения руководства Вооруженных сил не должны влиять на убеждения подчиненных им военнослужащих, многие из которых, являясь мусульманами, католиками, протестантами и.д., не разделяют мировоззренческие позиции своих командиров, со всеми вытекающими последствиями —

¹ См. Мозговой С.А. Тенденции клерикализации Российской армии // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. Материалы научно-практического семинара / Под. ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002. – С. 137-148.

² Там же, С.140.

вплоть до отказа служить в воинских частях, где насаждается православная идеология.

В современных условиях, когда в мире имеются очаги конфликтов, в которых присутствует религиозный компонент, государство и его Вооруженные силы не должны подчеркивать свою приверженность той или иной религии. Непродуманные решения в военно-конфессиональных отношениях могут стать дестабилизирующим обстоятельством, катализатором межрелигиозных противоречий и основанных на них националистических настроений, которые приводят к центробежным процессам в армии и обществе.

Поэтому религиозный фактор в воспитательной деятельности должен использоваться с учетом конституционного принципа идеологического разнообразия и равенства всех конфессий перед законом.

Как уже говорилось выше, верующие военнослужащие, будучи гражданами России, пользуются всеми правами, предоставляемыми законодательством, в том числе правом на свободу совести. Однако, учитывая специфику военной службы, законодатель ставит определенные рамки. Так, пункт 4 ст. 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», говоря об участии военнослужащих в богослужениях и других религиозных обрядах и церемониях, делает оговорку: «с учетом требований воинских уставов». Другими словами, если солдат желает в воскресенье пойти в храм на богослужение (или на пятничный намаз в мечеть), но в это время находится на боевом дежурстве или в наряде, он должен подчиниться уставу.

Гарантируя право на исповедание своей личной веры, государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности (п.2 ст. 4), а должностным лицам органов государственной власти, других государственных органов, в т.ч. военнослужащим, категорически запрещено использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии у подчиненных (п.4 ст.4).

В Федеральном законе «О статусе военнослужащих», принятом 27 мая 1998 г., вопросам свободы совести посвящено три статьи.

Ст. 8 определяет правовое положение верующих военнослужащих.

Военнослужащие вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях только **в свободное от военной службы время** и только как **частные лица**.

Они не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии.

Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально.

Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов. Это вытекает из принципа светскости государства и отделения от него религиозных объединений.

Подтверждая ст.6 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», закон «О статусе военнослужащих» запрещает создание в воинских частях религиозных объединений. Использование законодателем общего термина «религиозных объединений», означает, что нельзя создавать не только организации, т.е. зарегистрированные объединения, но даже и религиозные группы. Однако это противоречит следующей фразе п.5 ст. 8: «Религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира». По смыслу закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» это мероприятие ни что иное, как собрание религиозной группы (данное противоречие автор приводит как еще один пример коллизии законов).

Статья 9 отмечает, что военнослужащие могут состоять в общественных, в том числе религиозных, объединениях, но при соблюдении двух условий:

- эти объединения не должны преследовать политические цели;
- военнослужащие могут участвовать в их деятельности, не находясь при исполнении служебных обязанностей, т.е. как частные лица.

Статья 10 фактически дублирует п. 2 ст. 8, запрещая использовать служебное положение в интересах какой-либо организации, в т.ч. религиозной, а также для пропаганды отношения к ним.

Другая категория лиц, право на свободу совести и свободу вероисповедания которых осуществляется под определенными условиями, являются **подозреваемые, обвиняемые и осужденные, содержащиеся под стражей.**

Подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, а также осужденные, продолжая оставаться российскими гражданами, пользуются правами и свободами, установленными для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными федеральным законодательством.

Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» предоставляет право религиозным организациям проводить религиозные обряды «в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, по просьбам находящихся в них граждан в помещениях, специально выделяемых администрацией для этих целей» (п. 3 ст. 16).

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июня 1995 г., определяя правовой статус подозреваемых и обвиняемых, запрещает их дискриминацию по признаку отношения к религии.

В условиях, когда человек не принадлежит себе и находится в полной зависимости от внешних сил и обстоятельств, крайне важно иметь хотя бы формальные гарантии своих прав. Поэтому запрещение дискриминации по религиозному признаку, а также предусмотренное ст. 17 право подозреваемых и обвиняемых отправлять религиозные обряды в местах содержания под стражей, иметь при себе религиозную литературу и предметы религиозного культа, являются для них хорошим стабилизирующим фактором, стимулирующим сотрудничество с государством и его органами.

Утвержденные приказом МВД РФ и согласованные с Генеральной прокуратурой Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, не только декларируют

право свободы совести, но и предоставляют возможность его реализации. Они устанавливают порядок отправления верующими религиозных обрядов.

Так, пункт 6.46. говорит, что подозреваемые и обвиняемые отправляют религиозные обряды в камерах, а при наличии возможности – в специально оборудованных для этих целей помещениях ИВС в соответствии с традициями религиозных конфессий, к которым они принадлежат. Конечно, на практике такие помещения в переполненных ИВС выделить сложно, но администрация для встречи, например, со священнослужителем, возможность которой также предусмотрена Правилами, предоставляет либо следственный кабинет, либо другое подобное помещение, исключающее возможность побега.

Если речь идет о следственных изоляторах, то в некоторых регионах там имеются специальные помещения для отправления религиозных нужд верующих, и они пользуются спросом.

Люди, находящиеся в местах содержания под стражей, являются не обычными гражданами, а лицами, подозреваемыми или обвиняемыми в совершении уголовных преступлений. Поэтому их права подлежат ограничениям, предусмотренным законодательством РФ.

В законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится, что проведение религиозных обрядов в помещениях мест содержания под стражей допускается с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства. Закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» право отправления религиозных обрядов верующими оговаривает требованием: при условии соблюдения Правил внутреннего распорядка и прав других подозреваемых и обвиняемых. Таким образом, закон указывает, что основная обязанность содержащихся под стражей все-таки сотрудничество со следствием, а не исполнение религиозных обрядов.

Подозреваемые и обвиняемые, согласно законодательству, считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому их статус, права и обязанности регулируются Уголовно-процессуальным кодексом,

а также вышеприведенными Законом и Правилами. После вступления приговора суда в законную силу они именуется **осужденными** и на них начинает распространяться Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Осужденным, согласно ст. 14, гарантируется свобода совести и свобода вероисповеданий. Осуществление права на свободу совести является добровольным, т.е. никто не может быть принужден принимать ту или иную религию или не принимать вообще. Однако при этом не должны нарушаться правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказание, а также ущемляться права других лиц.

К осужденным к аресту или лишению свободы по их просьбе приглашаются священнослужители, принадлежащие к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям, по выбору осужденных. Из данного положения мы видим, что приглашение священнослужителя является правом осужденного, следовательно, в принципе, администрация обязана выполнить его просьбу. На практике же все зависит от понимания и добросовестности руководителя учреждения, исполняющего наказание.

Как и в отношении подозреваемых и обвиняемых, для проведения осужденными религиозных обрядов администрация выделяет соответствующее помещение. Сотрудники учреждений, выполняющие воспитательные функции, давно уже поняли значение религиозного фактора для процесса перевоспитания осужденных. Поэтому большинство колоний имеют такие помещения, и администрация не препятствует посещению осужденных представителями различных конфессий, особенно тех из них, которые духовную работу с осужденными ведут не от случая к случаю, а постоянно. Более того, взаимодействие с религиозными объединениями предусмотрено Положением о Федеральной службе исполнения наказаний¹.

Тяжело больным осужденным, а также осужденным к смертной казни² перед исполнением приговора по их просьбе обеспечивается возможность совершить все необходимые

¹ Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 13 сентября 2004 г. № 1314.

² На смертную казнь наложен мораторий, но в Уголовном кодексе эта исключительная мера наказания не отменена.

религиозные обряды с приглашением священнослужителя (ст.ст. 14; 185). Эта древняя традиция нашла свое закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации.

Литература

1. Баргош Ю. Фома Аквинский / Пер. с польск. – М., 1975.
2. Белая книга. О нарушениях свободы совести в Российской Федерации (1994-1996) / под ред. Л.С. Левинсона. – М.: Аллегро-Пресс, 1997.
3. Веремчук В.И. Религия и военная служба: взаимодействие в процессе социального управления // Религия и право. – 2004. - № 1.
4. Говоров А. Как должен христианин смотреть на войну? // Вестник военного и морского духовенства. – 1913. - № 3.
5. Горбовский А.А. Колдуны, целители, пророки. – М.: Мысль, 1993.
6. Груздев В.М. Формирование концепции войны и мира в социальной доктрине католицизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. – № 3(27) – М.: Изд-во РАГС, 2001.
7. Декларация прав и свобод человека и гражданина (принята Верховным Советом РСФСР 22.11.1991 г.). – М., 1992.
8. Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов) / Под. ред. В.А. Куроедова и А.С. Панкратова. – М.: Юридическая литература, 1971.
9. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Христолюбивое воинство. – М., 1997.
10. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Христолюбивое воинство. – М., 1997.
11. Карашев А.Ф. Отношение христиан первых трех веков к военной службе. – Изд.2-е. – Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1914.
12. Конституция Российской Федерации.
13. Мозговой С.А. Тенденции клерикализации Российской армии // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. Материалы научно-

практического семинара / Под. ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002.

14. Мозговой С.А. Проблемы регулирования права военнослужащих и призывников на свободу совести и вероисповедания // Религиоведения. – 2001. - №1.

15. Мозговой С.А. «Военно-религиозные отношения»: методологические подходы к определению понятия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. - № 2(26). – М.: Изд-во РАГС, 2001.

16. О воинской обязанности и военной службе [Федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ].

17. О статусе военнослужащих [Федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ].

18. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Федер. закон от 15.06.1995 г. № 103-ФЗ]

19. Пчелинцев А.В. Армия. Религия. Закон. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

20. Пчелинцев А.В. Воинская присяга и заповедь «не клянись» // Диалоги о вере. Религиоведческий информационно-аналитический журнал. – Вып. 1. – СПб, 1999.

21. Пчелинцев А.В. Право не стрелять. Альтернативная гражданская служба. – М.: Паллада, 1997. Пчелинцев А.В. На пути к военной реформе: Альтернативная гражданская служба // Религия и право. – 1998. – № 1-2.

22. Рогоза В.А. Развитие христианского учения о войне и воинском служении в русском православии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. - № 4(28). – М.: Изд-во РАГС, 2001.

23. Русское православие: вехи истории / Под ред. А.И. Клибанова. – М.: Политиздат, 1989.

24. Религия и армия // Религия и право. –1998. – № 4-5.

25. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

ЛЕКЦИЯ № 17.

Религиоведческая экспертиза: проблемы и пути решения

Права и свободы человека реализуются в результате множества факторов политического, правового, экономического характера. Одним из таких факторов являются *правовые гарантии* – система мер обеспечения этих прав и свобод.

В зависимости от критериев правовые гарантии делятся на международно-правовые и внутригосударственные, материальные и процессуальные, судебные и внесудебные, нормативные и инструментальные¹. Рассматриваемый нами предмет – **экспертиза**, будучи специальным методом познания истины, как раз и является одним из правовых *инструментов*, применяемым для обеспечения гарантий различного рода прав и свобод.

Под экспертизой (от лат. *expertus* – опытный) понимается исследование специалистом (экспертом) каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т.п.²

В более узком смысле – это основанное на использовании накопленных человеческих знаний и опыта изучение какой-либо проблемы, выполненное по поручению заинтересованных лиц и проводимое по определенным правилам специально отобранными высококвалифицированными специалистами, с целью установления обстоятельств, необходимых для принятия решений по конкретным вопросам³.

Данная лекция посвящена специальным исследованиям, проводимым для изучения проблем, связанных с отношениями в *религиозной сфере*, именуемым **религиоведческой экспертизой**.

Религиоведческую экспертизу можно рассматривать как **основанную на определенных принципах и условиях такую систематизацию информации о той или иной религии,**

¹ См.: Пчелинцев А.В. Государственная религиоведческая экспертиза в системе правовых гарантий свободы совести и вероисповедания // Основы религиоведческой экспертизы: Сборник научных статей. – М.: Институт религии и права, 2002. – С. 5.

² См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 1532.

³ См.: Загребина И.В. Государственная религиоведческая экспертиза: теория и практика. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – С. 9.

религиозной организации или группы, которая позволяет ответить на социально значимые вопросы.

Поскольку такая экспертиза нужна, в первую очередь, властям и правосудию, она должна отвечать именно на эти, *социально значимые вопросы*, а не, например, вопросы об исторических истоках тех или иных ритуалов или особенностях богослужебного облачения, что может быть темой научной статьи, но не предметом экспертного заключения. Таковыми они могут стать, только если с этим связан значимый для правосудия факт.

Несмотря на то, что экспертизы производятся практически во всех сферах человеческой деятельности, теоретическое развитие в правовой доктрине Российской Федерации институт экспертизы получил только в части судебной экспертизы. Внесудебная экспертиза практически не изучена. Это приводит к правовым коллизиям в законодательстве Российской Федерации и спорным ситуациям в юридической практике.

Проблемы религиоведческой экспертизы появились не на пустом месте. Всем, наверное, понятно, что религиозные отношения – весьма и весьма тонкая материя, поскольку связана с духовной сферой сознания, на которой замешан, помимо всего прочего, национально-культурный компонент человеческого бытия. Поэтому любая ошибка в оценке этих отношений может вызвать национально-религиозный конфликт, как это имело место, например, в 1980-х и 2021 годах XX века в Карабахе.

Если говорить о религиоведческой экспертизе, которая чаще всего проводится до суда (по заказу органов юстиции, прокуратуры, следствия), то она до настоящего времени практически не разработана в праве и только сейчас пытается найти свое теоретическое осмысление в рамках научных изысканий. Пока неисследованными остаются такие важные вопросы, как природа и признаки религиоведческой экспертизы, условия и специальные методы ее проведения, предмет и объект экспертизы, статус эксперта при производстве религиоведческой экспертизы и пределы применения специальных знаний, проблемы комплексной и комиссионной экспертиз и др.

Рассматривая религиоведческую экспертизу как таковую, мы можем заметить, что проводится она (а точнее, должна проводиться) достаточно узким специалистом (ученым-

религиоведом), но цель проведения – оказание помощи в принятии правового решения судом (судьей), по определению не являющимся таким специалистом, но, будучи юристом, могущим (имеющим право и обязанным) дать оценку действиям, описанным в экспертном заключении. И здесь мы наблюдаем как бы две природы экспертизы: собственно научную и юридическую. Эти две природы связаны между собой до такой степени, что заказчик часто впадает в соблазн поставить экспертные вопросы таким образом, чтобы специалист-религиовед прямо оценил какое-либо явление или действие в качестве законного или неправомерного. К сожалению, сегодня, пожалуй, каждая вторая религиоведческая экспертиза содержит в себе подобную проблему. И это несмотря на то, что п. 23 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» прямо запрещает постановку перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, а именно: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды». Поскольку в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» религиозная организация априори выделена в качестве возможной экстремистской организации (п. 2 ст. 1), заказчики экспертизы (прокуратура, следствие, органы юстиции) ничтоже сумняшеся требуют от эксперта ответить именно на эти вопросы, и не только в вышеуказанной форме, но и буквально: является ли данная организация *церковью* или *сектой* (!), посягают ли тексты ее священных книг на права людей или призывают к экстремизму и т.п. несуразицы.

Причины такого положения с религиоведческой экспертизой известны:

– низкий уровень религиоведческой грамотности у инициаторов проведения экспертиз;

– правовая, научная и методологическая неразработанность религиоведческой экспертизы;

– недостаток или полное отсутствие специалистов-религиоведов на местах;

– вследствие этого – проведение религиоведческих экспертиз некомпетентными людьми (философами нерелигиоведческой направленности, филологами, историками, учителями общеобразовательных школ и даже лицами с техническим образованием);

– при подборе экспертов для исследования *религиозных* текстов суды, прокуратура или органы юстиции ограничиваются, как правило, только филологами, не владеющими религиоведческими познаниями;

– экспертизы по выявлению признаков экстремизма в *религиозной* среде весьма редко проводятся с участием ученых-религиоведов и *почти никогда* не привлекаются специалисты в религиозно-правовой сфере.

Однако, если даже экспертизу проводит человек, изучавший религиоведение в университете, защитивший диссертацию и имеющий научные труды – не факт, что он может выносить заключение по любым проблемам, связанным с религией. Например, он специалист по православию или католицизму, а экспертиза необходима по протестантам или мусульманам. Тем не менее, по малочисленности религиоведческого сообщества, в особенности в удаленных от центра областях именно ему, скорее всего, поручат экспертизу по любой религиоведческой проблеме. А следствие, а затем и суд положат ее в основу решения. Хотя, строго говоря, этот религиовед здесь выступает, скорее, в качестве эрудита в области религии, чем специалиста, способного провести качественную экспертизу.

Учитывая бесконечное разнообразие религиозной жизни, сомнительно, что один религиовед сможет охватить своей эрудицией все известные до сих пор религии. Но даже если представить себе такого человека, это вовсе не значит, что в очередной раз он не встретит совершенно новый, ни на что не похожий, уникальный религиозный феномен. Большинство религиоведов специализируется по какой-нибудь одной религии

(как правило, уже хорошо изученной) или по группе родственных религий. Если учесть, что наибольшее число социальных проблем связано именно с новыми религиозными движениями, такая религиоведческая эрудиция может иметь для проведения экспертизы только методологическое значение.

Но это не означает, что религиоведческая экспертиза невозможна или не нужна; без таковой власть и правосудие не смогут справиться с очень многими проблемами. Их представители, будь то законодатели, администрация, милиция, контрразведка, прокуратура, суд, в подавляющем большинстве случаев вообще не имеют представления, с чем и с кем они имеют дело. А ведь иногда религиозные объединения являются собой массовые, экспансивные, хорошо организованные, мощные и разветвленные структуры со сложными и далеко идущими социальными (а иногда и политическими) программами. Кроме того, властям зачастую приходится принимать силовые решения в столь деликатной и глубоко личной сфере, как религия. Здесь без специалистов просто не обойтись. И тот факт, что одной религиоведческой эрудиции в данном случае недостаточно, лишь говорит о назревшей необходимости разработать методику религиоведческой экспертизы.

Какие обязанности это налагает на экспертов-религиоведов?

Эксперт должен добыть искомые данные. Как правило, заинтересованные лица (или органы) готовы предоставить уже накопленные ими материалы. Однако всякий ученый должен относиться с осторожностью и соответствующей критичностью к тем данным, которые получены не им самим или не его коллегами, чья исследовательская добросовестность признана научным сообществом. И главная причина в том, что эти лица и организации зачастую предоставляют либо тенденциозно подобранные материалы, либо сомнительные или непроверенные источники, либо данные, навеянные фантазией журналистов или политических публицистов.

Поэтому, какими бы материалами не снабдили его, специалист в любом случае обязан самолично ознакомиться с подлинными документами и практикой того или иного религиозного движения.

В каких-то случаях эксперт-религиовед может (а в некоторых и должен) привлечь для консультации коллегу, который

специализируется именно по данному или по родственному течению. Хочется обратить внимание, что это касается именно этапа собирания данных, а не этапа их анализа, поскольку методикой такого анализа может владеть любой религиовед, и, есть такое мнение, даже лучше, если применять ее будет исследователь, для которого анализируемый материал сравнительно нов.

Эксперт-религиовед имеет дело с двумя источниками информации – с документами и с верующими (в том числе бывшими). Из документов наибольшее значение имеют те, что признаны авторитетными (священными, боговдохновенными и т.п.), но нельзя пренебрегать и тем, что называется «человеческими документами», то есть дневниками верующих, перепиской и т.п. Из верующих наиболее ценными свидетелями являются лидеры общины, поскольку их суждения обладают соответствующим авторитетом для рядовых членов общины; что же касается последних, то в большинстве случаев целесообразно применять репрезентативный опрос. Нужно помнить, что к обоим типам источникам следует относиться критично, ибо религиозный дискурс конкретной конфессии или самостоятельной общины иногда создается искусственно (как, например, саентология) и часто корректируется («Церковь Христа», Свидетели Иеговы).

Собирание данных включает в себя момент систематизации, поскольку эксперт отбирает именно те материалы, которые позволят ему выполнить поставленную задачу. Например, при экспертизе, связанной с регистрацией новой, ранее не известной, религиозной организации первым является, собственно, отграничение религиозных феноменов от нерелигиозных. Иногда бывает трудно отличить религиозную идеологию от политической, религиозные обряды от гражданских, религиозную общину от психотерапевтической группы или коммерческой организации. Поскольку имеется множество авторитетных определений религии, чтобы сравнивать нет необходимости что-то придумывать. Нужно только определить, что именно в религии интересует государство. Его, по сути, не очень должно интересовать, во что и как верит гражданин. Государством религия должна, прежде всего, рассматриваться как некая система императивов социально значимого поведения.

Чем эта система отличается, скажем, от права, ведь право также можно представить в качестве системы подобных императивов? Различие состоит в том, что императивы права всегда подкреплены силой государства или какой-либо иной корпорации, берущей на себя функции государства, тогда как императивы религии (которые, следует отметить, могут одновременно являться и императивами права) подкреплены чем-то другим. В данном случае – верой в воздаяние со стороны высших сил мироздания.

Доктрина воздаяния включает в себя представление о высшей цели человеческой жизни, а также о том, как именно следует себя вести, чтобы достичь этой цели. Например, в христианстве высшей целью человеческой жизни провозглашается достижение спасения, Царства небесного; достижение этой цели обусловлено верой, делами веры, праведностью и т.п., т.е. некоторые усилия (правильные, праведные) ведут к желаемому результату, тогда как другие (неправильные, греховные) ведут к результату обратному.

Если право основывается на том, что человек предвидит те или иные наказания со стороны властей, то в религии человек верит, что то или иное его поведение повлечет адекватное воздаяние со стороны высших сил. Например, императив «не убий» может быть одновременно и правовым, и религиозным. В первом случае человек следует ему, поскольку остерегается наказания со стороны реальных земных властей, во втором – поскольку верит в соответствующее воздаяние со стороны высших сил мироздания, будь то Бог, боги, Небо, космический закон и т.п. И такое воздаяние может быть осуществлено в этой жизни, в последующей, в загробной, в конце мировой истории и т.д.; оно может быть индивидуальным и коллективным, абсолютным (от вечной гибели до вечного блаженства) и относительным (подобным деятельности земных властей) – в зависимости от учения конкретной религии. Бывают религии, которые не имеют сформировавшегося культа (системы ритуалов), священного писания (например, в бесписьменных культурах), организованной общины и т.д. Но нет религии без веры в воздаяние (карма (индуизм, буддизм), «что посеет человек, то и пожнет» (христианство) и т.п.).

Итак, имея в виду правовую сторону природы религиоведческой экспертизы, религия для нее есть система социально значимых императивов, подкрепленная верой в воздание со стороны высших сил. Это определение не отрицает других, имеющихся в современной науке определений религии, оно лишь очерчивает поле исследований для экспертов-религиоведов.

Сбор и анализ данных о предмете внесудебной религиоведческой экспертизы должны закончиться ответами на те вопросы, которые задает эксперту заинтересованная организация, фактически – выработкой рекомендаций. Однако здесь должна вступать в свои права этика эксперта-религиоведа. Нормы данной этики еще нуждаются в разработке, хотя один ее пункт очевиден: эксперт-религиовед ни в коем случае не может (и не должен) рекомендовать запрет или преследование той или иной группы; не может он и заключить, является ли она экстремистской (это вопрос суда, а не эксперта). И не только потому, что это попирает свободу совести, но и из понимания, что подпольная религиозность только усиливает социально опасные потенции тех или иных религиозных групп. Если вы хотите ограничить или контролировать активность религиозной группы, кажущейся вам опасной, оставьте ее на поверхности общественной жизни, на свету общественного мнения и науки, поставьте ее на специальный учет и под особый надзор, изучайте ее, привлекая, кстати, для этого ученых-религиоведов.

Несмотря на то, что религиоведческая экспертиза является необходимым правовым инструментом в области государственно-конфессиональных отношений, какой-либо подготовки эксперта-религиоведа попросту не существует. При этом, поскольку законодательно не определены требования к такому специалисту, данного рода экспертизу, как уже говорилось выше, проводят люди, не только не имеющие ученой степени и научных трудов по данной тематике, но порой и высшего образования, что, безусловно, не способствует успешному развитию практики проведения этих экспертиз. Привлечение же к процедуре религиоведческой экспертизы ведущих ученых-религиоведов нашей страны свидетельствовало бы о достоверности и высоком качестве проведения экспертизы.

В связи с этим еще 10-15 лет назад возник вопрос о подготовке практиков (и ученых) достаточно редкой, но необходимой специальности – религиоведческих правоведов (или юридических религиоведов – даже наименование еще не выработалось) – в общем, специалистов в области религии и права. Это должны быть юристы с религиоведческой специализацией для разрешения конфликтов в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. Уже появилось достаточно много хороших религиоведов и хороших юристов, но вышеуказанных специалистов едва ли наберется десяток на всю страну.

Подготовка подобных специалистов будет способствовать не только разрешению конфликтных ситуаций в религиозной сфере, но и повысит качество религиоведческой экспертизы, поскольку такой религиовед сможет хорошо ориентироваться не только в собственно научной, но и в правовой части экспертизы, проводя ее либо сам, либо оказывая помощь коллегам.

Краткие основы религиоведческой экспертизы.

В конце 1990-х годов стали предприниматься попытки подойти к научно-правовой и методологической разработке религиоведческой экспертизы. Этой тематике посвящали свои работы такие ученые и практики как Л.Н. Виноградова, А.Г. Залужный, Г.А. Крылова, А.В. Пчелинцев, Ю.С. Савенко, Ю.В. Тихонравов, Т.В. Томаева и др.¹

Однако первая и пока единственная научная работа, освещающая проблематику правового регулирования религиоведческой экспертизы – «Государственная религиоведческая экспертиза: теория и практика»² – вышла в свет только в 2012 г. Ее автор, к.ю.н. И.В. Загребина, председатель правления «Гильдии экспертов по религии и праву» и гл. редактор журнала «Юридическое религиоведение», в своей адвокатской практике не раз сталкивалась с конфликтами,

¹ См. Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998; Основы религиоведческой экспертизы: Сб. науч. ст. / Под ред. А.В. Пчелинцева. – М.: Институт религии и права, 2002; Крылова Г.А. Свобода совести на весах правосудия. – М.: «Олимп», 1998.

² Загребина И.В. Государственная религиоведческая экспертиза: теория и практика. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

связанными с пробелами в теоретической разработанности религиоведческой экспертизы. Следствием обобщения и осмысления этих проблем стала указанная книга, опираясь на выводы которой мы осветим тему параграфа.

Институт государственной религиоведческой экспертизы (ГРЭ) был введен Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В 1998 г. постановлением Правительства РФ № 565 установлен Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы, определявший, что она проводится Минюстом России и его территориальными органами **при государственной регистрации религиозных организаций**.

Основными задачами экспертизы, согласно Порядка, на тот момент являлись:

- определение религиозного характера регистрируемой организации на основании представленных учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики;

- проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией материалах, относительно основ ее вероучения.

Указанные задачи были исчерпывающими и не подлежали расширительному толкованию. На это было обращено внимание в п. 6 Порядка, который гласил: «Запрос регистрирующего органа, поданный в случаях, не предусмотренных пунктом 2 настоящего Порядка, не подлежит рассмотрению, о чем экспертный совет уведомляет регистрирующий орган» (п. 2 Порядка определял необходимость проведения ГРЭ в случае возникновения у регистрирующего органа сомнений, является ли данная организация религиозной, а также для проверки достоверности сведений относительно основ ее вероучения и соответствующей ему практики).

В 2009 г. вышеуказанное постановление утратило силу и вопросы религиоведческой экспертизы были переданы на усмотрение Министерства юстиции РФ. 18.02.2009 г. приказом МЮ РФ № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» были утверждены новый Порядок проведения ГРЭ и Положение об Экспертном совете по проведению ГРЭ. Однако ни в одном из этих документов не раскрывается само понятия «государственная

религиоведческая экспертиза», что сразу породило возможность произвольного толкования ее задач. Это выразилось в значительном расширении функций ГРЭ далеко за пределы регистрации религиозных организаций¹.

Термин «государственная религиоведческая экспертиза» можно определить двояко: с одной стороны – как процессуальные отношения, урегулированные нормами права, возникающие при применении института государственной религиоведческой экспертизы субъектами права, в рамках которых происходит процесс назначения, проведения и применения экспертизы.

С другой – как независимое объективное исследование учредительных и иных документов, а также практики регистрируемой организации, основанное на достоверных и научно-обоснованных методиках, проводимое по решению регистрирующего уполномоченного органа уполномоченными экспертами и специалистами в области религиоведения и государственно-конфессиональных отношений на предмет определения религиозного характера организации и достоверности сведений относительно основ вероучения религиозного объединения и соответствующей ему практики.

В соответствии с п. 2 Порядка проведения Государственной религиоведческой экспертизы, она основывается на **принципах** «соблюдения права на свободу совести и свободу вероисповедания, иных прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, прав религиозных организаций, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований. Экспертиза имеет комплексный характер».

Последний тезис означает, что экспертная комиссия должна включать ученых из разных областей научного знания: религиоведов; правоведов, в том числе специализирующихся на изучении вопросов взаимодействия религиозных объединений и

¹См.: п. 7 Порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы // Приложение № 1 к Приказу Минюста РФ от 18 февраля 2009 г. № 53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ceur.ru/library/docs/departmental_regulations/item131088/ (дата обращения 20.05.2014).

государства, а также профилактики религиозной вражды; лингвистов; историков и психологов, специализирующихся на изучении религиозного феномена и религиозной жизни общества.

К самостоятельным принципам, к сожалению, не закрепленным законодательно, можно отнести также следующие:

– принцип гласности, означающий необходимость освещения результатов религиоведческой экспертизы через СМИ (требование которого, кстати, содержится в п. 16 Порядка проведения ГРЭ);

– принцип компетентности эксперта. Сегодняшняя практика показывает, что если уровень эксперта не соответствует степени сложности проводимого исследования, это влияет на независимость эксперта и приводит к ошибочному, неквалифицированному заключению;

– принцип научности. Он обязывает эксперта руководствоваться исключительно научными критериями, а не чувствами (что зачастую наблюдается при недостаточной компетентности лица, проводящего экспертизу). Также принцип научности подразумевает использование экспертом *только* научно-обоснованных методов и методик с учетом существующих достижений в области научного религиоведения.

Целью государственной религиоведческой экспертизы является проведение всестороннего объективного квалифицированного экспертного исследования религиозной организации на предмет определения религиозного характера ее мировоззренческой доктрины и соответствующей ей практики. Причем, речь идет не о простой констатации установленных экспертом новых (или известных) фактов, а в их профессиональной оценке¹.

Помимо этой общей, *стратегической* цели можно выделить частную, *тактическую* цель, которая реализуется в рамках отдельного задания и состоит в установлении фактических данных в соответствии с поставленными перед экспертами вопросами.

И, наконец, *конкретной* целью отдельной экспертизы будет решение задач именно этого определенного исследования.

Задачи экспертизы установлены п. 4 Порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы. Ими являются:

¹ См.: Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 2000. – С. 36.

а) определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики;

б) проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ ее вероучения;

в) проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности.

Как уже говорилось, в сравнении с аналогичным документом 1998 г. (см. выше) полномочия Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы значительно расширились. Если раньше его функции ограничивались только рамками *регистрации* религиозной организации (причем, особо подчеркивалось, что запросы регистрирующего органа, выходящие за пределы указанных в постановлении Правительства задач, не подлежали рассмотрению), то сейчас Минюст вправе назначать экспертизу практически в любой период ее деятельности и по любому поводу. Об этом недвусмысленно говорит п/п «е» п. 7 Порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы: «Минюст России (его территориальный орган) вправе направить запрос о проведении экспертизы в следующих случаях:

... е) в иных случаях при возникновении при государственной регистрации и (или) **осуществлении контроля** (выделено мной – А.П.) за соблюдением религиозной организацией устава относительно целей и порядка ее деятельности вопросов, требующих специальных знаний». И это притом, что п. 8 ст. 11 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» продолжает настаивать, что ГРЭ проводится только при государственной регистрации религиозной организации и ничего не говорит о ее проведении в процессе последующей деятельности.

Таким образом, приказ Минюста, будучи подзаконным нормативным актом управления, прямо нарушает действующий Федеральный закон.

Можно было бы не уделять особого внимания пределам применения ГРЭ, если бы не многочисленные факты нарушений гражданских прав с использованием данного вида экспертизы¹.

С одной стороны, конечно, государство в лице своих органов (в данном случае – Минюста), вправе контролировать деятельность любых организаций, действующих в пределах их юрисдикции (даже не саму деятельность, а соблюдение ими законодательства²). С другой же – **внесудебная** экспертиза, к каковой относится ГРЭ, в должной мере не изучена и законодательно не закреплена (например, не определено правовое положение эксперта и статус экспертного заключения). Все это делает ГРЭ опасным орудием в руках конфессионально обусловленных или недобросовестных чиновников, могущим способствовать нарушению стабильности в обществе.

Предмет и объект любой экспертизы должны быть соотносимы с предметом и объектом той отрасли специальных знаний, которые применяются в данном исследовании. Исходя из этого **предметом** государственной религиоведческой экспертизы является *определение религиозного характера мировоззренческой доктрины религиозного объединения и достоверности сведений относительно основ вероучения и соответствующей им практике, устанавливаемые на основе специальных познаний и исследовании учредительных и иных документов.*

Что касается **объекта** ГРЭ, то здесь дело обстоит сложнее. Например, Ю.В. Тихонравов считает, что «к объектам религиоведческой экспертизы следует отнести, прежде всего, самих верующих», поскольку указанная экспертиза по объекту «едина с судебной психиатрией». Правда, далее он оговаривается, что религиоведческая экспертиза должна также изучать религиозные документы и предметы культа, которые «являются **исключительным объектом религиоведческой экспертизы**»³.

¹ См., напр.: Существует ли в России свобода совести? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yablor.ru/blogs/suschestvuet-li-v-rossii-svoboda-so/3000516> (дата обращения 31.05.2014).

² В соответствии с п. 1 ст. 15 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями (если они не противоречат законодательству РФ), поэтому Минюст не вправе контролировать непосредственно их деятельность, но лишь выполнение ими положений собственного устава.

³ Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. – С. 208.

Представляется, что первое утверждения, скорее всего, неверно, поскольку человек (его психика) есть объект психологической и психиатрической экспертиз. Объектом религиоведческой экспертизы он может быть только имея в виду ее *комплексный* характер (например, с участием психолога).

Со вторым утверждением вышеуказанного автора можно согласиться, ибо оно совпадает с определением объекта в основополагающем документе о ГРЭ – п. 3. Приказа Минюста РФ от 18.02.2009 г. № 53:

«Объектами экспертизы являются:

- а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов;
- б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики;
- в) формы и методы деятельности религиозной организации;
- г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии;
- д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру;
- е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией».

Субъектами Государственной религиоведческой экспертизы могут быть «юридические и физические лица, участвующие в ГРЭ в качестве задействованной стороны и имеющие соответствующие полномочия»¹. В частности, такими субъектами являются: орган, назначающий экспертизу (правомочный субъект – Минюст РФ), Экспертный совет при Министерстве юстиции РФ, экспертные советы по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлениях Минюста РФ в субъектах Российской Федерации (субъекты, выступающие в роли экспертов).

Тем не менее, правовой статус эксперта до настоящего времени остается не исследованным и законодательно не определенным. В сегодняшней практике, к сожалению, экспертом называют любого информанта, к которому обращаются за советом или мнением по какой-либо конкретной проблеме. Отсюда, как уже говорилось, религиоведческие

¹ Загребина И.В. Государственная религиоведческая экспертиза. – С. 37.

экспертизы зачастую проводят лица, не имеющие соответствующего образования и профессионального опыта.

Однако в процессе экспертной деятельности выработались некоторые признаки, позволяющие считать человека экспертом. Это: безусловно наличие высшего образования; желательно – соответствующая квалификация, подтвержденная ученой степенью; немаловажен опыт профессиональной деятельности и ее успешность; обязательна подтвержденная научными работами компетентность в своей предметной сфере, причем, она должна быть близка к объекту экспертирования. Наконец, эксперт должен быть способен делать выводы в более широком контексте, чем это традиционно принято в научной среде.

Религиоведение – сравнительно новая (особенно в России) и весьма специфическая научная дисциплина. Учитывая, что обучение религиоведов в нашей стране ведется лишь со второй половины 90-х годов XX в., а о подготовке экспертов говорить вообще не приходится, экспертное сообщество в этой области представляет собой не более 2-3 десятков человек. Проблем же, связанных с государственно-конфессиональными и межконфессиональными отношениями, нуждающихся в религиоведческих решениях (включая экспертные), как показывает практика, гораздо больше, чем могут обеспечить имеющиеся в наличии специалисты. Поэтому целесообразно было бы организовать их соответствующую подготовку, по окончании которой выдается специальный сертификат (тем более, что подобный опыт уже существует¹).

Подобную аттестацию экспертов-религиоведов можно осуществлять в крупных религиоведческих центрах России – Центре изучения религии РГГУ, на кафедрах религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, Казанского (Приволжского) федерального университета и др.

¹ Например, в Российском федеральном центре судебной экспертизы сертификацию проводят специализированные лаборатории внутри самого Центра. По окончании стажировки выдается сертификат, который требует подтверждения прохождением аттестации раз в 3-5 лет.

Литература

1. Загребина И.В. Государственная религиоведческая экспертиза: теория и практика. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
2. Крылова Г.А. Свобода совести на весах правосудия. – М.: «Олимп», 1998.
3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Р.В. Маранова. – М.: Славянский правовой центр, 2011.
4. Основы религиоведческой экспертизы: Сб. науч. ст. / Под ред. А.В. Пчелинцева. – М.: Институт религии и права, 2002.
5. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания: Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский, С.В. Чугунов. - 4-е изд., испр. и доп. – М.: Славянский правовой центр, 2012.
6. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 2000.
7. Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.
8. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание) / С.А. Кузнецов, С.М. Оленников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. Дом В. Ема, 2014.

ЛЕКЦИЯ № 18.

Практические вопросы защиты свободы совести

Рассматривая Конституции СССР (1918, 1936, 1978 гг.), обнаруживаем, что они, декларируя права и свободы, обращаются к «трудящимся» или «гражданам», но никогда – к «человеку».

Гражданин, гражданство, согласно Энциклопедическому словарю, это правовая принадлежность лица к данному государству. В силу гражданства на человека распространяются законы государства, установленные гражданские права и обязанности¹. Употребление в главном законе государства термина «гражданин» вместо «человек и гражданин» показывает, что высшей ценностью он объявляет не личность как таковую, но само государство. Это подтверждается, например, уголовными кодексами республик СССР, где ответственность за государственные преступления всегда была выше, чем за преступления против личности.

«Человек» в биологическом смысле – высшая ступень живых организмов на Земле, развившаяся в процессе эволюции, представитель вида *homo sapiens*. В социальном – субъект исторического процесса развития материальной и духовной культуры². Такое определение характерно для атеистических государств, не признающих Бога в качестве творца человеческих существ.

Понятие «человек» шире «гражданина»: гражданин всегда – человек, но человек может и не быть гражданином. **Государство** имеет дело с **гражданином** – эти два понятия соответствуют друг другу по своему правовому статусу; **человек** же соответствует понятию **общество** (которое, кстати, не имеет правового статуса).

Для Бога человек является абсолютной ценностью, независимо от его политического, социального или экономического статуса. В соответствии с этим Он наделил человека правами и свободами – воли, мысли, совести,

¹ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 334.

² Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – С. 539.

убеждений. Государство может только констатировать их наличие и обеспечивать (или ограничивать) на своей территории их реализацию. Степень реализации прав и свобод человека определяет уровень правового состояния государства.

Общепризнанные акты международного права, начиная с Всеобщей декларации прав человека, провозглашают, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Таким образом, международное сообщество исходит из понимания, что личные права и свободы человека возникают и существуют не по соизволению государства. Основой прав и свобод является данное Богом достоинство. Согласно преамбуле Всеобщей декларации прав человека и Пактам о правах, признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав, является основой свободы, справедливости и всеобщего мира.

На основе этих утверждений всем присоединившимся государствам предлагается взять ответственность по обеспечению прав и свобод **человека** на территории своей юрисдикции и распространить их на всех своих **граждан**, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения. Эта ответственность, проявляющаяся в правовых гарантиях и обеспечении реализации прав и свобод, и будет являться основным признаком демократического государства.

Из сказанного, кроме всего прочего, вытекает, что права человека и права гражданина различаются по источнику их происхождения. Источником некоторых политических, экономических, социальных или культурных прав **граждан** может быть государство, например, право двойного гражданства, избирательное право, право на забастовку, право на бесплатную юридическую помощь, на бесплатное жилье для малоимущих, право на пользование учреждениями культуры и т.п.

Источником личных прав и свобод **человека** является Бог (или в терминологии Всеобщей декларации прав человека – «достоинство, присущее всем членам человеческой семьи»).

Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов,

деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Непосредственность действия конституционных прав и свобод человека и гражданина проявляется в том, что для их признания нет необходимости принимать специальные законы и подзаконные акты. Вместе с тем, для надлежащей реализации прав и свобод требуется дополнительная нормативно-правовая регламентация в целях установления более полной и конкретной системы их гарантий. Непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина проявляется также в уведомительном принципе их реализации; дополнительного разрешения государственных органов для этого не требуется.

Права и свободы человека и гражданина неприкосновенны и нерушимы. Государство не только должно воздерживаться от вмешательства в сферу прав и свобод, но обязано создать действенный правовой механизм для их реализации – принять соответствующие законы,

создать специальные учреждения по охране гражданских прав. Это суд, органы охраны общественного порядка, прокуратура; могут быть созданы и другие государственные или муниципальные органы, защищающие права и свободы. Конституцией РФ, например, в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, введена должность **Уполномоченного по правам человека**, который осуществляет свою деятельность на основе Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

Согласно ст. 1, средствами, указанными в данном Законе, Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты.

Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод (ст.3).

Важной гарантией деятельности Уполномоченного по правам человека является его независимость и неприкосновенность. Статья 2 говорит, что при осуществлении полномочий он независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам, но руководствуется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», законодательством Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

Неприкосновенность Уполномоченного на весь срок его полномочий установлена ст. 12 Конституционного закона, согласно которой он не может быть без согласия Государственной Думы привлечен к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут обыску, за исключением случаев задержания на месте преступления, а также подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц. Неприкосновенность Уполномоченного распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебное транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы.

Рассмотрев жалобу и найдя, что права и свободы человека действительно нарушены, уполномоченный вправе:

1) обратиться в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, а также лично либо через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах;

2) обратиться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или

административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина;

3) обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда, определения или постановления суда либо постановления судьи;

4) изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора;

5) обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле (ст. 29).

Уполномоченный по правам человека может опубликовать сделанное им по какому-либо факту заключение, причем, государственные СМИ не вправе отказать ему в такой публикации.

Государство также обязано содействовать общественности в создании и деятельности правозащитных организаций. В России имеется достаточно таких общественных организаций, в том числе по защите свободы совести, например, Московская Хельсинская Группа, Комитет защиты свободы совести, Движение за права человека, Институт свободы совести и др.

Особое место в ряду правозащитных организаций занимают Институт религии права и Славянский правовой центр, которые не только занимаются теоретическими разработками в области свободы совести, проводят конференции и семинары с религиоведами, юристами и представителями конфессий, издают уникальный журнал «Религия и право» но и ведут практическую правозащитную деятельность: выступают посредниками между религиозными объединениями и государственными органами по вопросам религиозной свободы; сотрудники Славянского правового центра участвуют в судебных процессах, представляют интересы религиозных объединений и отдельных верующих, в отношении которых нарушены их права, в Конституционном суде, а также в Европейском суде по правам человека и т.д.

Как уже неоднократно говорилось, свобода совести не может быть реализована без ее законодательного закрепления. В России, несмотря на недостатки, недоработки и пробелы, сложилась единая система норм, регулирующих эту разновидность прав и свобод, составившая институт свободы совести и свободы вероисповедания.

Этот правовой институт складывается из:

- норм Конституции Российской Федерации, фиксирующих основные положения свободы совести;

- общепризнанных принципов и норм международного права, закрепляющих свободу совести во всевозможных ее интерпретациях;

- положений международных договоров Российской Федерации, относящихся к обеспечению свободы совести;

- норм федерального законодательства, регулирующих защиту и ограничение свободы совести в России;

- положений договоров между государственными органами Российской Федерации и ее субъектов, затрагивающих свободу совести;

- норм конституций (уставов), а также иных правовых актов субъектов Российской Федерации, направленных на дополнительное регламентирование свободы совести в целях ее защиты в соответствующем субъекте;

- решений органов местного самоуправления, касающихся свободы совести;

- исходя из судебной практики всех уровней (судебные решения по вопросам свободы совести как международных судов по правам человека в отношении России, так и органов судебной системы Российской Федерации)¹.

Все вместе – законодательство о свободе совести и свободе вероисповедания, государственные и судебные органы, призванные проводить его в жизнь, общественные правозащитные организации – образуют механизм реализации права человека и гражданина на свободу совести в России.

¹ См.: Придворнов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповеданий в праве современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – С. 50-51.

В 1996 году Россия стала 39-м членом Совета Европы. С этого времени она согласилась следовать международным нормам, гарантирующим права человека, в том числе выработанной и признанной всеми государствами Всеобщей декларации прав человека.

Несмотря на то, что она представляет собой общепринятый стандарт прав человека и ее принципы являются частью нашей Конституции, сегодня, спустя более полувека с момента принятия Декларации, многие россияне не знают об этих правах или, может быть, знают только понаслышке.

Все международные правовые акты (декларации, договоры, акты), возникшие на основе Всеобщей декларации прав человека, не есть просто теория. Согласно ст. 1 Европейской Конвенции о защите прав человека, ратифицирующие ее государства автоматически принимают на себя двойное обязательство:

Во-первых, они должны обеспечить, чтобы их национальное законодательство соответствовало Конвенции. В некоторых случаях, для выполнения взятых на себя обязательств, государствам приходится вносить изменения в свое законодательство и практику.

Во-вторых, присоединяющиеся к Конвенции государства должны ликвидировать все имеющиеся в их законах положения, нарушающие защищаемые Конвенцией основные права и свободы. «Точно так же, как существуют законы, пресекающие воровство, разбой или убийство, так же существуют и законы, защищающие право на свободу слова, свободу убеждений и на свободу иметь и исповедовать свою религию»¹.

Следовательно, невыполнение вышеуказанных требований влечет за собой исключение государства из Совета Европы.

Таким образом, Российская Федерация приняла на себя обязательства исполнять все требования ратифицированных ею документов в области защиты свободы совести, для чего ей пришлось изменить и дополнить национальное законодательство так, чтобы оно соответствовало международным стандартам.

Что это за стандарты?

Свободе совести, как одному из важнейших прав личности, в числе первых признанному международным сообществом,

¹ Возрождение свободы совести и ее защита. Руководство по защите прав человека. – М.: Московская Хельсинская Группа, 1999. – С. 4.

посвящены основные положения всех международных документов по правам человека. Эти положения существенно влияют как на права личности в отношении ее убеждений, так и на права религиозных общин осуществлять свою деятельность законным образом.

Выделив из документов международного права вышеуказанные нормы, мы получим некие **стандарты**, которым должны соответствовать национальные законодательства.

Статья 18 **Всеобщей декларации прав человека**, принятой резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.:

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Поскольку основы права на свободу религии включают в себя право личности объединяться с другими и утверждать свою религиозную свободу «сообща с другими, публичным или частным порядком», то нельзя забывать, что религиозные сообщества защищаются еще и свободой ассоциации:

Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций (ст. 20).

И, наконец, *каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении ... религии (ст.2).*

Международный пакт о гражданских и политических правах, принят Генеральной ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., ратифицирован СССР 18 сентября 1973 г, вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.

Свободе религии или убеждений посвящена ст. 18:

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в

отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.

Право исповедовать религию предполагает закрепление в законе права свободного выражения своего мнения. Такое право предоставлено статьей 19 Пакта:

1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу иметь искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

Пакт также подтверждает право на свободу объединений, в которое понятие входит и право на объединения религиозные:

1. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов (ст.22).

Стандартом является требование ст. 20 Пакта о запрещении в национальных законодательствах любой дискриминации:

Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Рассматриваемый Пакт подкрепляет существующую защиту свободы религии, обязывая государства-участники уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под

их юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, без какого бы то ни было различия. Более того, Пакт не ограничивается изложением желательного идеала, но требует принять необходимые меры для его достижения:

*Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то: расы, цвета кожи, пола, языка, **религии**, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.*

Комиссия ООН по правам человека в своих Общих замечаниях № 18 (37), трактующих положения о равенстве, изложенные в Международном пакте о гражданских и политических правах, подчеркивая важность **недискриминации**, говорит: «Недискриминация, вместе с равенством перед законом, и равной защитой закона без всякого различия, составляют основной и наиболее общий принцип защиты прав человека»¹.

Сам Пакт не дает определения дискриминации, но Комиссия по правам человека, ссылаясь на общепринятое значение этого термина в международном праве, разъясняет, что «дискриминация» в смысле, используемом в Пакте, должна пониматься как обозначение любых различий, исключений, ограничений или предпочтений, по любому признаку, как, например, раса, цвет, пол, язык, **религия**, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, собственность, рождение или иное состояние, имеющее своей целью или результатом аннулирование или ущемление признания или пользования всеми правами с свободами всеми лицами, на равных основаниях².

Немаловажное значение при решении проблем, связанных с правом на свободу совести и деятельности религиозных

¹ Цит. по: Дурам К. Свобода религии и убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин // Обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь, 1999 г.- Варшава, 1999. – С.17.

² Там же.

объединений, придается самому термину «религия». С этими проблемами близко связан ряд других терминов, часто встречающихся при рассмотрении вопросов свободы религии, например, «церковь», «религиозная община», «секта» и т.д. Сложность состоит в том, что формулировки (определения) почти неизбежно приводят к угрозе дискриминации религиозных групп, оказывающихся на границе конкретного определения. Например, в России термин «церковь» все без исключения связывают с православием или католицизмом. Обывателями, а, зачастую, журналистами и даже некоторыми религиоведами, с подачи той же самой православной церкви, многие протестантские конфессии, а, тем более, новые религиозные движения, церковь не признаются. Конечно, использование таких терминов, как «секта» с целью опорочить или подвести под стереотип определенные религиозные группы, является недопустимым в контексте усилий, направленных на ликвидацию дискриминации и нетерпимости на основе религии и убеждений. Однако в мире наблюдается достаточно много случаев такого использования, в связи с чем религиоведами и филологами предпринимаются попытки разъяснить вышеуказанные термины с целью исключить оскорбления верующих произвольно толкуемыми формулировками¹.

Аналогичные ситуации возникают и с термином «религия». Философские вопросы, возникающие в процессе поисков удовлетворительного определения, исключительно сложны в теории. Поэтому Комиссия ООН по правам человека, комментирую ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, посвященную свободе совести, предлагает весьма обоснованный с практической точки зрения подход к данному термину:

Статья 18 защищает теистические, не-теистические и атеистические убеждения, так же как и право не исповедовать

¹ О термине «секта» см.: Кантеров И.Я. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. Материалы научно-практического семинара / Под ред. А.В.Пчелинцева и Т.В.Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002. – С.30-38; Крылова Г.А. Свобода совести на весах правосудия. – М.: Олимп, 1998. – С.247-249, 282-303; Прилуцкий А.М., Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления // Религиоведение. – 2006. - № 1 – С. 164-170.

никакой религии или убеждений. Термины «убеждения» и «религия» должны толковаться в широком смысле.

Статья 18 не ограничивается в своем применении традиционными религиями или религиями или убеждениями, имеющими институциональные характеристики, или культурами, аналогичными традиционным религиям. В связи с этим, Комиссия рассматривает с беспокойством любую попытку дискриминации любой религии или убеждений по любым причинам, включая тот факт, что они недавно образованы, или представляют религиозные меньшинства, которые могут являться предметом враждебности со стороны доминирующей религиозной общины¹.

Данный подход указывает, что термин «религия» должен толковаться в самом широком смысле и распространяться также на нетрадиционные и непопулярные системы верований. Одновременно признается, что защитой должны охватываться не только верующие в их свободе религии, но и неверующие, которые не должны подвергаться дискриминации из-за своих убеждений.

Статья 27 Пакта обеспечивает особую защиту от дискриминации для религиозных меньшинств:

В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.

Пакт не дает явного определения термина «меньшинства». С точки зрения статистики в любой стране в лучшем случае существует одна главная религия, а все остальные составляют меньшинства. Во многих странах ни одна из групп не находится в положении большинства. Существует тенденция воспринимать меньшинство как легко выделяемую группу, объединенную общим языком, традицией, этнической или религиозной

¹ Цит. по: Дурам К. Свобода религии и убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин // Обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь, 1999 г.- Варшава, 1999. – С.44-45.

принадлежностью. На практике в любой стране такие группы достаточно явно локализованы и легко узнаваемы.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Провозглашена резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г.

Данная Декларация уточняет и еще раз подтверждает антидискриминационные нормы Международного пакта о гражданских и политических правах.

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов, в учении.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным Законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц (ст.1).

Статья 2 запрещает дискриминацию на основе религии или убеждений не только со стороны государства, но также со стороны любого учреждения, группы лиц или отдельных лиц.

Пункт 2 ст. 2 определяет дискриминацию на основе религии или убеждений как *любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или удаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод.*

Статья 3 Декларации подчеркивает значение антидискриминационных норм ст. 2, отмечая, что *дискриминация на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как*

нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами.

Статья 4 обязывает все государства принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии и убеждений, для чего предлагает принимать или отменять, если это необходимо, законы для запрещения любой подобной дискриминации, а также принимать необходимые меры по борьбе против нетерпимости на основе религии или иных убеждений.

Статья 5 посвящена детальному рассмотрению прав родителей определять образ жизни в рамках семьи в соответствии со своей религией или убеждениями, а также прав ребенка на доступ к образованию в области религии или убеждений. Пункт 3 говорит:

Ребенок ограждается от любой формы дискриминации на основе религии или убеждений. Он должен воспитываться в духе понимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, уважения к свободе религии или убеждений других людей, а также с полным осознанием того, что его энергия и способности должны быть посвящены служению на благо других людей.

Статья 6 собственно и перечисляет стандарты, которым надлежит следовать государствам, принимая законодательства в области прав и свобод. Национальные законодательства должны включать следующие свободы в области мысли, совести, религии или убеждений:

a) отправлять культы и собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей;

b) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения;

c) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями;

d) писать, выпускать или распространять соответствующие публикации в этих областях;

e) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели;

f) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования;

g) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений;

h) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями;

i) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях.

Перечень перечисленных свободы не является исчерпывающим; это лишь тот минимум, который должен присутствовать в законодательстве каждого государства-участника. Причем, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений в статье 7 требует, чтобы вышеперечисленные права и свободы предоставлялись национальными законодательствами таким образом, чтобы каждый человек мог пользоваться ими **на практике**, а в ст.8 предостерегает:

Ничто в настоящей Декларации не должно истолковываться в смысле ограничения или отхода от любого права, как оно определено во Всеобщей декларации прав человека и в международных пактах о правах человека.

Наиболее значимой для России и, особенно, для ее граждан, имеет **Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод**, принятая членами Совета Европы 4 ноября 1950 г. – вскоре после Всеобщей декларации прав человека (10.12.1948), и ратифицированная Россией 30 марта 1998 г. Ее положение, касающееся свободы религии или убеждений (п.1. ст.9) слово в слово повторяет ст. 18 Всеобщей декларации:

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это права включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом, в богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Пункт 2 ст.9 говорит о некоторых ограничениях этой свободы, установленных **законом и необходимыми в демократическом обществе**, которые допустимы лишь в целях поддержания спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав свобод других лиц.

Конвенция подчеркивает, что ограничения не могут устанавливаться произвольно, но должны быть закреплены законом государства. Применительно к России, ограничения прав свободы совести устанавливаются **только федеральным законом** (п. 2 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), поэтому всякие ссылки на региональное или местное законодательство в этой части несостоятельны.

Фраза «необходимых в демократическом обществе» существенно сужает рамки допустимых обоснований превышения власти в области прав свободы религии и напоминает, что ограничения возможно только при **действительной необходимости**.

Почему Европейская конвенция важна для российских граждан? С 1998 г., когда Россия ратифицировала Конвенцию, они впервые получили возможность обращаться за защитой своих прав непосредственно в Европейский суд.

Европейский суд по правам человека является высшей инстанцией, трактующей положения Конвенции. В ряде его решений дается толкование слова «религия» в том смысле, в каком оно используется в Конвенции.

Ввиду имевших место попыток поставить в неравноправное положение или даже запретить нетрадиционные религии во время подготовки и принятия закона 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», сыграло важную роль постановление Европейского суда 1996 г., принятое в ходе слушания дела «Манусакис против Греции». Тогда Суд пришел к выводу, что государство не имеет право выносить решение относительно того, действительно ли что-то является религией или нет, и недвусмысленно объявил, что политика, которая лежит в основе гарантий на свободу вероисповедания, обеспечиваемых Конвенцией, заключается в следующем: «гарантировать настоящий плюрализм вероисповеданий». Суд отметил, что «свобода вероисповедания, гарантией которой является

Конвенция, исключает всякое право государства определять законность религиозных верований или способов выражения этих верований»¹.

Таким образом, решения Европейского суда пресекают продолжающиеся до настоящего времени попытки разделить конфессии на «правильные» и «неправильные», «традиционные» и «признаваемые» и т.д.

Европейский суд по правам человека принимает заявления от граждан государств-участников, считающих, что государство нарушило их права, если были исчерпаны все возможные внутригосударственные способы правовой защиты. С точки зрения Суда, действенными способами судебной защиты являются суды первой и второй (кассационной) инстанций. Суды надзорной инстанции, пересматривающие вступившие в законную силу судебные постановления, по мнению Европейского суда, таковыми быть не могут.

Обращение в Европейский суд должно быть сделано в течение шести месяцев с момента вынесения последнего решения национального суда.

Следует отметить, что Европейский суд принимает к производству лишь заявления о нарушениях конкретных положений Европейской конвенции, защищающих права человека. Заявления, выходящие за пределы Конвенции, считаются неприемлемыми.

Российская Федерация, ратифицировав Европейскую конвенцию, приняла на себя обязательство признавать принцип верховенства Закона. Любое лицо, находящееся под ее юрисдикцией, должно пользоваться правами и свободами человека, как это сформулировано и признано международным сообществом. Исходя из этого, решения Европейского суда являются обязательными для нашего правительства, ибо согласно ст. 15 Конституции РФ международное право имеет приоритет над федеральным законодательством.

Будучи членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Россия несет ответственность

¹ Возрождение свободы совести и ее защита. Руководство по защите прав человека. – М.: Московская Хельсинская Группа, 1999. – С. 9.

за выполнение деклараций и соглашений в области прав человека.

ОБСЕ является межправительственной организацией, в которую входят более 50 европейских государств, а также США и Канада. Она была образована, чтобы помогать разрешать конфликты во время «холодной войны» и с ее окончанием продолжает существовать как межправительственная организация, которая направляет свое внимание на разрешение конфликтов, обеспечение безопасности и соблюдение прав человека.

ОБСЕ разработала серию договоров, в которых признано необходимым использовать права человека в качестве основы для соглашений о разрешении конфликтов и обеспечении стандартов жизни цивилизованной страны. 1 августа 1975 г. в Хельсинки был подписан **Заключительный Акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе**. Он состоял из трех разделов, в которых изложены основные принципы европейской безопасности. Принцип VII первого раздела защищает свободу религий и убеждений:

Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений для всех, без различия расы, пола, языка и религии...

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести...

Тот уровень, на котором каждое государство на практике претворяет в жизнь права человека в соответствии с пактами ООН, Европейской конвенцией по правам человека, Хельсинскими соглашениями и другими международными документами, является показателем уровня его демократии.

Что касается России, то Комитет ООН по правам человека еще в 1998 г. признал, что она соблюдает «Международный пакт о гражданских и политических правах». Было с удовлетворением отмечено, что Уголовный кодекс, вышедший в 1997 г., признает преступлением подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти, а также другие деяния, направленные против прав и свобод человека.

Однако России по многим позициям общепринятых стандартов еще предстоит доказать на практике приверженность демократическим принципам, признанным международным сообществом.

Литература

1. Возрождение свободы совести и ее защита. Руководство по защите прав человека. – М.: Московская Хельсинская Группа, 1999.

2. Дурам К. Свобода религии и убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин // Обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь, 1999 г.- Варшава, 1999.

3. Дурам К. Перспективы религиозной свободы: сравнительный анализ. – М.: Институт религии и права, 1999.

4. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России (Религиоведческий анализ). – 2-е изд. – М., 2007.

5. Кантеров И.Я. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. Материалы научно-практического семинара / Под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002.

6. Конституция Российской Федерации. – М., 1994.

7. Крылова Г.А. Свобода совести на весах правосудия. – М.: Олимп, 1998.

8. Левинсон Л. Региональное законодательство и религиозная свобода // Религия и право. – Вып. 1. – июнь, 1997.

9. Маранов Р. Как работает Европейский суд по правам человека? // Религия и право. – 2007. - № 1.

10. Моран Г. М. Что такое религиозная свобода? Что должен гарантировать закон? // Религия и право. – Вып. 1. – июнь, 1997.

11. Николаева А.Н. Право на свободу совести: система контроля и надзора // Религия и право. – 2007. - № 1.

12. Придворнов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповеданий в праве современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

13. Прилуцкий А.М., Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления // Религиоведение. – 2006. - № 1.
14. Пчелинцев А.В. Совесть и власть. Останется ли Россия в Совете Европы? // Религия и право. – 1997. - № 2-3.
15. Пчелинцев А.В. К вопросу о терминах «традиционная религия» и «секта» // Религия и право. – 1999. - № 2.
16. Пчелинцев С.В. Свобода совести и вероисповедания в условиях военного положения // Религия и право. – 2002. - № 2.
17. Рыжов Ю. Религиозные меньшинства и права человека в России // Религия и право. – 2007. - № 1.
18. Ряховский В.В. Проблемы свободы совести в практике Европейского суда по правам человека // Религиозные организации и государство: перспективы взаимодействия. Материалы конференции 22-23 февраля 1999 г. – М.: Рудомино, 1999.
19. Ряховский В.В. Сектоведение: нельзя лгать от имени русского народа // Религия и право. – 2007. - № 1.
20. Свобода совести: механизмы защиты // Религия и право. – 2000. - № 1.
21. Смыслова Е.А. Юридические методы защиты религиозных меньшинств // Религия и право. – Вып. 1. – июнь, 1997.
22. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
23. Создан Институт свободы совести // Религиоведения. – 2002. - №2.
24. Судебная практика по делам, связанным с реализацией права на свободу совести и деятельностью религиозных организаций / Сост.: А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский. – М.: Рудомино, 2000.
25. Сьюэлл Е. Веротерпимость – основа международной стабильности и национальной безопасности // Религия и право. – 2004. - № 1.
26. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987.
27. Указ Президента РФ «О Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» от 20.05. 1996 г. № 740 // СЗ РФ. – 1996. - № 21.

28. Устав Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1995.

29. Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26.02.1997 г. № 1 // СЗ РФ. – 1997. - № 9.

Для заметок

Погасий Анатолий Кириллович

ЛЕКЦИИ ПО ЮРИДИЧЕСКОМУ
РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ

Учебное пособие

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

Подписано в печать 29.03.2021 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печатных листов 16,5.
Бумага офсетная, тираж 100. Заказ Б-
Отпечатано в

г. Казань, ул. Муштари, 11, тел. 259-56-48.
E-mail: meddok2005@mail.ru